ISSN 2686-9136 (Online)

DIGITAL LAW JOURNAL

Vol. 5, No. 4, 2024

ESSAYS

10 Can Artificial Intelligence Replace Human Judges?
Dmitry A. Tumanov

28 Artificial Intelligence and LegalTech: Risks of Transforming the Legal Profession
Konstantin L. Branovitskii

41 Application of Information Technology in Kazakh Civil Proceedings
Zauresh K. Baimoldina

55 Foreclosure on Cryptocurrency in the Enforcement Proceedings: A Possible Model
Alexandr V. Neznamov

67 The Impact of "Digital Justice" on the Role of the Prosecutor
Pavel D. Konstantinov

ARTICLES

79 Electronic Evidence in the Theory of Judicial Evidence
Svetlana S. Kazikhanova

96 Filing a Lawsuit Under Russian Procedural Law in the E-Justice Era
Irina N. Lukianova

NOTES

114 Digital Technologies and Access to Information about A Corporate Dispute
Dina Yu. Ionova

DIGITAL LAW JOURNAL

DIGITAL LAW JOURNAL

Journal of research and practice

Published since 2020
4 issues per year

Vol. 5, No. 4, 2024

ЦИФРОВОЕ ПРАВО

Научно-практический журнал

Журнал издается с 2020 г.
4 выпуска в год

Том 5, № 4, 2024

Contents

Editorial

8 *Maxim I. Inozemtsev*

Essays

10 Can Artificial Intelligence Replace Human Judges?
Dmitry A. Tumanov

28 Artificial Intelligence and LegalTech: Risks of Transforming the Legal Profession
Konstantin L. Branovitskii

41 Application of Information Technology in Kazakh Civil Proceedings
Zauresh K. Baimoldina

55 Foreclosure on Cryptocurrency in the Enforcement Proceedings: A Possible Model
Alexandr V. Neznamov

67 The Impact of "Digital Justice" on the Role of the Prosecutor
Pavel D. Konstantinov

Articles

79 Electronic Evidence in the Theory of Judicial Evidence
Svetlana S. Kazikhanova

96 Filing a Lawsuit Under Russian Procedural Law in the E-Justice Era
Irina N. Lukianova

Notes

114 Digital Technologies and Access to Information about A Corporate Dispute
Dina Yu. Ionova

Содержание

От редакции

8 *Максим Иноземцев*

Эссе

10 Может ли искусственный интеллект заменить судью-человека?
Дмитрий Туманов

28 Искусственный интеллект и LegalTech: риски трансформации юридической профессии
Константин Брановицкий

41 Применение информационных технологий в казахстанском гражданском судопроизводстве
Зауреш Баймолдина

55 Обращение взыскания на криптовалюту в рамках исполнительного производства: возможная модель
Александр Незнамов

67 Влияние дистанционного правосудия на деятельность прокурора
Павел Константинов

Статьи

79 Электронные доказательства в теории судебных доказательств
Светлана Казиханова

96 Обращение в российский суд в эпоху электронного правосудия
Ирина Лукьянова

Заметки

114 Цифровые технологии и обеспечение доступа к информации о корпоративном споре
Дина Ионова

DIGITAL LAW JOURNAL

AIMS AND SCOPE

The purpose of the Digital Law Journal is to provide a theoretical understanding of the laws that arise in Law and Economics in the digital environment, as well as to create a platform for finding the most suitable version of their legal regulation. This aim is especially vital for the Russian legal community, following the development of the digital economy in our country. The rest of the world has faced the same challenge, more or less successfully; an extensive practice of digital economy regulation has been developed, which provides good material for conducting comparative research on this issue. Theoretically, "Digital Law" is based on "Internet Law", formed in English-language scientific literature, which a number of researchers consider as a separate branch of Law.

The journal establishes the following objectives:

- Publication of research in the field of digital law and digital economy in order to intensify international scientific interaction and cooperation within the scientific community of experts.
- Meeting the information needs of professional specialists, government officials, representatives of public associations, and other citizens and organizations; this concerns assessment (scientific and legal) of modern approaches to the legal regulation of the digital economy.
- Dissemination of the achievements of current legal and economic science, and the improvement of professional relationships and scientific cooperative interaction between researchers and research groups in both Russia and foreign countries.

The journal publishes manuscripts in the following fields of developments and challenges facing legal regulation of the digital economy:

1. Legal provision of information security and the formation of a unified digital environment of trust (identification of subjects in the digital space, legally significant information exchange, etc.).
2. Regulatory support for electronic civil turnover; comprehensive legal research of data in the context of digital technology development, including personal data, public data, and "Big Data".
3. Legal support for data collection, storage, and processing.
4. Regulatory support for the introduction and use of innovative technologies in the financial market (cryptocurrencies, blockchain, etc.).
5. Regulatory incentives for the improvement of the digital economy; legal regulation of contractual relations arising in connection with the development of digital technologies; network contracts (smart contracts); legal regulation of E-Commerce.
6. The formation of legal conditions in the field of legal proceedings and notaries according to the development of the digital economy.
7. Legal provision of digital interaction between the private sector and the state; a definition of the "digital objects" of taxation and legal regime development for the taxation of business activities in the field of digital technologies; a digital budget; a comprehensive study of the legal conditions for using the results of intellectual activity in the digital economy; and digital economy and antitrust regulation.
8. Legal regulation of the digital economy in the context of integration processes.
9. Comprehensive research of legal and ethical aspects related to the development and application of artificial intelligence and robotics systems.
10. Changing approaches to training and retraining of legal personnel in the context of digital technology development; new requirements for the skills of lawyers.

The Journal has been included in the index of the Higher Attestation Commission (VAK) of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. The subject of the journal corresponds to the group of specialties "Legal Sciences" and "Economic Sciences".

The journal publishes manuscripts in Russian and English.

FOUNDER, PUBLISHER:

Maxim I. Inozemtsev
76, ave. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454

EDITOR-IN-CHIEF:

Maxim I. Inozemtsev, Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Private International and Civil Law, Head of Dissertation Council Department of MGIMO-University, inozemtsev@digitallawjournal.org
76, ave. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454

EDITORIAL BOARD

Alice Guerra — Ph.D. in Law and Economics, Associate Professor, Department of Economics, University of Bologna, Bologna, Italy

Max Gutbrod — Dr. jur., Independent Scientist, Former Partner and Managing Partner of Baker McKenzie, Moscow, Russia

Steffen Hindelang — Ph.D. in Law, Department of Law, University of Southern Denmark (University of Siddan), Odense, Denmark

Junzo Iida — Ph.D., Dean of the Graduate School of Law, Soka University, Tokyo, Japan

Anton A. Ivanov — PhD in Law, Associate Professor, Tenured Professor, School of Private Law, Academic Supervisor, Faculty of Law, HSE University, Moscow, Russia

Julia A. Kovalchuk — Dr. Sci. in Economics, Professor of the Department of Energy Service and Energy Supply Management, Moscow Aviation Institute, Moscow, Russia

Natalia V. Kozlova — Dr. Sci. in Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Danijela Lalić — Ph.D. in Technical Sciences, Associate Professor, Faculty of Industrial Engineering and Management, Novi Sad University, Novi Sad, Serbia

Clara Neppel — Ph.D. in Computer Science, Master in Intellectual Property Law and Management, Senior Director of the IEEE European Business Operations, Vienna, Austria

Ludmila A. Novoselova — Dr. Sci. in Law, Professor, Head of the Department of Financial Transactions and New Technologies in Law, Russian School of Private Law, Private Law Research Centre, Head of the Department of Intellectual Rights, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Francesco Parisi — Ph.D. in Law, Professor, Department of Law, University of Minnesota, Minneapolis, the USA

Vladimir A. Plotnikov — Dr. Sci. in Economics, Professor, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Bo Qin — Ph.D., Professor, Head of the Department of urban planning and management, Renmin University of China, Beijing, China

Elina L. Sidorenko — Dr. Sci. in Law, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Director of the Center for Digital Economics and Financial Innovations, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia

Founded:	The journal has been published since 2020
Frequency:	4 issues per year
DOI Prefix:	10.38044
ISSN online:	2686-9136
Mass Media Registration Certificate:	ЭЛ № ФС 77-76948 of 9 Oct. 2019 (Roskomnadzor)
Distribution:	Content is distributed under Creative Commons Attribution 4.0 License
Editorial Office:	76, ave. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454, +7 (495) 229-41-78, digitallawjournal.org, dlj@digitallawjournal.org
Published online:	30 December 2024
Copyright:	© Digital Law Journal, 2024
Price:	Free

REGION GROUP OF COMPANIES With support of REGION Group of Companies

ЦИФРОВОЕ ПРАВО

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Цель электронного журнала «Цифровое право» (Digital Law Journal) — создание дискуссионной площадки для осмысления в научно-практической плоскости легализации цифровых технологий, особенностей и перспектив их внедрения в нормативно-правовое поле. Особенно остро эта задача стоит перед российским сообществом правоведов в связи с развитием цифровой экономики в нашей стране. С этой же задачей сталкивается и остальной мир, решая её более или менее успешно. В мире сформировалась обширная практика нормативного регулирования цифровой экономики, она даёт хороший материал для проведения сравнительных исследований по этой проблематике. В теоретическом плане цифровое право опирается на сформировавшееся в англоязычной научной литературе академическое направление «интернет-право», которое ряд исследователей рассматривают как отдельную отрасль права.

Задачами журнала являются:

- Публикация исследований в области цифрового права и цифровой экономики с целью интенсификации международного научного взаимодействия и сотрудничества в рамках научного сообщества экспертов.
- Удовлетворение информационных потребностей специалистов-профессионалов, должностных лиц органов государственной власти, представителей общественных объединений, иных граждан и организаций в научно-правовой оценке современных подходов к правовому регулированию цифровой экономики.
- Распространение достижений актуальной юридической и экономической мысли, развитие профессиональных связей и научного кооперативного взаимодействия между исследователями и исследовательскими группами России и зарубежных государств.

В журнале публикуются рукописи по следующим направлениям развития и задачам, стоящим перед нормативным регулированием цифровой экономики.

1. Нормативное обеспечение информационной безопасности, формирование единой цифровой среды доверия (идентификация субъектов в цифровом пространстве, обмен юридически значимой информацией между ними и т. д.).
2. Нормативное обеспечение электронного гражданского оборота; комплексные правовые исследования оборота данных в условиях развития цифровых технологий, в том числе персональных данных, общедоступных данных, Big Data.
3. Нормативное обеспечение условий для сбора, хранения и обработки данных.
4. Нормативное обеспечение внедрения и использования инновационных технологий на финансовом рынке (криптовалюты, блокчейн и др.).
5. Нормативное стимулирование развития цифровой экономики; правовое регулирование договорных отношений, возникающих в связи с развитием цифровых технологий. Сетевые договоры (смарт-контракты). Правовое регулирование электронной торговли.
6. Формирование правовых условий в сфере судопроизводства и нотариата в связи с развитием цифровой экономики.
7. Обеспечение нормативного регулирования цифрового взаимодействия предпринимательского сообщества и государства; определение «цифровых объектов» налогов и разработка правового режима налогообложения предпринимательской деятельности в сфере цифровых технологий. Цифровой бюджет; комплексное исследование правовых условий использования результатов интеллектуальной деятельности в условиях цифровой экономики. Цифровая экономика и антимонопольное регулирование.
8. Нормативное регулирование цифровой экономикой в контексте интеграционных процессов.
9. Комплексные исследования правовых и этических аспектов, связанных с разработкой и применением систем искусственного интеллекта и робототехники.
10. Изменение подходов к подготовке и переподготовке юридических кадров в условиях развития цифровых технологий. Новые требования к навыкам и квалификации юристов.

Журнал включен в перечень ВАК по следующим специальностям: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки), 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки), 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки), 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.4. Финансы (экономические науки).

В журнале публикуются рукописи на русском и английском языках.

УЧРЕДИТЕЛЬ, ИЗДАТЕЛЬ:

Иноземцев Максим Игоревич
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Максим Игоревич Иноземцев, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и гражданского права им. С. Н. Лебедева, начальник отдела диссертационных советов МГИМО МИД России, inozemtsev@digitallawjournal.org
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Герра А. — Ph.D. in Law and Economics, доцент факультета экономики, Болонский университет, Болонья, Италия
Гутброд М. — Dr. jur., независимый исследователь, бывший управляющий партнер международной юридической фирмы Baker McKenzie, Москва, Россия
Иида Д. — Ph.D., декан Высшей школы по праву, Университет Сока, Токио, Япония
Иванов А.А. — кандидат юридических наук, доцент, ординарный профессор, департамент частного права, научный руководитель факультета права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
Ковальчук Ю.А. — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры энергетического сервиса и управления энергоснабжением, Московский авиационный институт, Москва, Россия
Козлова Н.В. — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Лалич Д. — Ph.D. in Technical Sciences, доцент факультета промышленной инженерии и менеджмента, Нови-Садский университет, Нови-Сад, Сербия
Неппель К. — Ph.D. in Computer Science (Technical University of Munich), Master in Intellectual Property Law and Management (University of Strasbourg), старший директор по вопросам европейских бизнес-операций Института инженеров электротехники и электроники, Вена, Австрия
Новоселова Л.А. — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансовых сделок и новых технологий в праве, Российская школа частного права, Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, заведующий кафедрой интеллектуальных прав, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия
Паризи Ф. — Ph.D. in Law, профессор факультета права, Миннесотский университет, Миннеаполис, США
Плотников В.А. — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия
Сидоренко Э.Л. — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, директор Центра цифровой экономики и финансовых инноваций, МГИМО МИД России, Москва, Россия
Хинделанг Ш. — Ph.D. in Law, факультет права, Университет Южной Дании (Сидданский университет), Оденсе, Дания
Цинь Б. — Ph.D., профессор, заведующий кафедрой городского планирования и управления, Университет Жэньминь, Пекин, Китай

История издания журнала:	Журнал издается с 2020 г.
Периодичность:	4 выпуска в год
Префикс DOI:	10.38044
ISSN online:	2686-9136
Свидетельство о регистрации средства массовой информации:	№ ФС 77-76948 от 09.10.2019 (Роскомнадзор)
Условия распространения материалов:	Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License
Редакция:	119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76, +7 (495) 229-41-78, digitallawjournal.org, dlj@digitallawjournal.org
Дата публикации:	30.12.2024
Копирайт:	© Цифровое право, 2024
Цена:	Свободная

РЕГИОН ГРУППА КОМПАНИЙ При поддержке Группы компаний «РЕГИОН»

Digital Law Journal. Vol. 5, No. 4, 2024, p. 8–9
Maxim Inozemtsev / Digital Law Journal: Introduction

https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-4-8-9

Check for updates

CC BY 4.0

EDITORIAL

Dear reader,

You are holding a special issue of the Digital Law Journal devoted to the challenges of procedural law in the era of digital transformation. The choice of this theme is far from accidental: today, it is precisely procedural law that has become the domain where the promises and risks of digital transformation are most visible and acute. Digital legal proceedings, remote hearings, electronic evidence, and the potential use of artificial intelligence in judicial proceedings are no longer questions of futurism, but realities requiring careful scholarly analysis and normative reflection.

Procedural law now stands at the center of an active academic and professional debate. With the rapid development of technology, procedural form increasingly becomes the arena where digital solutions collide with the principles of judicial proceedings: equality of arms, judicial independence, openness, and access to justice. The critical question arises: how can the guarantees of the rule of law be preserved when technology so rapidly transforms communication between parties, the nature of evidence, and even our understanding of the role of the judiciary?

The Editorial Board expresses its gratitude to the guest editor of this issue — Professor **Dmitry Tumanov**, Procedural Law Department at the Russian Foreign Trade Academy — whose initiative and thoughtful academic guidance brought together scholars from different countries and regions to engage in dialogue on the future of procedural law in the digital era. Thanks to his efforts, this issue combines both fundamental theoretical reflection and applied research, addressing a wide spectrum of issues raised by the digital transformation of justice.

The *Essays* section opens with Professor Tumanov's own contribution, which poses a direct question: can artificial intelligence ever replace a human judge? As the study demonstrates, any affirmative answer remains premature. Justice is inconceivable without the principles that make its realization possible, some of which are, at the current stage, incompatible with the use of artificial intelligence technologies. Continuing this discussion, **Konstantin Branovitskii** analyzes the risks posed by the expansion of LegalTech: the deprofessionalization of the legal profession, the erosion of responsibility, and the shifting of adjudicatory functions into the technological sphere.

Equally thought-provoking is **Pavel Konstantinov**'s essay, which explores the transformation of the prosecutor's role in the context of remote justice, where new forms of openness and accessibility inevitably alter the balance of procedural functions. The perspective from Kazakhstan is presented by **Zauresh Baimoldina**, who evaluates the possibilities and limitations of using IT in civil proceedings, emphasizing the need for systemic regulation and codification initiatives.

Alexander Neznamov contributes an essay on enforcement proceedings, examining possible models for the seizure of cryptocurrency. His analysis demonstrates how existing procedural frameworks can be adapted to accommodate new categories of digital assets.

The *Articles* section opens with **Irina Lukyanova**'s study of filing lawsuits under Russian procedural law in the era of electronic legal proceedings. Her analysis focuses on access to justice, the review of electronic claims, and the application of the functional equivalence approach in line with UNCITRAL's recommendations. **Svetlana Kazikhanova**'s article examines electronic evidence in the theory of judicial proof. She convincingly argues that the legal nature of such evidence does not justify its recognition as a separate category, but rather requires its evaluation under the already established principles of judicial proceedings.

The issue concludes with a *Note* by **Dina Ionova** on ensuring access to information in corporate disputes through digital technologies. Her emphasis on the practical aspects of corporate procedure provides a fitting conclusion to the issue and highlights the breadth of procedural challenges posed by digital transformation.

Together, the contributions collected here cover the central domains of procedural law in the digital age: from the theory of evidence and the foundations of judicial form to the regulation of LegalTech and the treatment of cryptoassets. These works will undoubtedly be of interest to both scholars and practitioners engaged in shaping the legal foundations of digital justice.

On behalf of the Editorial Board, I sincerely thank the authors, reviewers, and readers for their contribution to the development of our international scholarly project. I am convinced that the research presented in this issue will serve not only as a stimulus for further academic debate, but also as a valuable guide in addressing the challenges of the digital age.

Maxim Inozemtsev
Editor-in-Chief

https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-1

Check for updates

CC BY 4.0

ESSAYS

CAN ARTIFICIAL INTELLIGENCE REPLACE HUMAN JUDGES?

Dmitry A. Tumanov

Russian Foreign Trade Academy
6A, Vorobiyovskoye Highway, Moscow, Russia, 119285

Abstract

The essay highlights the positions of Russian legal scholars, specialists in procedural law, according to whom modern technologies should change the very essence of legal proceedings. The process, in particular, will consist in the fact that sooner or later a human judge will be replaced by artificial intelligence, and digital legal proceedings will take place according to new principles. For their part, the author of the essay puts forward arguments justifying the value of the classical principles of legal proceedings, primarily listed in Art. 10 of the Universal Declaration of Human Rights of 1948, since only their action creates a regime in which justice is administered, the highest quality of protection of subjective rights, freedoms and legitimate interests is ensured. Special focus is put on the thesis research of Danil Olegovich Drozd on the topic *"The Procedural Forms of the Use of Artificial Intelligence Elements in the Modern Commercial and Civil Litigation"* (Moscow, 2024), the author of which proposed options for adapting the known principles of the judicial process to artificial intelligence. In response, arguments are given in favour of the fact that it will not be possible to adapt the key principles of justice to artificial intelligence at present or in the near future. At the same time, the principle of judicial independence is emphasized, as well as the principle of the administration of justice exclusively by the court. Consequently, it is obviously too early to talk about the possibility of replacing a human judge in administering justice with such intelligence. The author believes that modern technologies can certainly facilitate the administration of justice, including by facilitating access to it for various people. At the same time, the rule, according to which such technologies should fully ensure the operation of generally known principles of justice, should be applied as a key principle of using modern technologies in legal proceedings.

Keywords

digital (electronic) legal proceedings, artificial intelligence in judicial proceedings, principles of judicial proceedings, principle of judicial independence, principle of justice being administered only by the courts

Conflict of interest	The author declares no conflict of interest.
Financial disclosure	The study has no sponsorship.
For citation	Tumanov, D. A. (2024). Can artificial intelligence replace human judges? *Digital Law Journal*, 5(4), 10–27. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-1

Submitted: 3 Oct. 2024, accepted: 15 Nov. 2024, published: 30 Dec. 2024

ЭССЕ

МОЖЕТ ЛИ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ЗАМЕНИТЬ СУДЬЮ-ЧЕЛОВЕКА?

Д. А. Туманов

Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации
119285, Россия, Москва, Воробьевское ш., 6а

Аннотация

В эссе освещаются позиции российских правоведов — специалистов по процессуальному праву, по мнению которых современные технологии должны изменить само существо судопроизводства. Процесс, в частности, будет заключаться в том, что рано или поздно судью-человека заменит искусственный интеллект, а цифровое судопроизводство будет происходить по новым принципам. Со своей стороны, автор эссе выдвигает доводы, обосновывающие ценность классических принципов судопроизводства, в первую очередь перечисленных в ст. 10 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., поскольку только их действие создает режим, в котором осуществляется правосудие, обеспечивается высшее качество защиты субъективных прав, свобод и законных интересов. Особое внимание уделяется диссертационному исследованию Д. О. Дрозда на тему: «Процессуальные формы использования элементов искусственного интеллекта в современном арбитражном и гражданском судопроизводстве» (Москва, 2024 год), автор которого предложил варианты адаптации известных принципов судебного процесса к искусственному интеллекту. В ответ приводятся аргументы в пользу того, что в настоящее время или в ближайшем будущем подстроить ключевые принципы правосудия под искусственный интеллект не получится. При этом акцентируется принцип независимости суда, а также принцип осуществления правосудия исключительно судом. Соответственно, говорить о возможности замены судьи-человека в процессе осуществления правосудия на такой интеллект, очевидно, преждевременно. Автор полагает, что современные технологии, безусловно, могут способствовать осуществлению правосудия, в том числе облегчая доступ к нему для разных лиц. При этом в качестве ключевого принципа использования современных технологий в судопроизводстве следует применять правило, согласно которому такие технологии должны всецело обеспечивать действие общеизвестных принципов правосудия.

Ключевые слова

цифровое (электронное) судопроизводство, искусственный интеллект в судопроизводстве, принципы судопроизводства, принцип независимости суда, принцип осуществления правосудия только судом

Конфликт интересов	Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.
Финансирование	Исследование не имеет спонсорской поддержки.
Для цитирования	Туманов, Д. А. (2024). Может ли искусственный интеллект заменить судью-человека? *Цифровое право, 5*(4), 10–27. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-1

Поступила: 03.10.2024, принята в печать: 15.11.2024, опубликована: 30.12.2024

In Place of an Introduction

Modern technologies are increasingly integrated into all spheres of human activity, and legal relations are no exception. Today, such relations are often created, modified, and concluded with the help of information technologies. Moreover, digital tools are actively employed to protect the subjective rights, freedoms, and legitimate interests of individuals and legal entities. While, initially, digitalization primarily affected the format of legal protection procedures (Gilles, 2011, pp. 41–54), it now clearly influences their very substance.

Some legal scholars view the spread of IT in the legal domain with great enthusiasm, While recognizing its potential benefits for both society and the individual, others caution that the universal integration of artificial intelligence into legal practice may lead to stagnation in legal development. They argue that excessive reliance on AI could weaken analytical thinking and obscure hidden threats within electronic justice systems (Kovler, 2022, pp. 5–29).

Today, the use of modern technologies in the protection of rights is, quite simply, a global trend. In many countries, IT is being used to improve the efficiency of legal professionals and help individuals address legal issues without direct legal assistance. Online Dispute Resolution (ODR) systems have emerged, aimed at reducing the need for court intervention and alleviating pressure on judicial systems. These platforms are modeled after traditional alternative dispute resolution methods such as arbitration, negotiation, and mediation. AI may serve either as an assistant to human arbitrators or act as a full replacement.

However, critics point to significant limitations. While artificial intelligence may be effective in routine matters, it struggles with complex disputes. Algorithm-based decision-making lacks empathy, contextual sensitivity, and ethical judgment — qualities that are essential for administering fair and humane justice (Nhemi, 2023).

Overview of the Positions of Supporters of Introducing AI into Legal Proceedings

A prominent procedural scholar and retired judge from the Ural school, **I. Reshetnikova**, asserts that artificial intelligence will inevitably transform legal proceedings. She argues that AI could be entrusted with predicting the likely outcome of a case, thereby assisting disputing parties in deciding whether to pursue litigation or reach a settlement. She also suggests that AI might be permitted to render interim decisions, with parties retaining the right to challenge them — after which the case would proceed in a traditional adversarial format with full procedural safeguards (Reshetnikova, 2024, pp. 30–41).

A. Neznamov, who shares the same academic tradition, contends that AI in the justice system is no longer the realm of science fiction but a realistic near- or medium-term prospect. Consequently, he argues that the focus should shift from debating whether AI should be used in judicial activity to examining the rules, principles, and challenges surrounding its implementation (Neznamov, 2024, pp. 90–106).

Neznamov proposes two models for the application of AI in Russian civil proceedings:

- Surrogate Justice — in which artificial intelligence independently analyzes case facts and renders decisions under human procedural and technical supervision. He likens this model to summary proceedings, which already involve limited adversarial elements and follow a largely formalized structure.
- **Augmented Justice** — where AI supports judicial work by providing analysis and draft solutions, while the final decision remains with a human judge. Neznamov considers this model particularly appropriate at the pre-trial stage (Neznamov, 2024, p. 95).

Neznamov also emphasizes that artificial intelligence could enhance consistency in judicial practice (Neznamov, 2024, p. 99).

Many other scholars, likewise, support the admissibility of AI in **summary proceedings**, regardless of whether decisions are rendered by a human or a machine, given that such formats lack fully adversarial hearings and typically involve largely uncontested claims.

Some scholars take this idea further. For example, **V. Laptev** proposes assigning all first-instance cases to AI, with appellate review reserved for human judges. He notes that if both levels were managed by AI, appellate findings would likely always align with those of the lower instance (Laptev, 2024, pp. 44–51). Notably, Laptev does not address the foundational principles on which such AI-based justice would be built.

Other researchers adopt a more cautious approach. **Kurochkin**, for instance, argues that only AI systems that meet rigorous legal standards and are developed in full compliance with civil procedural principles should be permitted in judicial practice (Kurochkin, 2024, pp. 42–74). Nonetheless, the practical mechanisms for such integration often remain undefined.

A different group of scholars views artificial intelligence as a catalyst for **transforming the very principles** of legal proceedings. Once again, **Reshetnikova** notes that a significant percentage (40–60%) of civil cases are now resolved without oral hearings — through summary, simplified, or default procedures. She concludes that the classical principle of orality in adversarial proceedings is gradually giving way to a written and digital formats (Reshetnikova, 2024, p. 38).

Some scholars occasionally propose new principles that, in their view, should underpin digital legal proceedings. For example, **Samsonova** (2022, pp. 77–128) highlights the importance of ensuring access to information about the progress and status of individual cases. **Mironova** (2021, p. 15) emphasizes the principle of informatization as a foundational element of modern justice.

A more nuanced position is offered by **E. G. Streltsova**, who acknowledges that digitalization may influence the transformation of existing procedural principles but does not, in itself, create entirely new ones. However, with regard to algorithmic decision-making, she argues that it must be governed by newly formulated fundamental principles — such as **the principle of fair use of digital technologies**. This principle would serve as a legal framework for determining whether the outcomes of interactions with digital systems should be upheld or annulled (Streltsova, 2024, pp. 75–89).

The discussion extends beyond civil procedure. Scholars in the fields of criminal procedure and forensic science also observe that digital technologies are reshaping the judicial process. For example, **L. V. Bertovsky** suggests that the introduction of AI will give rise to a new, hybrid theory of evidence. Under this model, evidentiary material obtained during investigations must be formalized — that is, converted into a machine-readable format. A human judge would then issue a decision based on personal conviction, informed by AI-generated recommendations and a 'human-readable' explanation of how those recommendations were formed (Bertovsky, 2022, pp. 8–12).

As noted earlier, numerous recent dissertations examine the legal implications of digitalization. Of particular interest is a 2024 thesis by **Danil Olegovich Drozd**, the key arguments of which are summarized below.

Drozd offers an illustrative analogy: the **goals and objectives** of legal proceedings represent the destination; the **principles of justice** are the rails that guide the process; and AI systems are the railway cars. These cars can only run on rails with which they are compatible. In other words, AI systems that do not align with the foundational principles of justice cannot, as a general rule, be used in legal proceedings.

Nonetheless, Drozd argues that it may be permissible to **modify or depart from existing principles** if doing so facilitates the achievement of the primary goals of legal proceedings. He contends that the **objectives of legal proceedings take precedence over procedural principles**, which serve merely as instruments to realize those objectives (Drozd, 2024, p. 83).

In his further analysis, Drozd examines the relationship between artificial intelligence and **judicial discretion**, as well as fundamental legal principles such as **the administration of justice solely by the court and judicial independence** (Drozd, 2024, pp. 97–175). He defines judicial discretion as the authority of a judge to resolve contested legal issues that are not explicitly regulated by statute, based on the overarching principles of the current legal system (Drozd, 2024, p. 106). Such discretion, he argues, must be firmly grounded in codified legal principles and must be clearly articulated in the court's reasoning (Drozd, 2024, p. 111).

Because these principles are inherently abstract, **modern AI systems** — and even those anticipated in the near future — **are incapable of resolving cases that require the exercise of genuine judicial discretion**. However, AI can assist in determining whether a legal gap truly exists.

Accordingly, full adjudication by AI may be appropriate only when two conditions are met:

1. **The case is factually typical**, such that no judicial discretion is required at the procedural stage
2. **There exists a clear and consistent judicial precedent** in the relevant area of substantive law (Drozd, 2024, pp. 111–112, 115).

Regarding **the principle of the administration of justice solely by the court**, D. Drozd observes: "It may seem that if AI performs part of the judicial activity instead of a human, the said principle will automatically be violated" (Drozd, 2024, pp. 93–94).

However, he argues that the use of AI in judicial decision-making **does not inherently violate** this constitutional principle, provided that AI is integrated as a **component of the judicial system** and operates within the court as part of a unified procedural mechanism.

According to Drozd, the key issue lies in **how AI is used**:

- If AI functions as a **technical assistant** to the judge — similar to court clerks or judicial aides — its role does not require substantial legislative revision, as the work of court personnel is currently subject to **minimal regulation**.
- If AI is to play a more active role in the administration of justice, **legislative amendments** may be necessary. These would include the formal recognition of AI as an entity involved in delivering justice and its explicit inclusion among the participants in judicial decision-making (Drozd, 2024, p. 95).

Drozd also addresses the **principle of judicial independence**, which he defines as a condition in which: "courts and individual judges have the opportunity to act and make decisions freely from any external pressure, being confident in their protection from punishment of any kind" (Drozd, 2024, p. 126).

This definition implies that no judge — nor any external party, including actors outside the judiciary — should be able to influence decisions in specific cases or shape broader judicial practice.

Drozd offers a **set of normative and institutional criteria** for assessing whether judicial independence is maintained:

1. Judicial independence and the structure of the court system must be protected by **entrenched law**, which is not easily subject to amendment.
2. Judicial appointments must be **free from monopoly** and, ideally, made by a collective body involving various legal communities or branches of government.
3. Judges should be appointed **for life** or until a fixed retirement age, with clearly defined rules for any potential revision.
4. The **removal or suspension** of judges must follow complex procedures and be based on a closed list of grounds, excluding discretionary decisions by powerful individuals.
5. Judicial **budgets must be protected** from political interference, and judicial salaries must be indexed to inflation and comparable to those in other legal professions.
6. The **assignment of cases** to judges should be automatic or strictly regulated to prevent manipulation.
7. Judicial proceedings must be **fully transparent**, including the publication of both majority and dissenting opinions. The **reasoning** provided in judgments plays a central role in ensuring accountability (Drozd, 2024, pp. 128–130).

In this context, the use of AI can present a risk to judicial independence, depending on how the system is built and trained.

Drozd outlines three possible **training models** for judicial AI:

1. AI systems are **pre-trained by developers** to resolve legal problems according to predetermined rules.

2. AI **learns autonomously** from legal practice by analyzing existing court decisions and doctrines.
3. A hybrid model: AI is initially trained by developers and then continues to learn from **case law and doctrinal sources** (Drozd, 2024, p. 117).

The degree to which AI reflects or deviates from judicial independence will depend on the **transparency, quality of sources, and regulatory oversight** involved in its training and use.

D. O. Drozd acknowledges that in all three AI training models — whether developer-driven, practice-based, or hybrid — **AI inevitably reflects external views** "whether these are the opinions of the developers of the system itself or the opinions of the authors of academic works that make up the legal doctrine (Drozd, 2024, p. 118)."

However, in his view, this **does not preclude the possibility** of entrusting AI with judicial functions, nor does it inherently violate the **principle of judicial independence**. To reconcile these concepts, Drozd proposes **adapting the traditional criteria of judicial independence** for use in evaluating AI-based judicial systems.

For example, the **second criterion**, which concerns the procedure for judicial appointment, requires substantial reform in the context of AI. Rather than a traditional appointment process, **the design and development of AI systems for the judiciary should be entrusted to a plurality of actors with divergent or even conflicting interests**. This multipolar governance structure is essential for preventing monopolization and ensuring that no single entity controls the value framework embedded in AI's functioning.

The possible composition of such a group of stakeholders can be inferred from the recommendations of the **Council of Europe's Commissioner for Human Rights** on the use of artificial intelligence in the public sector. These recommendations emphasize inclusivity, **transparency, and accountability** in AI development, particularly when fundamental rights — such as access to justice and fair trial guarantees — are at stake.[1]

Regarding **the final criterion** of judicial independence, D. O. Drozd emphasizes that it will be satisfied **only if the fact and scope of AI use in judicial proceedings are explicitly disclosed** to all parties. This disclosure must occur both **prior to the deployment of the AI system** and be reflected in the **final judicial decision** (Drozd, 2024, p. 136). Furthermore, **the reasoning behind AI-generated decisions should be made accessible** to the extent technically possible. According to Drozd, this transparency can be achieved **either through the system's outputs** or, where appropriate, **through access to its source code**.

Another crucial element of AI independence, in Drozd's view, is the **protection of such systems from covert interference**. This includes unauthorized influence by **technical staff, court employees, judges themselves, or any other actors** with system access. Moreover**, the decision-making logic must be safeguarded against unilateral modifications** that could compromise the system's neutrality (Drozd, 2024, pp. 136–140).

Let us contribute some reflections on the matter under discussion.

---

[1] Commissioner for Human Rights. (2019). *Unboxing artificial intelligence: 10 steps to protect human rights.* Council of Europe. https://rm.coe.int/unboxing-artificial-intelligence-10-steps-to-protect-human-rights-reco/1680946e64

It is **evident from the positions analyzed above** that the authors agree on one key point: **the influence of information technologies is bound to bring about fundamental changes** in the very nature of legal proceedings. However, **the extent of such changes** envisioned by each author **varies considerably**.

Our analysis suggests that **researchers who recognize the existence of justice not only in classical claim-based procedures but also in simplified proceedings — such as order-based processes — appear more willing to discard traditional procedural principles**. Their reasoning seems to rest on the observation that **summary proceedings operate without reference to core principles of civil procedure**, and yet justice is still presumed to be administered.

If this premise is accepted, the **logical conclusion** would be that **the application of such principles is not a necessary condition for the administration of justice**. Following this line of reasoning, one could be led to **justify the replacement of human judges by an AI system** on the basis that the system's rulings could still be **considered lawful adjudication**, regardless of their adherence to established procedural norms.

At the same time, some authors **who acknowledge the significance of traditional principles** nonetheless advocate for **their partial revision — or even complete replacement** — with new principles adapted to the digital context.

Let us now consider a different perspective.

We proceed from the assumption that **true justice can only be administered through a procedure grounded in a specific system of guarantees**. These guarantees are not arbitrary. They are designed to ensure the **reliable establishment of facts**, to **protect against arbitrariness** — whether by the court or external actors — and to **safeguard the rights and interests of all legal subjects** more effectively than any alternative dispute resolution mechanism.

The **content and structure** of this system of guarantees are not incidental. They have developed **gradually over time** through legal evolution, doctrinal refinement, and even social and political struggles. These guarantees have **crystallized into what we now recognize as the principles of legal procedure**, and their significance cannot be lightly dismissed — even in the face of digital innovation.

These guarantees primarily encompass the principles of legal proceedings, particularly those enshrined in Article 10 of the 1948 *Universal Declaration of Human Rights*,[2] and now reflected in the constitutions of many countries. In this regard, we believe that the objectives of legal proceedings — above all, the protection of individual rights, freedoms, and legitimate interests through the administration of justice — can be achieved only when these principles are actively upheld and applied.

This does not imply that the protection of legal interests is unattainable by other means. Rather, it means that such protection, when exercised outside the framework of judicial procedure, **does not constitute the administration of justice**, and therefore lacks the legal and institutional consequences that derive from it. Accordingly, when non-judicial (**i.e., extra-judicial**) remedies prove inadequate, affected parties must retain the **right to seek judicial**

[2] GA Res. 217 (III) A, Universal Declaration of Human Rights, art. 10 (Dec. 10, 1948).

protection. This protection is implemented within a specific system of procedural guarantees and represents **the highest standard of legal redress**.

It may even be argued that **the public demand for this form of protection** has not only established it as **the central aim of legal proceedings** but has also driven the development of **the very system of principles** designed to ensure its realization.[3]

In our view, a change in the principles of legal proceedings is permissible in only two cases:

(a) when the *goals* of legal proceedings are revised — particularly the *primary goal* outlined above — since new objectives will likely require corresponding means of implementation (i.e. new principles)

(b) when *new principles* are developed and substantiated that are more effective than existing ones in ensuring that the *currently recognized goals* of legal proceedings are reached.

Nevertheless, we believe that, to date, no truly convincing arguments have been presented in academic literature to support the emergence of new goals of legal proceedings that would replace the existing ones. Moreover, it is the pursuit of the current primary goal — the protection of subjective rights, freedoms, and legitimate interests — that produces a multifaceted effect, which is beneficial to society, individuals, and the state.[4] For this reason, it is unlikely that this goal should or could be replaced, either now or in the future.

As for the so-called *new* principles of legal proceedings, we find the very rationale for their introduction highly questionable. For example, the frequently cited principle of the *availability of information about legal proceedings in a specific case* is already fully encompassed by established principles — namely, the principle of **adversarial proceedings** (insofar as it ensures access to case materials for the parties involved) and the principle of **publicity** (insofar as it guarantees transparency for the general public).

The same applies to the proposed principle of the *fair use of digital technologies*. It is unclear which specific goal of legal proceedings this principle is intended to support. If its purpose is to prevent violations of procedural rights through the use of digital tools, such protection is already afforded by the classical **principle of legality**, which in the procedural context stipulates that all participants in legal proceedings may act only within the bounds explicitly permitted by law.

If, on the other hand, the principle of fair use is intended as a refined or adjusted version of what is sometimes referred to in the literature as procedural fairness, then such a principle appears not only redundant, but potentially harmful. Procedural activity, by its nature, is aimed at protecting the subjective rights, freedoms, and legitimate interests of parties holding opposing legal positions. Accordingly, the exercise of any procedural right — even by a party acting in bad faith — still constitutes an exercise of the right to judicial protection. Restricting that right on the basis of subjective assessments of bad faith risks undermining the foundational principle of **universal access to justice**.

---

[3] It should also be noted that only a small number of authors reflecting on the topic of new principles also touch upon the issue of the goals of legal proceedings, although the indicated problems are inseparably linked.

[4] For a detailed justification of this, see: Tumanov (2024, pp. 153–172).

Moreover, unlike material civil relations, procedural relations always involve the court as an active participant, which ensures that the actions of other participants are subject to judicial oversight. It is this structural safeguard — rather than the adoption of a principle of good faith — that effectively prevents the abuse of procedural rights.

It could be argued that the principle of fair use of digital technologies is intended for a new kind of judicial process — one involving artificial intelligence or even procedural interactions without the participation of human judges. Indeed, some authors suggest the possibility of such models. To this, we respond: a serious academic debate on such forms of proceedings is only viable if, beyond hypothetical assertions, proponents can present persuasive evidence that these innovations would yield greater benefits for society, the state, and individuals than the current model of justice, which operates under universally recognized principles and with the mandatory involvement of a human judge.

Similarly, the so-called principle of *information content* cannot be regarded as a legal principle in the proper sense. Rather than serving as a normative foundation, it merely describes a feature of the legal process.

As noted earlier, some scholars such as D. O. Drozd have sought to adapt the existing principles of legal proceedings to accommodate digital tools, rather than abandon them altogether. This cautious and incremental approach is commendable. Nevertheless, in our view, Drozd's proposals do not resolve the core issue: the fundamental incompatibility of the use of artificial intelligence and the foundational principles that make the administration of justice possible.

One of Drozd's key assumptions is particularly problematic — namely, the notion that AI can be entrusted with cases that do not require judicial discretion. This position is difficult to support. The need for discretion may arise even in cases that appear routine on the surface, and recognizing that need requires a preliminary substantive analysis. If AI is assigned to a case before such analysis occurs, how can it reliably determine whether judicial discretion is required?

Therefore, any attempt to divide cases into those suitable for AI and those requiring a human judge carries the risk of misclassification, with AI inevitably handling cases in which discretion is, in fact, essential.

Further, Drozd's proposal to use AI to identify gaps in the law is also questionable — particularly as a general or universal approach. While AI may be capable of flagging situations in which a legal norm appears to be absent, it cannot determine whether the gap truly reflects a legislative omission or merely an area that is not — and should not be — subject to regulation. Making this distinction requires the application of doctrinal categories such as *the subject matter of a legal branch, the concept of legal regulation,* and *methods of legal regulation*. These categories are more abstract and complex than even legal principles themselves, which Drozd acknowledges are too vague for AI to process. If AI cannot reliably apply legal principles, it is even less likely to comprehend and navigate the abstract logic that defines the boundaries of the legal system.

It is important to emphasize that courts must apply both substantive and procedural legal principles in every case. These principles are often essential for the correct interpretation of specific legal norms. Since legal principles are themselves norms of law, courts not only have the right to apply them — they are obligated to do so. This requirement further challenges the suitability of AI for adjudication.[5] Even setting aside the aforementioned concerns, the AI model proposed by Drozd applies law in a narrowly positivist sense. Such a limited framework is unlikely to provide full protection to all parties involved. Today, the law must be approached in an integrative way, combining elements of legal positivism with natural law and sociological jurisprudence. Only through such a comprehensive approach can courts invalidate unlawful legislation, refuse to apply unjust norms, or interpret laws *contra legem* in order to protect violated rights.

Consider, too, Drozd's approach to adapting legal principles for AI. At first glance, the modifications he proposes seem to preserve the essence of those principles while enabling AI to administer justice. In reality, this is not the case. Drozd defines compliance with legal principles using criteria that fail to fully reflect their true function. For example, his criteria for judicial independence overlook a key dimension: the judge's capacity to oppose other branches of power. AI is unlikely ever to fulfill this role.

Judicial independence is grounded in distinctly human qualities — life experience, wisdom, empathy, and deep legal consciousness — not merely the ability to apply memorized rules. Critics may argue that not every judge possesses these traits. That may be true, but history shows that judicial weakness more often stems from external pressure than from the absence of capable judges. In many cases, it is precisely those in power who prevent such judges from being appointed.

It should also be noted that legal certainty — often cited as a benefit of AI due to its ability to ensure uniformity in judicial practice — is indeed important, but it is only truly valuable when it serves to uphold the *living* law. When uniformity leads to the repeated enforcement of flawed legal interpretations across all judicial instances, AI, unlike a human judge, cannot break this vicious cycle of systemic error. On the contrary, it will simply entrench and perpetuate it.

In this regard, the implementation of Drozd's proposals will not, in fact, lead to a meaningful integration of the principle of judicial independence with AI. At best, it may allow for some degree of autonomous functioning — but this autonomy cannot begin to approach the significance or role of judicial independence within the system of justice.

D. Drozd's proposal to adapt the principle that only courts administer justice to include AI is, in our view, unacceptable. This principle holds that only a court may render final decisions concerning legal rights and interests. The Constitution of the Russian Federation links this

[5] An exception, in our view, is the issuance of court orders, which AI can handle. Writ proceedings are not true justice administration, as many legal principles do not apply to them (see Tumanov, 2024, pp. 150–153). Court orders rely on documents that clearly confirm the debt. Such orders can be canceled through a simplified process and do not prevent filing a claim, since unlike court decisions, they lack exclusive legal force. Additionally, AI could verify debtor signatures on documents by comparing them with samples in databases (e.g., the State Services system), reducing fraud risks.

function to a specific system of legal principles. Any body — even one labeled a 'court' and composed of artificial intelligence — does not truly administer justice if it operates outside that system of principles.

Replacing human judges with AI is highly likely to violate one of the foundational principles of legal proceedings: judicial independence. In such a scenario, justice would not be properly administered by the so-called 'court'.

As noted in a previous article, even if AI eventually acquires many human-like traits, it should not be entrusted with the administration of justice. Human knowledge develops through lived experience, social interaction, and emotional understanding. This personal dimension shapes a judge's comprehension of people and society. AI — no matter how sophisticated — remains fundamentally different. Not every person can fully understand another's interests, but only humans are capable of approximating true understanding of another person.

Moreover, if AI were ever to fully replicate human intelligence through accumulated social experience, the distinction between artificial and natural intelligence would begin to blur. Treating different intelligences differently based solely on their origin could raise serious ethical and legal concerns, including the risk of discrimination (Tumanov, 2024a, pp. 20–21).

We acknowledge that human judges are far from perfect. In many countries — especially those lacking strong democratic institutions — judges may, in certain cases, fail to maintain impartiality. However, this occurs not because the necessary safeguards for justice do not exist, but because they are not effectively implemented. Replacing human judges with AI would not solve this problem, as the root cause remains the same: governments and other powerful actors often lack the political will to support a strong, independent judiciary. Furthermore, as previously discussed, AI lacks the capacity to exhibit true independence in the way a human judge can.

In conclusion, we wish to emphasize one additional concern. The notion that AI might make a preliminary decision while a human judge renders the final ruling is problematic. Such an arrangement risks encouraging judges to rely uncritically on AI-generated conclusions without fully examining the evidence or the legal context. Decisions made in this manner cannot be regarded as the proper administration of justice.

Modern technologies require critical and cautious evaluation. Idealizing them risks judicial error. For example, many continue to believe that blockchain data cannot be falsified.[6] Based on this assumption, some propose that blockchain-based evidence should be accepted in court without the need to check for unauthorized alterations. In fact, legislation could even be adopted to prohibit such verification.

[6] This thesis is sometimes used by individual authors to base their conclusions on the benefits of using blockchain in jurisdictional activities. See, for example: Mukhtarova (2024, pp. 75–79).

However, experience has shown that blockchain technology is not as secure as initially assumed.[7] If courts were to rely on its presumed infallibility to justify limiting verification, and hackers eventually found ways to manipulate blockchain data, this could result in judicial errors and wrongful decisions based on falsified evidence.

This demonstrates that technologies once believed to be flawless may later prove vulnerable. Idealizing such tools and assigning them special legal status may hinder the pursuit of justice rather than support it.

By contrast, many classical procedural rules remain robust and effective. For example, current law requires courts to evaluate evidence based on their personal convictions, reached through thorough, objective, and direct examination. No piece of evidence carries predetermined weight. Courts are obligated to assess the reliability of all evidence, even when it appears unaltered.

This approach makes it possible to call any piece of evidence into doubt and supports the principle of free judicial evaluation. It plays a critical role in uncovering the truth and protecting the rights and interests of the parties involved.

Many scholars have raised concerns about the potential for errors in artificial intelligence and the difficulty of detecting them, given the opaque nature of algorithmic processes. **Yuval Noah Harari** poses a critical question in this regard accompanying it with a vivid example of a court case: "How would humans be able to identify and correct such mistakes? And how would flesh-and-blood Supreme Court justices be able to decide on the constitutionality of algorithmic decisions? Would they be able to understand how the algorithms reach their conclusions?

These are no longer purely theoretical questions. In February 2013, a drive-by shooting occurred in the town of La Crosse, Wisconsin. Police officers later spotted the car involved in the shooting and arrested the driver, Eric Loomis. Loomis denied participating in the shooting, but pleaded guilty to two less severe charges: 'attempting to flee a traffic officer,' and 'operating a motor vehicle without the owner's consent.' When the judge came to determine the sentence, he consulted with an algorithm called COMPAS, which Wisconsin and several other

[7] The experts explained the unhackability of the blockchain as follows. For example, the *Bitcoin blockchain* is controlled by many computers that are distributed around the world. The open nature of the blockchain *Bitcoin* allows anyone with the underlying infrastructure to become a miner or run a validator node. If one miner is compromised, thousands of other miners will prevent the hacker from changing the data on the blockchain. For an attacker to hack a public blockchain like *Bitcoin*, they must gain control of at least 51% of the total number of *Bitcoin nodes running*. This is because the *Bitcoin blockchain* follows the longest chain rule: the longest version of the *Bitcoin blockchain* is considered correct. A hacker would have to accumulate enough computing power to overtake this chain, which will typically have the most computing power and grow the fastest. Therefore, hacking a blockchain that has a large and diverse group of miners is extremely difficult and unprofitable for hackers. This is the main reason why a popular blockchain like *Bitcoin* was thought to be unhackable. However, the concept that any blockchain at all cannot be hacked has been disproved. In 2019 and 2020, hackers used the *PoW chain* under the name *Ethereum Classic (ETC)* by gaining control over 51% of the chain nodes. The hackers managed to "double" their *ETC tokens* by creating illegal transactions. In addition, it is noted that quantum computing poses a threat to the blockchain. Blockchain communities are actively researching and developing quantum-resistant algorithms to mitigate this risk. See: Lepcha, M. (2024, January 2). Why can't blockchain be hacked? *Techopedia*. https://www.techopedia.com/experts/why-cant-blockchains-be-hacked

U.S. states were using in 2013 to evaluate the risk of reoffending. The algorithm evaluated Loomis as a high-risk individual, likely to commit more crimes in the future. This algorithmic assessment influenced the judge to sentence Loomis to six years in prison — a harsh punishment for the relatively minor offenses he admitted to.

Loomis appealed to the Wisconsin Supreme Court, arguing that the judge violated his right to due process. Neither the judge nor Loomis understood how the COMPAS algorithm made its evaluation, and when Loomis a sked to get a full explanation, the request was denied. The COMPAS algorithm was the private property of the Northpointe company, and the company argued that the algorithm's methodology was a trade secret. Yet without knowing how the algorithm made its decisions, how could Loomis or the judge be sure that it was a reliable tool, free from bias and error? A number of studies have since shown that the COMPAS algorithm might indeed have harbored several problematic biases, probably picked up from the data on which it had been trained.

In *Loomis v. Wisconsin* (2016) the Wisconsin Supreme Court nevertheless ruled against Loomis. The judges argued that using algorithmic risk assessment is legitimate even when the algorithm's methodology is not disclosed either to the court or to the defendant. Justice Ann Walsh Bradley wrote that since COMPAS made its assessment based on data that was either publicly available or provided by the defendant himself, Loomis could have denied or explained all the data the algorithm used. This opinion ignored the fact that accurate data may well be wrongly interpreted and that it was impossible for Loomis to deny or explain all the publicly available data on him.

The Wisconsin Supreme Court was not completely unaware of the danger inherent in relying on opaque algorithms. Therefore, while permitting the practice, it ruled that whenever judges receive algorithmic risk assessments, these must include written warning for the judges about the algorithms' potential biases. The court further advised judges to be cautious when relying on such algorithms. Unfortunately, this caveat was an empty gesture. The court did not provide any concrete instruction for judges on how they should exercise such caution. In its discussion of the case, the Harvard Law Review concluded that 'most judges are unlikely to understand algorithmic risk assessments.' It then cited one of the Wisconsin Supreme Court justices, who noted that despite getting lengthy explanations about the algorithm, they themselves still had difficulty understanding it.

Loomis appealed to the U.S. Supreme Court. However, on June 26, 2017, the court declined to hear the case, effectively endorsing the ruling of the Wisconsin Supreme Court. Now consider that the algorithm that evaluated Loomis as a high-risk individual in 2013 was an early prototype. Since then, far more sophisticated and complex risk-assessment algorithms have been developed and have been handed more expansive purviews. By the early 2020s citizens in numerous countries routinely get prison sentences based in part on risk assessments made by algorithms that neither the judges nor the defendants comprehend. And prison sentences are just the tip of the iceberg." (Harari, 2024, chapter 9).

In Place of a Conclusion

We believe that, both now and in the foreseeable future, the replacement of human judges with artificial intelligence remains impermissible. Beyond the judicial sphere, numerous alternative mechanisms exist for protecting rights, freedoms, and legitimate interests — mechanisms in which AI may well serve as the primary decision-making tool. However, the administration of justice is inconceivable without foundational principles that guarantee its legitimacy — some of which are inherently incompatible with the nature and functioning of AI. Accordingly, individuals seeking protection must, at a minimum, retain the right to appeal to a court for adjudication.

The occasional failure to apply certain judicial principles in practice does not reflect their obsolescence or diminished social relevance. Rather, it points to either: (1) a lack of understanding by authorities of the essence and societal function of justice, or (2) a deliberate disinterest in fostering an independent judiciary capable of protecting all subjects of law — including against abuses committed by other branches of power. The instruments necessary for delivering substantive justice have long existed — what remains essential is their consistent and principled application.

Innovation must not come at the cost of abandoning civilizational achievements of enduring value, nor should it promote the substitution of established legal safeguards with technologies whose social utility remains uncertain.

We fully acknowledge the benefits that information technology offers to legal proceedings — particularly in enhancing access to justice — but we consider it unacceptable to replace judicial guarantees with technological solutions. In this regard, we propose that the guiding principle for the use of IT in judicial processes — what might be called the *principle of digitalization of proceedings* — should be the following: its application must serve exclusively to support and uphold the core principles that are indispensable to the proper administration of justice.

References

1. Bertovsky, L. V. (2022). Teorii otsenki dokazatel'stv: Nazad v budushcheye [Theories of evidence evaluation: Back to the future] In L. V. Bertovsky, S. M. Kurbatova, E. A. Erakhtina, & A. G. Rusakov (Eds.), *Aktual'nyye voprosy rossiyskogo sudoproizvodstva: Dokazyvaniye s ispol'zovaniyem sovremennykh tekhnologiy: Materialy Vserossiyskoy (natsional'noy) nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Current issues in Russian judicial proceedings: Evidence using modern technologies: materials from the All-Russian (national) scientific and practical conference] (pp. 8–12). Natsional'niy issledovatel'skiy universitet "Moskovskiy institut elektronnoy tekhniki"; Krasnoyarskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet. 8–12.
2. Drozd, D. O. (2024). *Protsessual'nyye formy ispol'zovaniya elementov iskusstvennogo intellekta v sovremennom arbitrazhnom i grazhdanskom sudoproizvodstve* [The procedural forms of the use of artificial intelligence elements in the modern commercial and civil litigation] [Doctoral dissertation, HSE University]. http://www.hse.ru/data/xf/172/312/2084/Диссертация.pdf
3. Galkovskaia, N. G., & Kukartseva, A. N. (2024). Otsenka perspektiv i riskov ispol 'zovaniia iskusstvennogo intellekta v sfere pravosudiia [Assessment of prospects and risks of using artificial intelligence in the field of justice]. *Vestnik Grazhdanskogo Protsessa* [Herald of Civil Procedure], *14*(2), 257–282. https://doi.org/10.24031/2226-0781-2024-14-2-257-282
4. Gilles, P. (2011). Elektronnoye sudoproizvodstvo i printsip ustnosti [The electronic process and the principle of orality]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Russian Juridical Journal], (3), 41–54.
5. Harari, Y. N. (2024). *Nexus: A brief history of information networks from the Stone Age to AI*. Fern Press.
6. Kazikhanova, S. S. (2023). Web conference as a modern model of interaction between the court and participants in the process: shortcomings of legal regulation and prospects for use. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, (10), 79–87. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.110.10.079-087
7. Kondyurina, Yu. A. (2020). *Printsipy tsivilisticheskogo protsessa v sisteme elektronnogo pravosudiya* [Kondyurina, Yu. A. (2020). Printsipy tsivilisticheskogo protsessa v sisteme elektronnogo pravosudiya [Principles of civil procedure in the e-justice system] [Summary of doctoral dissertation, Saratov State Law Academy]. Russian State Library. https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01010253338?page=1&rotate=0&theme=black
8. Konstantinov, P. D. (2022). Vliyaniye informatsionnykh tekhnologiy na printsipy grazhdanskogo protsessa (sravnitel'no-pravovoye issledovaniye na primere Rossii i Frantsii) [The impact of information technology on the principles of civil procedure (a comparative legal study based on the examples of Russia and France)] [Abstract of doctoral dissertation, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev]. Russian State Library. https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01011374800?page=1&rotate=0&theme=black
9. Kovler, A. I. (2022). Antropologiya prav cheloveka v tsifrovuyu epokhu (opyt sravnitel'nogo analiza) [Anthropology of human rights in the digital age (the essay of the comparative legal method)]. *Journal of Russian Law*, *26*(12). 5–29. https://doi.org/10.12737/jrl.2022.125
10. Kurochkin, S. A. (2024). Iskusstvennyy intellekt v grazhdanskom protsesse [Artificial intelligence in civil procedure]. *Vestnik Grazhdanskogo Protsessa* [Herald of Civil Procedure], *14*(2), 42–74. https://doi.org/10.24031/2226-0781-2024-14-2-42-74
11. Laptev, V. A. (2024). Iskusstvennyy intellekt v sude — odna instantsiya: Na puti razvitiya tsifrovogo pravosudiya [Artificial intelligence in court — one instance: On the way to the development of digital justice]. *Rossiyskiy Sud'ya*, (11), 44–51. https://doi.org/10.18572/1812-3791-2024-11-44-51

12. Lukonina, Yu. A. (2023). *Tsifrovaya tsivilisticheskaya protsessual'naya forma: teoretiko-prikladnyye aspekty* [Digital civil procedural form: theoretical and practical aspects] [Doctoral dissertation, Saratov State Law Academy].
13. Lukyanova, I. N. (2020). Razresheniye sporov onlayn: tekhnologichnyy put' k «privatizatsii pravosudiya» [Online dispute resolution: a technological path to the "privatization of justice"]. *Zakony Rossii: Opyt, Analiz, Praktika*, (8), 45–48.
14. Mironova, Yu. V. (2021). *Realizatsiya printsipov grazhdanskogo protsessual'nogo prava pri ispol'zovanii sistem video-konferents-svyazi* [Implementation of civil procedural law principles when using video conferencing systems] [Doctoral dissertation, Saratov State Law Academy].
15. Mukhtarova, O. S. (2024). Blokcheyn v yurisdiktsionnoy deyatel'nosti arbitrazhnykh sudov [Blockchain in the jurisdictional activity of arbitration courts]. *Zakony Rossii: Opyt, Analiz, Praktika*, (10), 75–79.
16. Neznamov, A. V. (2024). Iskusstvennyi intellekt, edinoobrazie sudebnoi praktiki i tvorcheskii kharakter sudebnoi deiatel'nosti [Artificial intelligence, uniformity of judicial practice and the creative nature of judicial activity]. *Vestnik Grazhdanskogo Protsessa* [Herald of Civil Procedure], *14*(2), 90–106. https://doi.org/10.24031/2226-0781-2024-14-2-90-106
17. Nhemi, S. (2023). Law without lawyers: Examining the limitations of consumer-centric legal tech services. *Journal of Intellectual Property and Information Technology Law*, *3*(1), 15–76. https://doi.org/10.52907/jipit.v3i1.223
18. Reshetnikova, I. V. (2024). Iskusstvennyy intellekt v arbitrazhnom protsesse: Vozmozhnyye sfery primeneniya [Artificial intelligence in arbitration procedure: Possible areas of application]. *Vestnik Grazhdanskogo Protsessa* [Herald of Civil Procedure], *14*(2), 30–41. https://doi.org/10.24031/2226-0781-2024-14-2-30-41
19. Samsonova, M. V. (2022). Kommunikatsiya uchastnikov protsessa s sudom i mezhdu soboy [Communication between parties and the court, and between parties themselves]. In E. G. Streltsova (Ed.), *Tsifrovyye tekhnologii v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve: Praktika, analitika, perspektivy* [Digital technologies in civil and administrative proceedings: Practice, analytics, prospects] (pp. 77–128). Infotropic Media.
20. Streltsova, E. G. (2024). O pravootnosheniyakh v tsivilisticheskom protsesse pri primenenii tsifrovykh tekhnologiy [On legal relations in civil procedure in the application of digital technologies]. *Vestnik Grazhdanskogo Protsessa* [Herald of Civil Procedure], *14*(2), 75–89. https://doi.org/10.24031/2226-0781-2024-14-2-75-89
21. Tumanov, D. A. (2024a). Neskol'ko slov o smysle grazhdanskogo sudoproizvodstva i yego printsipakh [A few words about the meaning of civil proceedings and its principles]. *Zakony Rossii: Opyt, Analiz, Praktika*, (2), 13–22.
22. Tumanov, D. A. (2024b). Zashchita obshchestvennykh interesov v grazhdanskom sudoproizvodstve [The defense of public interests in civil judicial proceedings] [Dr. Sci. Dissertation, MGIMO-University]. https://mgimo.ru/upload/diss/2024/tumanov-diss.pdf
23. Wang, N. (2020). "Black box justice": Robot judges and AI-based judgment processes in China's court system. In Proceedings of the 2020 IEEE International Symposium on Technology and Society (ISTAS) (pp. 58–65). IEEE Xplore. http://dx.doi.org/10.1109/IST AS50296.2020.9462216
24. Zhuhao, W. (2021). China's e-justice revolution. *Judicature*, *105*(1), 37–47.

Information about the author:

Dmitry A. Tumanov — Dr. Sci. in Law, Professor, Procedural Law Department, Russian Foreign Trade Academy (RFTA), Moscow, Russia.
dtum@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0009-0004-7917-3250

Сведения об авторе:

Туманов Д. А. — доктор юридических наук, профессор кафедры процессуального права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, Москва, Россия.
dtum@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0009-0004-7917-3250

https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-5

Check for updates

CC BY 4.0

ESSAYS

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND LEGALTECH: RISKS OF TRANSFORMING THE LEGAL PROFESSION

Konstantin L. Branovitskii

Martin-Luther-University Halle-Wittenberg
10, Universitätplatz, Halle, Germany, 06108

Abstract

This essay examines how the proliferation of LegalTech and artificial intelligence is transforming the legal profession, with a particular focus on the erosion of the traditional monopoly held by lawyers. Through a comparative legal analysis of German and US case law, it explores how LegalTech platforms are challenging established doctrines regarding the unauthorized practice of law across jurisdictions. The study identifies a fundamental tension between legal formalism and procedural simplification — one that has entered a new phase in the digital era. The findings show that even traditionally conservative legal systems are experiencing a rapid expansion of automated pre-trial legal consultation services, resulting in the systematic deprofessionalization of legal practice. Significantly, the driving force behind this transformation is the commercial IT sector, which approaches the legal market primarily as a profit-making enterprise. This approach undermines the core principles of the legal profession — namely independence and exclusivity — which have long supported its dual mission of delivering qualified legal assistance and upholding the rule of law. This essay proposes a theoretical framework for evaluating the risks posed by the standardization of legal services. These risks include a decline in service quality for complex or atypical cases, ambiguous liability for algorithmic errors, and the gradual erosion of normative legal foundations as dispute resolution increasingly shifts from legislative institutions to corporate IT platforms. Drawing on Luhmann's systems theory, the analysis underscores the importance of preserving the procedural autonomy of law as an essential mechanism for resolving social conflicts. The study concludes that while LegalTech offers significant benefits, its integration must take place within a strong regulatory framework. Such a framework should clearly define the permissible scope of deprofessionalization and establish mechanisms for professional accountability — regardless of the technological capabilities of AI systems and online dispute resolution platforms.

Keywords

LegalTech, ChatGPT, artificial intelligence, lawyer's monopoly, comparative law, German law, deprofessionalization, digitalization of law

Conflict of interest	The author declares no conflict of interest.
Financial disclosure	The study has no sponsorship.

For citation Branovtiskiy, K. L. (2024). Artificial intelligence and LegalTech: Risks of transforming the legal profession. *Digital Law Journal*, *5*(4), 28–40. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-5

Submitted: 8 Oct. 2024, accepted: 18 Nov. 2024, published: 30 Dec. 2024

ЭССЕ

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И LEGALTECH: РИСКИ ТРАНСФОРМАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРОФЕССИИ

К. Л. Брановицкий

Галле-Виттенбергский университет им. Мартина Лютера
06108, Германия, Галле, Университетплатц, 10

Аннотация

В рамках настоящего научного исследования осуществлен комплексный теоретико-правовой анализ трансформационных процессов, обусловленных интеграцией технологий *LegalTech* и искусственного интеллекта в юридическую практику, с позиций доктрины юридической профессии и концепции адвокатской монополии. Методологический инструментарий включает сравнительно-правовой метод, историко-правовой анализ эволюции юридической профессии и функциональный подход к оценке современных правовых институтов. На материале судебной практики правовых систем континентального и общего права (преимущественно Германии и США) исследована правовая квалификация деятельности *LegalTech*-платформ через призму доктрины *unauthorized practice of law*, что позволило выявить юридические противоречия в их статусе. Научная новизна исследования заключается в выявлении нового витка диалектического противоречия между принципами правового формализма и стремлением к упрощению, проявляющегося в условиях стремительной цифровизации юридической сферы. Показано, что в ряде консервативных правопорядков наблюдается стремительный рост автоматизированных систем досудебного юридического консультирования, что объективно ведёт к системной депрофессионализации правовой помощи. Выявлены ключевые акторы данного процесса — коммерческие IT-структуры, реконцептуализирующие юридический рынок как пространство извлечения прибыли, что противоречит фундаментальным принципам института адвокатуры: независимости (*independence*) и исключительности (*exclusivity*), обеспечивающим дуалистическую функцию профессии — оказание квалифицированной юридической помощи и поддержание верховенства закона (*rule of law*). Автором разработана и обоснована теоретическая концепция рисков стандартизации юридических услуг: снижение качества правовой помощи при рассмотрении юридически сложных и атипичных казусов; правовая неопределенность в вопросе распределения ответственности за ошибки автоматизированных систем; эрозия нормативных основ правоприменения при переносе центра формирования правил разрешения конфликтов из законодательных органов в корпоративные структуры IT-индустрии. В контексте теории социальных систем Н. Лумана аргументирована необходимость сохранения процессуальной автономии права как инструмента разрешения социальных конфликтов. На основании проведенного исследования сформулирован вывод о том, что интеграция *LegalTech*-решений должна

осуществляться в рамках нормативно-правового регулирования с четким определением юрисдикционных границ «депрофессионализации» и механизмов профессиональной ответственности, вне зависимости от технологических перспектив, открываемых системами искусственного интеллекта и платформами онлайн-разрешения споров (*ODR*).

Ключевые слова

LegalTech, ChatGPT, искусственный интеллект, адвокатская монополия, сравнительное правоведение, право Германии, депрофессионализация, цифровизация права

Конфликт интересов	Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.
Финансирование	Исследование не имеет спонсорской поддержки.
Для цитирования	Брановицкий, К. Л. (2024). Искусственный интеллект и LegalTech: риски трансформации юридической профессии. *Цифровое право, 5*(4), 28–40. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-5

Поступила: 08.10.24, принята в печать: 18.11.2024, опубликована: 30.12.2024

Introduction

At the end of November 2024, significant news emerged from the field of information technology: experts announced that artificial intelligence (AI), particularly large language models (LLMs), may have reached the limits of their current capacity for learning and development.[1] Although such statements had long been anticipated by specialists in the field, they came as unexpected and even shocking news to the general public. The reasons behind this development are pragmatic and stem from fundamental principles governing system growth, which require a balance between extensive and intensive approaches. In the case of AI, the extensive method — training models on large public datasets — is nearing its limits. Restricted access to high-quality public data may soon become a critical bottleneck, with some experts predicting that the most valuable training resources could be depleted as early as 2026 to 2032.

These findings, however, stand in contrast to the dominant public narrative, which continues to emphasize the rapid ascent of AI technologies such as ChatGPT and their increasing impact on everyday life. AI is not only reshaping professional landscapes by fostering new fields like legal engineering but also raising concerns about the displacement of traditional occupations.[2] Among the most vulnerable to automation are proofreaders, taxi drivers, couriers, and — over the long term — even lawyers. In our view, the potential slowdown in the qualitative development of AI offers a window of opportunity for critical reflection on the

[1] Palazzolo, S., Woo, E., & Efrati, A. (n.d.). *OpenAI shifts strategy as rate of "GPT" AI improvements slows*. https://www.theinformation.com/articles/openai-shifts-strategy-as-rate-of-gpt-ai-improvements-slows

[2] Demirci, O., Hannane, J., & X. Zhu. (2024, November 11). *Researsh: How gen AI is already impacting the labor market*. Harvard Business Review. https://hbr.org/2024/11/research-how-gen-ai-is-already-impacting-the-labor-market

ongoing transformation of the legal profession and, more broadly, on the role of law as a universal social regulator. There is a small but significant chance that the current hype surrounding AI may give way — at least temporarily — to a more objective evaluation of its real-world applications, particularly in such a sensitive domain as law. This includes a more balanced assessment of the associated risks.

The legal profession is currently undergoing a profound transformation driven by technological innovation. AI systems and LegalTech platforms are playing an increasingly central role, providing tools that automate complex legal tasks — from large-scale data analysis and document drafting to litigation outcome prediction.

According to the *Future Ready Lawyer* study by Wolters Kluwer, which has surveyed over 700 legal professionals in the US and Europe annually since 2019, a fundamental shift in how the legal profession perceives itself is already a *fait accompli* within the legal community.

The latest data from 2024 no longer centers on whether lawyers are prepared to adopt LegalTech or AI. Instead, it reveals that 76% of surveyed corporate lawyers and 68% of attorneys already use AI in their work at least once a week.[3] The focus has now shifted to examining how — and to what extent — lawyers are integrating LegalTech and AI into their daily practice, particularly in areas such as legal research, case analysis, and contract drafting.

The *Future Ready Lawyer* 2024 report identifies three major challenges expected to shape the profession over the next three years:

- rising costs, as most ready-made AI-based legal solutions remain prohibitively expensive
- the increasing complexity and volume of legal information, particularly with respect to data processing and security
- the urgent need to attract and retain top legal talent in an increasingly competitive labor market

Given the emerging consensus within the legal profession that securing high-value clients is no longer feasible without embracing LegalTech and AI, the critical question becomes: what price will the profession — and its clients — ultimately pay for this transition? More broadly, while expecting lawyers to remain technologically up to date, is society itself truly prepared for the potential consequences that AI may bring to the legal system and to the very nature of legal practice?

I. Technological Influences on the Historical Evolution of the Legal Profession

The legal profession — like the legal system itself — has undergone significant evolution, progressing from the rituals of ancient civilizations to the adoption of modern artificial intelligence technologies. Each historical stage of transformation has altered not only how

[3] Wolters Kluwer Legal and Regulatory. (2024). Future Ready Lawyer Studie 2024. Legal Innovation: Die Zukunft gestalten oder abgehängt werden? [Future ready lawyer study 2024. Legal innovation: Shape the future or be left behind?]. Wolters Kluwer. The study is available for download at: https://www.wolterskluwer.com/de-de/know/future-ready-lawyer-2024?utm_medium=cpc&utm_source=google&utm_campaign=legal_future-ready-lawyer-2024&wkn=03113&gad_source=1&gclid=Cj0KCQiA_9u5BhCUARIsABbMSPs_xPRch63iUCqg3_tqX1wSfXGE8Id7gpVLcCRtotcN2u7UuOAYwTIaAu2kEALw_wcB#download

lawyers work, but also how the role of law is perceived in society (Janssen & Vennmanns, 2021, pp. 38–57; Susskind & Susskind, 2015). At every juncture, legal practice absorbed elements that had previously been absent: written codes made legal norms stable and accessible; standardized legal forms simplified document drafting; the printing press accelerated the dissemination of legal knowledge; and the advent of computers, the internet, and AI rendered the law more dynamic and versatile. These advances have opened new opportunities while also introducing distinct challenges, prompting a reassessment of traditional legal methods and the very nature of the profession.

Today, technology is shaping the legal profession more profoundly than ever before. Artificial intelligence, task automation, LegalTech platforms, and big data are transforming not only how lawyers operate, but also how law itself is conceived. Automated platforms now deliver legal services that, just a few decades ago, would have required the direct involvement of trained legal professionals.

Examples of LegalTech services such as *Myflyright* and *Wenigermiete.de* are illustrative. These platforms enable users to claim compensation[4] for flight delays or request rent reductions, typically by initiating an algorithm-driven pre-trial process. Human involvement — specifically by a lawyer — occurs only at the litigation stage, which is rare. Given the straightforward legal framework and simplified factual circumstances, most disputes are resolved without proceeding to court. Once the LegalTech service verifies the facts (e.g., a flight delay or cancellation), it generates and sends a formal letter of demand. Defendants usually settle unless there is a substantial reason to dispute the claim, such as forged documents.

Despite the limited range of cases handled by such services, they raise a fundamental question about the evolving role of lawyers as intermediaries between law and society. In these areas, legal representation often proves too costly for clients, both financially and in terms of time. LegalTech platforms offer near-instant assessments based on user-submitted information, effectively eliminating the need for direct lawyer involvement. These services also represent economically attractive business models, benefiting from scalability and minimal reliance on human staffing.

However, the transformation of the legal profession — and of law itself — is not a recent phenomenon. It began with the earliest legal systems. Legal evolution has always been closely linked to technological innovation: from the invention of writing, which enabled the recording of laws; to the development of standardized legal forms that simplified practice; and now to digital tools that make legal processes accessible even to non-lawyers. To some extent, the entire history of law can be viewed as a continuous tension between formalism and simplification (Guillemard et al., 2018, p. 322).

The first major shift occurred with the introduction of written codes, such as the Code of Hammurabi, which laid the foundation for legal systematization. This reduced the arbitrariness of oral traditions and made legal enforcement more consistent and predictable (Harper,

[4] This is exclusively about the absence of direct costs for legal services for the client. Thus, in the case of compensation for flight delays/cancellations, the client assigns the right to claim up to 30% of the compensation received, and in the case of a positive reduction in the amount of rent — the amount of the reduced rent for six months.

1904, p. 5). However, it was in the Roman Empire that written law and the legal profession reached their full development. The *Codex Justinianus* — part of the *Corpus Juris Civilis* — not only compiled legal norms but also incorporated juristic commentary, forming the cornerstone of the European legal tradition (Blume & Frier, 2016). Roman law professionalized legal practice and established the codex as a symbol of comprehensiveness and legal rationality (Vismann, 2000, p. 77).

Another milestone in the evolution of law was the widespread use of legal forms — standardized templates such as the *bill of lading* — that enabled the routine execution of contracts, wills, and claims. These tools were essential to medieval trade and reflected a shift from sacred to pragmatic conceptions of law. This shift demonstrated the law's capacity for continuous adaptation to changing economic and social conditions and reaffirmed the enduring tension between formalism and simplification. The rise of universities helped consolidate a professional legal class trained to apply legal norms in new social contexts. As a result, lawyers long maintained a monopoly over legal conflict resolution — one based on formal qualifications and strict specialization (e.g., advocacy and notarial roles).

The invention of the printing press marked another turning point, enabling the mass dissemination of laws, court decisions, and legal commentaries, thereby making them accessible to the general public. This development culminated in the adoption of the Napoleonic Code, which unified fragmented legal norms in France and — thanks in part to the reach of print — became a model for legislative drafting in many national legal systems. The printing revolution not only accelerated the transmission of legal norms across jurisdictions, facilitating legal transplants and the reception of law, but also made these norms visible and comprehensible to citizens, fostering greater trust in the justice system.

At the same time, however, the growing availability of legal texts coincided with increasing complexity and formalization within legal systems. This included the closure — or nationalization — of legal frameworks, whereby states asserted centralized control over their legal orders. These two developments — expanded public access and the consolidation of state legal authority — were not contradictory but interdependent, further reinforcing the previously noted tension between formalism and simplification.

The nationalization of law and order led to the detailed regulation of the legal profession, enhancing the legal community's lobbying power and strengthening its role as a political and administrative actor within the state apparatus.

With technological advancements in the 20th century, the transformation of both the legal profession and the law became more profound and systemic.[5] This shift was marked, first, by the gradual erosion of the legal profession's monopoly on conflict resolution and, second, by an unprecedented challenge to the postulate of the rule of law as a universal framework for resolving social conflicts. Electronic databases such as *LexisNexis* significantly accelerated access to legal information, while modern algorithms — particularly predictive coding — demonstrated the capacity to process vast amounts of data without human input. The rise of LegalTech services, such as *Myflyright* and *Wenigermiete.de*, has contributed to a growing

[5] For more details, see the collective monograph on the topic: Engstrom (2023).

perception that consulting a lawyer is no longer the only — or the most efficient — means of obtaining legal advice or resolving disputes.

The emergence of online dispute resolution (ODR) mechanisms on high-traffic platforms such as Amazon and eBay has further reshaped public expectations. These systems not only resolve disputes without human involvement but also operate entirely outside the framework of the traditional *Codex* or substantive civil law. This development raises a fundamental concern: the erosion of the legal profession's monopoly and, more profoundly, a challenge to the very principle of the rule of law.

As some scholars argue, the justice of the future will not be delivered in traditional courtrooms, but encoded in lines of software (Spaulding, 2023, p. 254). Lawyers, judges, and skeptics are increasingly portrayed as soulless monopolists — disconnected from the global crisis of access to justice and clinging to outdated, self-interested conceptions of law and fairness. The legal profession's ability to resist this shift appears increasingly fragile. Its declining status and weakening protectionist function are being accelerated by multiple factors: the rise of alternative dispute resolution (ADR), which is actively supported by courts; restrictions on advertising; limited internal competition; and state control over the pricing of legal services (Luban, 2003, p. 209; Spaulding, 2017, p. 2249).

II. Challenging the Traditional Monopoly of the Legal Profession[6]

Before examining the specific threats posed by AI to the practice of advocacy, it is important to highlight two core principles common to nearly all legal systems: independence and exclusivity (Hazard & Dondi, 2024, p. 63).[7] These principles derive from two key functions of the legal profession: providing legal assistance and promoting justice by offering sound advice and preventing abuse of the law (Rhode, 2000, p. 71). The latter is often referred to as the 'rule of law' function (Remus, 2017, p. 864). Both the European Court of Human Rights (*Nikula v. Finland*[8]) and the Court of Justice of the European Union (*Prezes Urzędu Komunikacji Elektronicznej v. Commission*) have affirmed this dual role of lawyers.

What is at stake is qualified, competent, and independent legal advice — not only independent from external influence, but also from the client. On the basis of these two core principles, the traditional model of advocacy rejects the integration of legal practice with business activity. In return, the state grants lawyers three key privileges: barriers to entry into the profession, a monopoly on the provision of legal assistance (prohibiting non-lawyers from offering such services), and a code of ethics aimed at maintaining the profession's social authority (Remus, 2017, p. 873).

Generative AI, as applied in LegalTech and legal consulting, threatens nearly all of these privileges. It challenges the independence of legal advice in ways that may trigger a deeper

[6] This article examines the impact of technology on the legal profession through the example of the bar, rather than lawyers in general, as bar membership provides clearer criteria for regulating professional activity.

[7] The only other model that can be considered is the legal order in China, where the profession of lawyer emerged later than in the rest of the world, see: Xu (2023, pp. 269–288).

[8] Nikula v. Finland, 31611/96, 4 Eur. HR Rep. 478 (2000).

transformation of the law than is immediately apparent. Yet generative AI is, at its core, merely code — it does not constitute a direct threat on its own. Alarmist perspectives often miss the broader context: this is the latest phase in the ongoing historical struggle between simplification and formalism in law. For simplification to prevail, the very concept of legal consulting would have to change, along with the dissolution of the legal profession's monopoly.

It is naïve to assume that lawyers will lose their monopoly solely due to public demand for more accessible and user-friendly legal services. To grasp the real threat, we must examine what generative AI is currently doing in the legal market — and the claims made on its behalf.

At present, a key area of disruption is legal consulting. Many AI systems promote the idea that individuals can resolve legal issues independently, without involving a lawyer. These platforms offer assistance in a wide range of legal matters — from inheritance cases to mergers and acquisitions — and facilitate the completion of legal documents.

The threat does not come directly from AI systems themselves, but rather from the public's growing acceptance of a 'self-service' legal market in which individuals address legal issues without professional representation. This cultural and market shift is accompanied by a gradual redefinition of what constitutes 'legal advice', thereby challenging long-standing prohibitions on the unauthorized practice of law.

Legal systems are attempting to uphold the principle that only licensed lawyers may provide legal services — but with mixed success. In the United States, the general rule is that only licensed attorneys may offer legal advice, unless a state has enacted a specific exception.[9] In the well-known case of *Janson v. LegalZoom*, the court ruled against the practice of disguising legal assistance as something else, concluding that there was little substantive difference between a lawyer preparing documents and the services provided by *LegalZoom*.

In Germany, the *Rechtsdienstleistungsgesetz* (Legal Services Act)[10] requires a permit to offer legal services outside of court proceedings and maintains a public register of authorized providers. Article 5 of the Act allows legal services to be offered as an auxiliary activity within other professions — for example, bankruptcy advice by economics graduates, construction law advice by architects, or inheritance matters handled by banks. Although enacted nearly two decades ago and initially regarded as a challenge to the legal profession's monopoly, the law gained full significance only with the emergence of LegalTech.

Permitting non-lawyers to offer legal advice as a secondary activity was originally based on market conditions that have since changed significantly.[11] An architect advising on legal

---

9 Needham, C. A. (n.d.). *The application of unauthorized practice of law regulations to attorneys working in corporate law departments*. https://www.americanbar.org/groups/professional_responsibility/committees_commissions/commission-on-multijurisdictional-practice/mjp_cneedham/. In practice, however, this leads to excesses in the form of prohibitions on attorneys representing clients in other states or problems with the legality of the activities of so-called *in-house lawyers* (*in-house counsellors*).

10 Rechtsdienstleistungsgesetz [RDG] [Act on Out-of-Court Legal Services] Dec. 12, 2007 Bundesgesetzblatt, Teil I [BGBl I] at 2840, last amended by Gesetz [G], March 10, 2023 BGBl 2023 I Nr. 64, https://www.gesetze-im-internet.de/rdg/

11 The main goal of the adoption of the Law was said to be deregulation and liberalization of the market for extra-judicial legal services.

aspects of construction, such as building defects, does not typically seek to profit from legal consulting. Their primary income is derived from architectural work, which demands the majority of their time and expertise. As a result, the legal advice provided in such cases tends to be limited in scope and poses little threat to lawyers, for whom legal consulting is a core professional activity subject to strict qualification standards.

LegalTech platforms such as *Wenigermiete.de* (owned by *LexFox*) operate differently. These platforms purchase claims from clients and pursue pre-trial settlements on a commercial and profitable basis. Clients are charged only if the case is successful. Legally, such activities fall under the *Rechtsdienstleistungsgesetz* as extrajudicial debt collection (*inkasso*). The German Federal Court of Justice has ruled that this form of legal advice constitutes a primary activity rather than an auxiliary one. This interpretation reflects broader trends toward deregulating and liberalizing the legal market, as well as the emergence of new legal service professions.[12] The court stated that to judge the legality of inkasso companies' actions, each case must be examined individually. The main focus should be protecting people who need legal help. The court also emphasized respecting the core values of Germany's Basic Law.

The legal systems of Germany and the United States reflect differing approaches to non-lawyers providing legal advice. In the US, such activity is permitted only under specific exceptions, whereas in Germany, it is allowed as an auxiliary function. Court cases such as *LegalZoom* in the US and *LexFox* in Germany illustrate this divergence. Germany's experience reveals not only a challenge to the legal profession but also the true beneficiaries of this shift: IT companies. For these actors, the legal market represents just another business opportunity. Their primary objective is profit — an incentive that drives the development of powerful technological tools that no individual law firm or lawyer can realistically compete with.[13]

High-quality LegalTech products increasingly diminish the significance of the legal profession's dual role in providing legal consultation. The widespread availability of such tools — often at little or no cost — accelerates this trend. As a result, the entrepreneurial momentum of tech companies continues to grow, while the non-commercial ethos traditionally associated with legal practice recedes into the background.

III. Risks Associated with the Standardization of Legal Services

Current trends in legal consulting reveal a clear shift toward the standardization of legal services. The primary objective is to develop unified templates and algorithms for routine tasks such as contract drafting, claim filing, and complaint generation. This approach aims to accelerate legal processes, reduce costs, and expand access to legal assistance. However, it

[12] Decision of the Federal Court of Justice of 27 November 2019 in Case VIII ZR 285/18. (Bundesgerichtshof [BGH] [Federal Court of Justice] Nov. 27, 2019, 224 Entscheidungen des Bundesgerichtshofes in Zivilsachen [BGHZ] 89 (Ger.) https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&nr=101936&pos=0&anz=1).

[13] High salaries for programmers, a transnational level (in the case of *Amazon*), and an interdisciplinary approach to solving problems almost completely exclude real competition.

also raises significant concerns regarding service quality, accountability for automation errors, and the preservation of individualized legal analysis.

While automation makes it possible to efficiently process large volumes of data and documents, it often falls short in cases that require nuanced interpretation of unique factual circumstances. Standardized algorithms may overlook critical details in complex situations (Katz, 2013, pp. 909–966). Risks also emerge when AI is used to draft legal documents or initiate litigation. Algorithms can miss seemingly minor yet legally significant facts, and in some cases, may even 'invent' non-existent precedents to support arguments. A well-known example involves a lawyer who relied on ChatGPT to prepare a legal claim, only to discover that the AI had inserted fictitious case law. Ultimately, responsibility rested with the lawyer — not the AI developer.[14]

The uncertainty introduced by standardization also threatens the traditional monopoly of lawyers, as their role as an intermediary between the law and clients gradually diminishes. Clients who place their trust in algorithms may come to view the law as a simple and straightforward set of procedures. Algorithms respond to user input quickly and at low cost, but without probing deeper questions. The often-overlooked Picasso quote about computers only giving answers underscores what is lost in this shift: the lawyer's role in upholding the rule of law by asking the right questions and discerning unspoken client interests. In addition to offering legal advice, lawyers educate clients, facilitate reconciliation, and reduce the need for litigation.

The standardization and simplification of law enforcement not only endanger the monopoly enjoyed by lawyers, but also the legal system's broader role as the exclusive mechanism for resolving social conflicts. For instance, customers of platforms like Amazon and eBay may appreciate the speed and convenience of online dispute resolution (ODR), but this should not lead to a redefinition of the fundamental meaning of law and order. Clients' growing fondness for 'commanding' AI to resolve disputes according to personal preferences does not justify granting immediate legal recognition to such forms of 'legal consulting'. Algorithms cannot replicate essential lawyer functions: upholding the rule of law, identifying seemingly minor but legally significant facts, and balancing the interests of all parties involved.

Consumers often fail to recognize that ODR decisions are based on internal company policies, not on substantive legal norms. This should not lead legislators to diminish the role or authority of the judiciary. Responding to non-legal trends with legal solutions does not necessarily strengthen the role of law. As Niklas Luhmann's social systems theory suggests (Luhmann, 1993), law is a self-referential normative system that ensures social stability by regulating expectations in communication. The legal system's monopoly on conflict resolution is grounded in fundamental principles such as equality, the adversarial process, and the right to be heard — not in offering maximum convenience to users.

---

[14] Armstrong, K. (2023, May 28). *ChatGPT: US lawyer admits using AI for case research*. BBC. https://www.bbc.com/news/world-us-canada-65735769

Conclusions

The transformation of the legal profession under the influence of AI and LegalTech platforms is complex and multifaceted, bringing both opportunities and challenges. On the one hand, technology simplifies access to legal information, automates routine tasks, and offers new ways for the law to engage with society. On the other, it risks undermining the traditional monopoly of lawyers, reshaping their role as mediators between the law and clients, as well as promoting the standardization of legal services — potentially at the expense of quality and individual attention.

Modern LegalTech platforms such as *Wenigermiete.de* and *Myflyright* demonstrate the potential to deliver legal assistance without direct lawyer involvement, relying on algorithms to manage typical cases. These services attract clients primarily due to their economic advantages. However, the principal risk lies not in the technology itself, but in the growing public acceptance of a simplified conception of legal assistance. This shift redefines what constitutes 'legal advice' and 'professional responsibility', necessitating regulatory reform and a renewed understanding of the lawyer's role.

While automation and standardization enhance efficiency, they also risk sacrificing personalized attention and legal precision. Algorithms may perform well in routine matters but often overlook critical nuances in complex cases. This can erode public trust in the legal system and diminish the quality of legal aid. Moreover, it challenges the lawyer's broader function as guardian of the rule of law, legal educator, and mediator in dispute resolution.

The ethical and legal responsibility for errors made by AI systems is a pressing concern. Incidents involving inaccurate or fabricated information generated by algorithms underscore the need for clearly defined accountability among developers, users, and legal professionals. Additionally, the high costs associated with developing advanced LegalTech solutions may limit access, potentially deepening digital inequality.

Regulatory reform is essential to align legal frameworks with emerging technologies. This includes establishing standards for collaboration between traditional legal practice and technological tools and reaffirming the lawyer's role as the principal accountable actor. Lawyers must continue to integrate legal, moral, and ethical considerations into their work. In short, legislation must preserve the lawyer's role as the key intermediary between the law and the client, ensuring that technology remains a supportive — rather than substitutive — component in the legal process.

References

1. Blume, F. H., & Frier, B. W. (Eds.). (2016). The Codex of Justinian: A new annotated translation, with parallel Latin and Greek text. Cambridge University Press.
2. Engstrom, D. F. (Ed.) (2023). *LegalTech and the future of civil justice.* Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/9781009255301
3. Guillemard, S., Kerneis, S., & Menetrey, S. (2018). La vie formulaire — entre procédure judiciaire et dérive administrative du droit d'hier à aujourd'hui [Formulaic life — between judicial procedure and administrative abuse of law from yesterday to today]. International Journal of Procedural Law, *8*(2), 319–342. https://doi.org/10.1163/30504856-00802013
4. Harper, R. F. (1904). The Code of Hammurabi, King of Babylon: About 2250 B.C. University of Chicago Press.
5. Hazard, G. C., & Dondi, A. (2004). *Legal ethics: A comparative study.* Stanford University Press.
6. Janssen, A., & Vennmanns, T. J. (2021). The effects of technology on legal practice: From punch card to artificial intelligence? In L. A. DiMatteo, A. Janssen, P. Ortolani, F. de Elizalde, M. Cannarsa, & M. Durovic (Eds.), *The Cambridge handbook of lawyering in the digital age* (pp. 38–56). Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/9781108936040.005
7. Katz, D. M. (2013). Quantitative legal prediction – or – how I learned to stop worrying and start preparing for the data-driven future of the legal services industry. *Emory Law Journal, 62*(4), 909–966.
8. Luban, D. (2003). Taking out the adversary: The assault on progressive public interest lawyers. *California Law Review*, *1*(91), 209–246. https://doi.org/10.2307/3481386
9. Niklas, L. (1993). *Das Recht der Gesellschaft* [Law as a social system]. Suhrkamp Verlag.
10. Remus, D. A. (2017). Reconstructing professionalism. *Georgia Law Review, 51*(3), 807–877.
11. Rhode, D. L. (Ed.). (2000). *Ethics in practice: Lawyers' roles, responsibility and regulation*. Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oso/9780195129618.001.0001
12. Spaulding, N. W. (2017). Due process without judicial process?: Antiadversarialism in American legal culture. *Fordham Law Review, 5*(85), 2249–2273.
13. Spaulding, N. W. (2023). Online dispute resolution and the end of adversarial justice. In D. F. Engstrom (Ed.), *LegalTech and the future of civil justice* (pp. 251–285). Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/9781009255301.015
14. Susskind, R., & Susskind, D. (2015). *The future of the professions: How technology will transform the work of human experts.* Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oso/9780198713395.001.0001
15. Vismann, C. (2000). *Akten: Medientechnik und Recht* [Files: Media technology and law]. Fischer Taschenbuch Verlag.
16. Xu, X. (2023). Lawyers in Chinese culture. *Archives de Philosophie du Droit, 64*(1), 269–288. https://doi.org/10.3917/apd.641.0269

Information about the author:

Konstantin L. Branovitskii — Dr. Sci. in Law, LL.M. (Kiel, Germany), Teamleader of LegalTech Lab, Martin-Luther-University Halle-Wittenberg, Halle, Germany.
k.branovitsky@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9847-3417

Сведения об авторе:

Брановицкий К. Л. — доктор юридических наук, магистр права (Киль, ФРГ), руководитель Центра LegalTech при Галле-Виттенбергском университете им. Мартина Лютера, Галле, Германия.
k.branovitsky@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9847-3417

https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-3

Check for updates

CC BY 4.0

ESSAYS

APPLICATION OF INFORMATION TECHNOLOGY IN KAZAKH CIVIL PROCEEDINGS

Zauresh K. Baimoldina

Narxoz University
55, Zhandossov St., Almaty, Kazakhstan, 050035

Abstract

The ubiquitous digital transformation of society has also affected civil proceedings. However, neither legislators nor scholars have yet given due consideration to the innovations stemming from this phenomenon. This paper characterizes electronic civil proceedings in Kazakhstan, identifies regulatory challenges, and proposes solutions to overcome them. The study employs descriptive, analytical, and formal-legal methods to examine e-justice issues. The article highlights objectives for digitalizing civil proceedings in Kazakhstan and key initiatives to achieve them. It discusses operational information-analytical systems, including their services and modules. Additionally, it notes judicial domains where big data and artificial intelligence (AI) are currently applied. An analysis of Kazakhstan's experience reveals these challenges: insufficient transparency in judicial activities; inadequate legal regulation of IT implementation (including AI in judicial processes); and the absence of a robust legislative framework for establishing and operating a digital environment. The paper supports adopting a Digital Code of Kazakhstan and amending the Civil Procedure Code to ensure proper implementation of civil procedure principles. It further proposes formalizing the application specifics of electronic civil procedure norms through a regulatory resolution of Kazakhstan's Supreme Court.

Keywords

civil proceedings, electronic proceedings, electronic civil case, IT in courts, principles of judicial proceedings, ensuring procedural rights, legislative improvement

Conflict of interest	The author declares no conflict of interest.
Financial disclosure	The study has no sponsorship.
For citation	Baimoldina, Z. K. (2024). Application of informational technologies in Kazakh civil proceedings. *Digital Law Journal*, *5*(4), 41–54. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-3

Submitted: 10 Oct. 2024, accepted: 13 Nov. 2024, published: 30 Dec. 2024

ЭССЕ

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КАЗАХСТАНСКОМ ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

З. Х. Баймолдина

Университет Нархоз
050035, Казахстан, Алматы, ул. Жандосова, 55

Аннотация

Повсеместная цифровизация коснулась и гражданского судопроизводства. Вместе с тем до сих пор ни законодатель, ни ученые не уделили новациям, вызванным этим явлением, должного внимания. В настоящем работе планируется охарактеризовать электронное судопроизводство по гражданским делам в Казахстане, раскрыть проблемы его регулирования и предложить пути их преодоления. При исследовании вопросов электронного судопроизводства использованы дескриптивный метод, анализ, формально-юридический метод. В статье освещаются целевые установки цифровизации гражданского судопроизводства в Казахстане и основные направления работы по их достижению. Описываются применяемые при этом информационно-аналитические системы, включающие различные сервисы и модули. Отмечаются области судебной деятельности, где в настоящее время применяются большие данные и искусственный интеллект. На основе изучения казахстанского опыта выявлены следующие проблемы: не в полной мере обеспечена открытость судебной деятельности, недостаточно урегулированы на законодательном уровне вопросы применения *IT*, в том числе использования искусственного интеллекта в судебной деятельности, не сформирована на надлежащем уровне законодательная основа создания и функционирования цифровой среды. Поддерживается идея о необходимости принятия Цифрового кодекса Республики Казахстан, о внесении поправок в Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан в целях надлежащей реализации принципов гражданского процесса. Особенности применения норм гражданского судопроизводства в электронном режиме предлагается закрепить в нормативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан.

Ключевые слова

гражданское судопроизводство, электронное судопроизводство, электронное гражданское дело, *IT* в судах, принципы судопроизводства, обеспечение процессуальных прав, совершенствование законодательства

Конфликт интересов	Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.
Финансирование	Исследование не имеет спонсорской поддержки.
Для цитирования	Баймолдина, З. Х. (2024). Применение информационных технологий в казахстанском гражданском судопроизводстве. *Цифровое право, 5*(4), 41–54. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-3

Поступила: 10.10.2024, принята в печать: 13.11.2024, опубликована: 30.12.2024

Introduction

In today's era of universal digitalization, broad consensus holds that information technologies enhance judicial efficiency and transparency, while creating accessible, user-friendly interfaces for public and institutional interaction with courts. Moreover, IT implementation in the judicial system is promoted to ensure court accessibility, eliminate bureaucratic barriers, and reduce corruption by limiting personal contact between judges, court administrators, and legal entities.

Simultaneously, integrating modern technologies into Kazakhstan's civil proceedings[1] has brought not only benefits but also significant challenges. These became particularly evident during the COVID-19 pandemic, when courts abruptly transitioned to resolving most civil cases electronically. While IT had previously been utilized in Kazakhstani courts, the pandemic catalyzed a sharp increase in online proceedings, compelling courts to urgently address multifaceted issues, including regulatory gaps in e-justice, technical infrastructure limitations, software deficiencies, and shortfalls in participants' digital literacy.

This period witnessed a surge in publications by judges, lawyers, practitioners, and legal scholars addressing online justice. Prior scholarship on electronic civil proceedings existed — notably, M. A. Alenov (2023, pp. 71–73) observed that practical implementation of court e-procedures was outpacing legislative development and stressed the need to harmonize cross-sectoral procedures. However, pre-2020 literature primarily offered informational content on Supreme Court and local court websites, reporting on national digitalization initiatives.[2]

Post-2020 publications began to critically examine the advantages and disadvantages of online proceedings, while proposing solutions. In analyzing the pros and cons of virtual hearings, Judge T.B. Amrashev advocated for modernizing software.[3] Professor G. Zh. Suleimenova identified issues pertaining to online criminal proceedings, such as vulnerabilities in data security, difficulties in procedural compliance, and the risks of remote participants abusing procedural rights.[4] She ultimately concluded that online trials should not be used for serious crimes, complex multi-episode cases, group crimes, or crimes when defendants deny guilt.[5] D. R. Yegezhanova (2023, pp. 21–31) emphasized the need to enhance the digital education of judges based on literacy criteria and international benchmarks.

---

1 This study deliberately focuses exclusively on the Kazakhstani experience. This narrowed research scope is justified by the need to: provide a comprehensive characterization of Kazakhstan's e-justice system, and present an integrated approach to addressing existing challenges in this domain.

2 *See, in particular: Postanovleniye Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan o Gosudarstvennoy programme «Tsifrovoy Kazakhstan»* [Regulation of the RK Government on the State Program "Digital Kazakhstan"], Bank of Regulatory Legal Acts, Dec. 12, 2017, № 827.

3 Amrashev, T. B. (2021, February 17). *Sudebnyye zasedaniya v rezhime «online». Plyusy i minusy* [Online court hearings. Pros and cons]. Infosystem "Yurist". https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34814246&pos=3;-52#pos=3;-52

4 The problems mentioned above are also partly characteristic of e-justice in civil cases.

5 Suleimenova, G. Zh. (2020, November 24). *Nekotoryye problemy rassmotreniya ugolovnykh del v onlayn-sudebnom protsesse v usloviyakh pandemii* [Some issues with hearing criminal cases in online court proceedings during the pandemic]. Infosystem "Yurist". https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39053137

Nevertheless, Kazakhstani scholarship lacks a comprehensive analysis of electronic civil case procedures and holistic solutions for associated challenges. This study addresses that gap by examining domestic court practices and integrating academic and practical works by Kazakhstani authors.

Results

Three documents posted on the website of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan[6] contain information on the use of IT in the administration of justice. These are: (1) *The Strategy of Information and Communication Technologies for the Judicial System of the Republic of Kazakhstan*, (2) *On the Digitalization of the Judicial System*, and (3) *IT Technologies in the Courts*.[7] Their content shows that informatization covers all stages of civil proceedings, up to the issuance of writs of execution.

The press service of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan notes that Kazakhstan ranks fourth among 47 countries in terms of IT implementation by the courts. according to data published in the reviews by the European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ) for 2020 and 2022.[8]

The goals of digitalizing civil proceedings in Kazakhstan are to increase transparency, ensure broad access to justice, and improve the quality of judicial decisions. To achieve these goals, work has been carried out in several areas.

Firstly, courts and judicial administrations have been provided with technical means and communication channels. The courtrooms in all courts are equipped with modern audio and video recording (AVR) systems[9], with the resultant recordings centrally stored. The court's use of audio and video recordings of court hearings is regulated by the CPC RK[10]. In particu-

[6] A unified online platform for judicial authorities (sud.gov.kz) was created in 2014. The website allows users to view information about the activities of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan and all local courts. Today, the website has more than 5,000 visitors per day and 25,000 views daily (Alekhova, A. (2021, April 29). *Blagodarya tsifrovizatsii Kazakhstan zanimayet 4-e mesto v Doing Business po «Obespecheniyu ispolneniya kontraktov»* [Thanks to digitalization, Kazakhstan ranks fourth in Doing Business in terms of "Enforcing Contracts"]. Portal of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan. https://sud.gov.kz/rus/massmedia/blagodarya-cifrovizacii-kazahstan-zanimaet-4-e-mesto-v-doing-business-po-obespecheniyu). Thus, court websites have a unified platform characterized by a standardized, intuitive structure and centralized management.

[7] Supreme Court of the Republic of Kazakhstan. (n.d.). Strategiya informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy dlya sudebnoy sistemy Respubliki Kazakhstan [Strategy of information and communication technologies for the judicial system of the Republic of Kazakhstan]. Retrieved October 10, 2024, from https://sud.gov.kz/rus/content/cifrovizaciya; Supreme Court of the Republic of Kazakhstan. (n.d.). O tsifrovizatsii sudebnoy sistemy [On the digitalization of the judicial system]. Retrieved October 10, 2024, from https://sud.gov.kz/rus/content/cifrovizaciya; Supreme Court of the Republic of Kazakhstan. (n.d.). IT-tekhnologii v sudakh [Information technologies in the courts]. Retrieved October 10, 2024, from https://sud.gov.kz/rus/content/cifrovizaciya

[8] Press service of the Supreme Court. (2023, May 19). *Iskusstvennyy intellekt i bol'shiye dannyye (Big Data) v sudebnoy i pravookhranitel'noy sisteme* [Artificial intelligence and big data in the judicial and law enforcement system]. https://sud.gov.kz/rus/news/iskusstvennyy-intellekt-i-bolshie-dannye-big-data-v-sudebnoy-i-pravoohranitelnoy-sisteme

[9] The rules on mandatory audio and video recording of court hearings were introduced in 2016 when considering not only civil cases, but also criminal, administrative cases and cases of administrative offenses.

[10] Grazhdanskiy Protsessual'nyy Kodeks Respubliki Kazakhstan [CRC RK] [Civil Procedure Code] (Kaz.).

lar, in accordance with Part 1 of Article 281 of the CPC RK, when conducting an AVR of a court hearing, a brief protocol is drawn up. The secretary of the court hearing prints out the brief protocol prepared by the system and attaches the AVR to it. According to paragraph 2 of Part 4 of Article 282 of the CPC RK, the AVR medium and the brief protocol are attached to the case, and in accordance with paragraph. 2 part 5 of the same article, the procedure for the technical use of AVR equipment that ensure the recording of a court hearing, storage and destruction of audio and video recordings, as well as access to audio and video recordings, is determined by the authorized government body in the field of judicial administration.[11] The AVR system provides a number of advantages in the conduct of judicial proceedings in civil cases: it optimizes the judicial process, ensures complete and reliable recording of the course of the court hearing, and makes it possible for persons participating in the case and judges of higher courts to remotely review audio and video recordings of the court hearing.

Secondly, each judge is provided with an automated workstation that enables the electronic exchange of petitions, digital evidence, and other documents. This increases the speed of processing and receiving information and reduces the time required to consider and resolve civil cases.

Thus, conditions have been established for conducting legal proceedings in electronic format. In other words, electronic civil cases and their consideration in digital form have been introduced in the courts of Kazakhstan. In April 2019, a new Chapter 11-1, titled '*Features of Electronic Legal Proceedings*', was added to the Civil Procedure Code of the Republic of Kazakhstan.

Notably, the format of proceedings is determined by the method of filing selected by the plaintiff. Judicial statistics indicate a clear preference among parties for electronic proceedings. The choice of format is limited only in cases involving "simplified" (written) procedures. According to Part 5 of Article 267-3 of the CPC RK, such cases are reviewed in electronic format under simplified (written) proceedings, without summoning the parties. These types of cases have been handled electronically since 2018.

In electronic legal proceedings, an electronic civil case file is created. Procedural acts and actions undertaken by the court and the parties involved are formalized as electronic documents, certified with a digital signature.

In June 2020, the CPC RK was supplemented with Article 133-4, "*Electronic Protocol.*"[12] According to Part 1 of this article, audio and video recordings of court proceedings are

[11] Prikaz Rukovoditelya Departamenta po obespecheniyu deyatel'nosti sudov pri Verkhovnom Sude Respubliki Kazakhstan «Ob utverzhdenii Pravil tekhnicheskogo primeneniya sredstv audio-, videozapisi, obespechivayushchikh fiksirovaniye khoda sudebnogo zasedaniya, khraneniya i unichtozheniya audio-, videozapisi, dostupa k audio-, videozapisi» [Order of the Head of the Department for Ensuring the Activities of Courts under the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan "On Approval of the Rules for the Technical Application of Audio and Video Recording Equipment Ensuring Recording of the Progress of a Court Session, Storage and Destruction of Audio and Video Recordings, Access to Audio and Video Recordings"], Nov. 24, 2015, No. 6001-15-7-6/486, https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33009574&pos=1;-18#pos=1;-18

[12] *See* Zakon "O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v nekotoryye zakonodatel'nyye akty Respubliki Kazakhstan po voprosam razvitiya biznes-sredy i regulirovaniya torgovoy deyatel'nosti" [Law "On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Republic of Kazakhstan on the Development of the Business Environment and Regulation of Trade Activities"], Kazakhstanskaya Pravda, 2019, No. 63, Item 28940.

recognized as electronic protocols. For complex cases, a brief protocol may be supplemented with a text transcript of the audio recording, generated through automatic speech recognition.

Technical requirements[13] for the electronic protocol ensuring its completeness, structure, and high-quality reproduction are established by the Judicial Administration of Kazakhstan in accordance with the provisions of CPC RK.

The original version of a judicial act is the electronic document published in the Judicial Office system.

When the court provides copies of the AVRs of a court hearing, participants are informed that the recording may only be used for lawful purposes and are cautioned about liability for violations of personal data protection laws. In cases heard in a closed court session, participants are not granted access to the AVRs or the protocols of the hearing. Instead, they are permitted to review them on site at the court (Paragraph 5, Part 4, Article 282 of the CPC RK).

Thirdly, conditions have been established to ensure the transparency of civil proceedings and to provide online access to court documents.

Since 2016, Kazakhstan has operated a unified information and analytical system called *Torelik*, which integrates all internal information processes of the courts. The system maintains automated records, monitors compliance with procedural deadlines, identifies violations, and generates statistical and analytical reports.

Torelik is integrated with 32 databases of government agencies and organizations, significantly simplifying the work of judges. Written requests are no longer necessary — information required by the court is now accessible with a single click.

In addition, the system is linked to the e-government payment gateway, enabling courts to receive real-time data from second-tier banks on payments made and state fees received.

The *Judicial Account* ("Sudebnyy Kabinet"), *eGov.kz*[14] and *e-Otinish* systems, are also in operation, ensuring electronic document flow across all forms of legal proceedings and types of appeals to government agencies in Kazakhstan.

The *Judicial Account* system, in operation since 2014, serves as a single online portal for accessing court services. Through this system, individuals—or their representatives—can electronically submit claims, complaints, or petitions; view and print court documents; and perform other actions. The system has streamlined the work of court offices, as users themselves complete the necessary accounting details when submitting materials to the court.

---

13 *Prikaz Rukovoditelya Departamenta po obespecheniyu deyatel'nosti sudov pri Verkhovnom Sude Respubliki Kazakhstan "Ob utverzhdenii Tekhnicheskikh trebovaniy k elektronnomu protokolu, obespechivayushchikh polnotu, strukturirovaniye i kachestvennoye vosproizvedeniye"* [Order of the Head of the Department for Ensuring the Activities of Courts under the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan "On Approval of Technical Requirements for an Electronic Protocol Ensuring Completeness, Structuring and High-Quality Reproduction"], Aug. 6, 2020, No. 9, https://sud.gov.kz/rus/content/ob-utverzhdenii-tehnicheskih-trebovaniy-k-elektronnomu-protokolu-obespechivayushchih-8

14 *eGov.kz* (Unified System of Electronic Document Management of Government Agencies) is an electronic government portal introduced in Kazakhstan in 2006. All Kazakhstani courts and offices of regional and equivalent courts are included in its participants.

The *Judicial Account* system comprises 15 services and modules. Some are accessible to all users, while others are restricted to participants in legal proceedings.

Services and modules of the *Judicial Account* system available to all individuals and legal entities include the following:

1. Register of Judicial Acts — Allows users to search for judicial acts that have entered into legal force. It contains decisions on civil cases heard in open court sessions since 2009. These acts can be downloaded in PDF format, include barcodes, and their authenticity can be verified through a separate service.
2. "Find a Case" — Enables users to search for civil cases currently under consideration by the courts.
3. Review of Court Documents — Provides online access to civil case materials, allowing users to view electronic court documents.
4. Checking the Authenticity of a Judicial Act — Allows users to verify the authenticity of judicial acts that have entered into legal force in publicly accessible civil cases.
5. Sign Up for a Personal Appointment — Enables users to schedule appointments with court officials.
6. External Evaluation Questionnaire — Used to collect feedback in order to identify shortcomings in judicial proceedings. Users may suggest improvements and highlight issues in the consideration and resolution of civil cases.

Services of the *Judicial Account* system available exclusively to participants in legal proceedings include the following:

1. Court Hearing Schedules — Allows users to add events to a calendar and view information about scheduled hearings.
2. Submission of Documents — Enables users to view all documents they have submitted to judicial authorities via a web service.
3. "My Cases" — Provides access to all cases initiated based on a user's claims.
4. Notifications — Displays all notifications sent to the user by the court.
5. Online Conversation — Allows parties to schedule an online conversation prior to a court hearing in a civil case.
6. Power of Attorney — Enables users to submit a digitally signed power of attorney for inclusion in the case file.
7. E-Reconciliation — Supports the conduct of reconciliation procedures with the assistance of a professional mediator.
8. "My Letters" — Allows users to send letters to judicial authorities regarding matters not related to legal proceedings or citizens' appeals, in accordance with the APC RK.[15]
9. Calendar of a Participant in the Proceedings — Allows participants to enter their availability so that the judge can take this into account when scheduling a court hearing.

[15] Administrativnyy Protsedurno-protsessual'nyy Kodeks Respubliki Kazakhstan [APC RK] [Administrative Procedural Code of the Republic of Kazakhstan] (Kaz.).

Users can log into the *Judicial Account* system in one of three ways:

- by using their individual identification number (IIN) and password;
- with an electronic digital signature;
- by scanning a QR code.

The progression of a case in electronic format is as follows:

- After logging in, the user is directed to the *Judicial Account* system to file a claim.
- Through the *Document Submission* service, a party may file a response to a claim, an objection to the response, petitions, and supporting materials.
- *Notifications* and notices are delivered via the *Judicial Account* system. They are available in the Notifications section and are also sent to the phone number registered in the Citizens' Mobile Numbers Database.
- The court hearing is conducted online via video conferencing or mobile video conferencing.
- The progress of the hearing is tracked.
- A judicial act issued after the case is reviewed, but not yet legally binding, is available in the *My Cases* service.
- Once the judicial act enters into legal force, it becomes available in the *Bank of Judicial Acts* service.
- Using the *Document Submission* service, a user may appeal a judicial act by selecting the appropriate appellate or cassation court and submitting the relevant complaint or petition.

To enhance convenience, a mobile version of the *Judicial Account* system has been launched. The mobile app is available free of charge and allows users to log in and sign documents via QR code, eliminating the need for third-party software on a computer.

These IT tools enable users to file claims, responses, counterclaims, complaints, petitions, and other documents online; pay state fees; submit applications for mediation and select a professional mediator; participate in court hearings and procedural actions; and receive judicial decisions and other documents electronically.

With the consent of the parties and other participants, court hearings — except for closed sessions — may also be broadcast online.

The use of IT innovations has created conditions for ensuring consistent judicial practice and greater predictability in the administration of justice. This includes the integration of big data and elements of artificial intelligence into judicial activities.

To enable real-time monitoring and analysis of court operations, the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan established a Situation Center in 2017. This unified monitoring system tracks over 750 indicators related to the administration of justice. It operates in real time, processes incoming requests, and analyzes their subject matter .[16] Legal proceedings, office operations, information security, and the use of artificial intelligence features, as well as other metrics, are automatically monitored and analyzed.

[16] Akhmetzakirov, N. R. (2021, January 8). *Sudy Kazakhstana v usloviyakh tsifrovoy transformatsii* [Courts of Kazakhstan in the Context of Digital Transformation]. Portal of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan. https://sud.gov.kz/rus/massmedia/sudy-kazahstana-v-usloviyah-cifrovoy-transformacii-nahmetzakirov-sudovy-vesnik-no4-dekabr

Data on 750 indicators are available at the national, regional, and individual court levels. Built-in algorithms generate dozens of analytical reports, including those on compliance with procedural deadlines, judicial workload, case categories, and more.

Smart assistants have been developed specifically for judges, including the *Judge's Planner* and *Court Jurisprudence* systems.

The *Judge's Planner* smart assistant helps judges organize their work efficiently. It processes information about ongoing cases, provides real-time updates on scheduled and completed hearings, tracks deadlines, and generates a calendar of court hearings. It also automatically links relevant case law summaries based on the category of each case. This not only saves judges time on administrative tasks but also allows them to quickly familiarize themselves with applicable judicial practice.

The *Court Jurisprudence* smart assistant was developed using big data technologies to support accurate decision-making in civil cases. The service contains decisions from various cases, grouped by year. Data entry began in 2011, with full inclusion starting in 2016. By the end of 2024, the system contained nearly 11 million decisions in civil cases. Similar to search engines, the system can locate any information within the text of judicial acts. Judges can easily find relevant decisions, helping them navigate existing case law. They can also review specific rulings from all court levels in cases of interest. To enhance the search process, text mining technology has been implemented, enabling keyword searches within judicial documents.

Since 2022, the *Digital Analytics of Judicial Practice* IT system, which incorporates elements of artificial intelligence, has been put into operation. This system can identify a case's category, search for similar cases, trace a case's progression through different court levels, and detect non-standard decisions — rulings that differ from those issued in similar cases. It can also predict case outcomes. The system analyzes millions of judicial acts with a single click and provides situational analytics. Its algorithm is trained to understand the content of rulings, compare them, detect anomalies, and forecast the likely result of a civil case.

The *Digital Analytics of Judicial Practice* system performs intelligent searches designed to support consistency in judicial practice. From the moment a claim is submitted, the judge can view rulings in similar cases, including cassation decisions. This enables the judge to identify established practice and make a well-informed decision in a civil case. In this way, the system functions as a practical tool for developing and maintaining uniform judicial practice.

Discussion

Currently, the *Digital Analytics of Judicial Practice* system is available only to judges. Other individuals do not have access to comparable intelligent search tools. In this context, it is worth noting that as early as 2021, President K. K. Tokayev stated: "The advantages of information technologies should also be felt by *participants in the process*, for whom it is *initially important to understand the probability of the outcome of their*

case" [italics mine — *Z.B.*]. He emphasized the need to make the judicial system's IT services accessible to all interested parties. "This is a really difficult task," he noted, "and we must approach it absolutely rationally... Of course, in compliance with the requirements for the confidentiality of information."[17] However, the *Digital Analytics of Judicial Practice* system, implemented in 2022, remains inaccessible to parties involved in legal cases, as well as to others who could use its data to decide whether to file a claim. If public access were granted, the number of cases resolved without trial could increase, while the number of unfounded claims might decrease. Moreover, opening the system would allow its data to be used for academic research, legal consulting, expert analysis, and other purposes. Despite the evident need, access to the *Digital Analytics of Judicial Practice* system has yet to be addressed.

Since 2022, a robotic algorithm has also been launched in Kazakhstan. This system automatically verifies data from all government electronic databases, registers cases, and distributes them among judges. One completed project involves the automation of court orders for the collection of alimony for minor children. Among other benefits, this solution enables faster and more effective protection of children's rights. Certain decisions by bailiffs have also been partially automated. For instance, a robot now prepares draft sanctions for rulings that restrict travel abroad, although the final decision remains with the judge.

The use of IT in the judicial system is not intended to replace judges but rather to serve as an additional tool. This principle is affirmed in the *Concept for the Development of Artificial Intelligence for 2024–2029* (hereinafter referred to as the *Concept*), adopted in the summer of 2024. The *Concept* states: "Artificial intelligence does not replace but complements a human. Active human participation in the control and management of the decision-making process of AI systems must be ensured, placing humans above artificial intelligence in the hierarchy of decision-making authority, with the ability to adjust AI actions. Continuous monitoring and critical assessment of AI performance must be ensured."[18] At the same time, the risks associated with the use of artificial intelligence and its elements in judicial activities are not defined by law. It can only be said that the Kazakh judicial system is, to some extent, guided by the five principles for the use of artificial intelligence in courts, as outlined in the *European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and Their Environment* (CEPEJ),[19] in which Kazakhstan holds observer status.

---

17 Press Service of the President of the Republic of Kazakhstan. (2021, February 12). *Glava gosudarstva provel soveshchaniye po voprosam modernizatsii sudebnoy sistemy* [The Head of State held a meeting on the modernization of the judicial system]. Official website of the President of the Republic of Kazakhstan. https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/meetings_and_sittings/glava-gosudarstva-provel-soveshchanie-po-voprosam-modernizacii-sudebnoi-sistemy

18 *Postanovleniye Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya iskusstvennogo intellekta na 2024–2029 godu* [Regulation of the RK Government on the "Concept of development of artificial intelligence for 2024–2029"], July 24, 2024, No. 592, https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000592

19 Council of Eur. Eur. Comm'n. for the Efficiency of Justice. [CEPEJ], *Eur. Ethical Charter on the Use of AI in Jud. Sys. and their Env't,* 31st Plen. Meeting (2024, Dec. 3–4), also available in Russian, see https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35417997&pos=2;-51#pos=2;-51

Work is currently underway to establish a new legislative framework for information management systems and artificial intelligence. Existing laws do not fully regulate unified approaches to building a digital society. The *Concept* highlights several issues: the absence of a systematic approach to regulating digital platforms and services, which leads to fragmentation and legal conflicts; legislative gaps in this area; and a widening gap between legislation and the rapid pace of technological development.

At present, this area is governed by several specialized laws: the Law of January 7, 2003 *On Electronic Document and Electronic Digital Signature*,[20] the Law of July 5, 2004 *On Communications*,[21] the Law of April 15, 2013 *On Public Services*,[22] the Law of May 21, 2013 *On Personal Data and Its Protection*,[23] and the Law of November 24, 2015 *On Informatization*.[24] In addition, nearly 200 departmental by-laws adopted to implement these laws are currently in force. Relevant provisions relating to digitalization have also been incorporated into sectoral codes, including procedural codes, and various laws.

Given the continuing expansion of legislation in this domain, the question of codification has emerged — specifically, the adoption of the *Digital Code of the Republic of Kazakhstan*. A draft of the Code published in April of 2024 proposes three main areas of regulation: the digital rights of individuals and citizens, the digital economy, and the digital state.[25] The issue of codification is presently being discussed among government bodies,[26] legal professionals, and the academic community. Some argue, however, that codifying the legal regulation of such rapidly evolving social relations is premature in the absence of legislation addressing newly emerging institutions in this field (Idrisheva, 2022, pp. 72–87).

---

20 Zakon "Ob elektronnom dokumente i elektronnoy tsifrovoy podpisi" [Law "On Electronic Document and Electronic Digital Signature"], March 07, 2003, No. 370, https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z030000370_

21 Zakon Respubliki Kazakhstan "O svyazi" [Law "On Communications"], July 05, 2004, № 567, https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z040000567_

22 Zakon Respubliki Kazakhstan "O gosudarstvennykh uslugakh" [Law "On Public Services"], April 15, 2013, No. 88-V, https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000088

23 Zakon Respubliki Kazakhstan "O personal'nykh dannykh i ikh zashchite" [Law "On Personal Data and Their Protection"], May 21, 2013, No. 94-V, https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094

24 Zakon Respubliki Kazakhstan "Ob informatizatsii" [Law "On Informatization"], Novem. 24, 2015, No. 418-V ZRK, https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000418

25 Dos'ye na proyekt Tsifrovogo kodeksa Respubliki Kazakhstan [Draft Digital Code of the Republic of Kazakhstan], April 2024, https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38933548&pos=12;-52#pos=12;-52

26 See, for example: Official information Source of the Prime Minister of the Republic of Kazakhstan. (2024, June 19). *Razrabotku Tsifrovogo kodeksa obsudili v Pravitel'stve s uchastiyem predstaviteley mezhdunarodnykh organizatsiy i kompaniy* [The development of the Digital Code was discussed in the Government with the participation of representatives of international organizations and companies]. https://primeminister.kz/ru/news/razrabotku-tsifrovogo-kodeksa-obsudili-v-pravitelstve-s-uchastiem-predstaviteley-mezhdunarodnykh-organizatsiy-i-kompaniy-28659; Press Service of the Ministry of Digital Development, Innovation and Aerospace Industry of the Republic of Kazakhstan. (2023, November 6). *V MTSRIAP obsudili proyekt Tsifrovogo kodeksa* [The draft Digital Code was discussed in the MDDIAI]. Unified platform of Internet resources of government bodies [of Kazakhstan]. https://www.gov.kz/memleket/entities/mdai/press/news/details/647893?lang=ru; *Tsifrovoy kodeks: obsuzhdeniye nachato* [Digital Code: Discussion has begun]. (2024, October 21). https://mybuh.kz/news/tsifrovoy-kodeks-obsuzhdenie-nachato/

The *Digital Code* is needed to:

- Systematize legal regulation,
- Eliminate legal gaps and conflicts,
- Ensure safety in the digital space,
- Minimize risks to personal data,
- Prevent discrimination through the use of digital technologies,
- Avoid duplication of functions among authorized bodies,
- Establish guarantees for the safe use of AI.

Alongside the draft *Digital Code*, coordinated efforts should be undertaken to prepare a bill introducing amendments and additions to procedural and other legislative acts. The CPC RK should also be supplemented with new provisions to support the effective use of IT in judicial processes. We support the view that particular attention must be given to the substance of certain principles of legal proceedings to ensure their full implementation in the context of online justice.[27]

In particular, this concerns the principles of:

- equality of all before the law and the court (Article 13 of the CPC RK)
- procedural equality of the parties (Article 15)
- publicity of the trial (Article 19)
- the right of everyone to be heard in court (subparagraph 4, paragraph 3, Article 77 of the *Constitution of the Republic of Kazakhstan*)[28]
- the principle of directness and orality of the trial (Article 186 of the CPC RK).

In addition, we believe that full-scale electronic legal proceedings require a revision of several provisions within the institution of evidence and proof in civil cases, particularly those regulating the submission and examination of written evidence and the procedure for witness interrogation.[29] The need to amend and supplement the CPC RK is also driven by several practical factors: limited mobile broadband access in remote and hard-to-reach areas; inconsistent communication quality; and low levels of digital literacy among certain groups of citizens. These issues directly affect both the format of legal proceedings and the conduct of cases held online.

It also appears necessary for the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan to adopt a regulatory resolution[30] on the application of civil procedural law to electronic legal proceed-

[27] Suleimenova, G. Zh. (2020, November 24). *Nekotoryye problemy rassmotreniya ugolovnykh del v onlayn-sudebnom protsesse v usloviyakh pandemii* [Some issues with hearing criminal cases in online court proceedings during the pandemic]. Infosystem "Yurist". https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39053137

[28] Konstitutsiya Respubliki Kazakhstan [Const. RK] [Constitution], https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (Kaz.).

[29] Tukulov, B. (n.d.). *Ob osnovnykh osobennostyakh i trudnostyakh onlayn-pravosudiya v Kazakhstane* [On the Main Features and Difficulties of Online Justice in Kazakhstan]. TKS Disputes. https://tks.law/kz/publications/ob-osnovnyh-osobennostyah-i-trudnostyah-onlayn-pravosudiya-v-kazahstane

[30] Regulatory resolutions of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan are part of the legislative system (clause 1 of Article 4); relate to the main types of regulatory legal acts (subparagraph 5 of paragraph 2 of Article 7); are outside the hierarchy of regulatory legal acts (clause 5 of Article 10); contain explanations on issues of judicial practice (clause 3 of Article 5) (Zakon Respubliki Kazakhstan "O pravovykh aktakh" [Law "On Legal Acts"], April 06, 2016, No. 480-V, https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000480).

ings. Such a legal act should comprehensively address all aspects specific to electronic justice in civil cases, including both practical and technical considerations. For example, courts require clear guidance on the grounds for postponing hearings, particularly in cases where technical issues may disrupt the continuation of proceedings. Questions also arise regarding how to uphold the principle of publicity in online hearings, especially in terms of ensuring access for citizens and media representatives to open court sessions.

Numerous other issues in judicial practice stem from the application of civil procedural law to online proceedings. These challenges span all stages of the civil process. Therefore, a regulatory resolution from the Supreme Court would serve, on the one hand, to ensure the correct and uniform application of civil procedure by the courts and, on the other, to safeguard the procedural rights of participants and other involved parties.

Given that over 95% of civil cases are now conducted online, such a resolution would become a key legal instrument in upholding the legality and fairness of justice in Kazakhstan.

Conclusion

Undoubtedly, in today's world, the progressive development of society and the state is unthinkable without information technology, including in the field of justice. The high level of IT integration in Kazakhstan's legal proceedings has been recognized in CEPEJ reports in 2020, 2022. Online civil proceedings offer numerous advantages: increased efficiency, transparency, accessibility, convenience, reduced corruption risks, simplified document flow, and streamlined case management. Digital services and tools improve the quality of judicial decisions, ensure consistency in judicial practice, and enhance predictability. Financial investments in this area are fully justified.

At the same time, digitalization brings both positive and negative effects. Technical problems became particularly evident during the COVID-19 pandemic, when the majority of civil cases were processed online. Despite the widespread use of IT and artificial intelligence, further development is necessary, especially with regard to expanding access to the *Digital Analytics of Judicial Practice* system.

Legal regulation continues to lag behind the practical use of IT in civil proceedings, underscoring the urgent need for updated and comprehensive legislation. A unified approach to digital society governance should be pursued through codification. The adoption of a *Digital Code* would help systematize regulation and eliminate legal gaps and inconsistencies. Amendments to the CPC RK are also needed, as digitalization affects fundamental principles and procedural institutions.

To ensure the proper and consistent application of rules governing electronic civil proceedings, the Supreme Court should systematize judicial practice and adopt a regulatory resolution.

References

1. Alenov, M. A. (2013). Vnedrenie v Kazakhstane elektronnogo pravosudiya: normativnaya osnova i perspektivy [Implementation of electronic justice in Kazakhstan: Regulatory framework and prospects]. *Pravo i Gosudarstvo,* (3), 71–73.
2. Yegezhanova, D. R. (2023). Nekotorye voprosy razvitiya i sovershenstvovaniya tsifrovogo obrazovaniya sudei [Some issues of development and improvement of digital education for judges]. *Vestnik Evraziyskogo Natsionalnogo Universiteta Imeni L.N. Gumileva. Seriya Pravo,* (2), 21–31.
3. Idrisheva, S. K. (2022). O Tsifrovom kodekse Kazakhstana [About the digital code of Kazakhstan]. *Pravo i Gosudarstvo,* (3), 72–87.

Information about the author:

Zauresh K. Baimoldina — Ph.D. in Law, Associate Professor, Honorary Professor of the Academy of Justice under the High Judicial Council of the Republic of Kazakhstan, Head of the Astana Center of the Eurasian Institute of Economic and Legal Studies, Narxoz University, Almaty, Kazakhstan.
bkhamit20@mail.ru

Сведения об авторе:

Баймолдина З. Х. — кандидат юридических наук, доцент, почетный профессор Академии правосудия при Высшем Судебном Совете Республики Казахстан, руководитель Астанинского центра Евразийского института экономико-правовых исследований Университет Нархоз, Алматы, Казахстан.
bkhamit20@mail.ru

https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-4

Check for updates

CC BY 4.0

ЭССЕ

ОБРАЩЕНИЕ ВЗЫСКАНИЯ НА КРИПТОВАЛЮТУ В РАМКАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА: ВОЗМОЖНАЯ МОДЕЛЬ

А. В. Незнамов

Уральский государственный юридический университет
имени В.Ф. Яковлева
620137, Россия, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

Аннотация

С принятием Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательный акты Российской Федерации» цифровая валюта приобрела легальный статус, что создало предпосылки для обсуждения вопроса об обращении взыскания на нее в рамках исполнительного производства. Однако специфический механизм такого взыскания в Федеральном законе от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» закреплен не был. В связи с этим автором ставится цель предложить возможную модель обращения взыскания на криптовалюту в российском исполнительном производстве и описать факторы, в зависимости от которых такая процедура могла бы дифференцироваться. При этом в статье с позиций генетического и системного подхода анализируются отечественные доктринальные источники, действующее российское законодательство и подзаконные нормативные акты, Всемирный кодекс цифрового исполнения как акт «мягкого права», обобщающий опыт обращения взыскания на цифровые активы в различных правопорядках. Исследование позволило прийти к следующим основным выводам. Во-первых, ответ на вопрос о правовой природе криптовалют не имеет решающего значения для построения надлежащей модели обращения взыскания на цифровые валюты. Если в интересах принудительного исполнения цифровые валюты могут быть восприняты как бездокументарные ценные бумаги или дебиторская задолженность, это должно быть сделано. Во-вторых, в силу многообразия цифровых валют и их характеристик построение универсальной модели обращения взыскания на цифровые валюты вряд ли возможно. Поэтому обращение взыскания на них должно дифференцироваться в зависимости от ряда факторов. Исходя из вида цифровой валюты и складывающейся ситуации, обращение взыскания на криптовалюты может быть основано на общем порядке обращения взыскания на иное имущество (не денежные средства) или потребовать его встраивания в механизм исполнения неимущественных требований, не допускающих замену субъекта исполнения. В заключение выдвигается предположение о том, что, за исключением ряда узких мест, существующий инструментарий исполнительного производства достаточен для выстраивания механизма обращения взыскания на цифровую валюту. Построение такого механизма требует скорее точечного изменения законодательства и выстраивания методики принудительного исполнения в отношении цифровой валюты, чем полного переосмысления исполнительного производства. Однако эффективность принудительного исполнения за счет цифровых активов — это не только вопрос исполнительного производства,

но и вопрос создания контролируемых криптовалютных рынков, финансового и налогового контроля, информационного суверенитета. Поэтому выработка надлежащих правовых механизмов обращения взыскания на цифровую валюту в рамках исполнительного производства сама по себе не является гарантией эффективности данных механизмов на практике.

Ключевые слова

криптовалюта, цифровая валюта, обращение взыскания на имущество, исполнительное производство, цифровые технологии

Конфликт интересов	Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.
Финансирование	Исследование не имеет спонсорской поддержки.
Для цитирования	Незнамов, А. В. (2024). Обращение взыскания на криптовалюту в рамках исполнительного производства: возможная модель. *Цифровое право, 5*(4), 55–66. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-4

Поступила: 05.10.2024, принята в печать: 30.11.2024, опубликована: 30.12.2024

ESSAYS

FORECLOSURE ON CRYPTOCURRENCY IN THE ENFORCEMENT PROCEEDINGS: A POSSIBLE MODEL

Alexandr V. Neznamov

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev
21, Komsomol'skaya St., Yekaterinburg, Russia, 620137

Abstract

With the enactment of the Federal Law on Digital Financial Assets and Digital Currency in 2020, digital currency was regulated for the first time ever in Russia. This established the prerequisites for discussing the issue of foreclosure on digital currency in enforcement proceedings. However, no specific amendment for such a foreclosure has been made in the Federal Law on Enforcement Proceedings. In this regard, the article aims to propose a possible model of foreclosure on cryptocurrencies in Russian enforcement proceedings and describe the factors on which such a procedure would depend. From the standpoint of a genetic and systematic approach the article analyzes domestic doctrinal sources, current Russian legislation and bylaws, and the Global Code of Digital Enforcement as an act of "soft law" summarizing the experience of foreclosing on digital assets in various legal systems. The research allowed to arrive at the following main conclusions: 1) the answer to the question about the legal nature of cryptocurrencies is not crucial for creating an appropriate model of foreclosure on digital currencies. If, in the interests of enforcement, digital currencies can be perceived as undocumented securities or receivable debts, this should be done; 2) due to the variety of digital currencies and their characteristics, it is hardly possible to create a universal model of foreclosure on them. Therefore, there should exist different types of foreclosure depending on a number of factors. Depending on the type of digital currency, foreclosure on cryptocurrencies may be based on the general procedure for foreclosing on "other property assets" (i.e. non-

pecuniary assets), or require its integration into the mechanism for the enforcement of non-property claims that do not allow the replacement of the subject matter of enforcement. In conclusion, the author suggests that, with few exceptions, the existing tools of enforcement proceedings seem sufficient to create a mechanism for foreclosing on digital currency. In this sense, the development of such a mechanism requires to amend legislation on a case-by-case basis, as well as to set the methodology for enforcement in relation to digital currency, rather than a complete rethinking of enforcement proceedings. However, the effectiveness of enforcement through digital assets is also a matter of creating controlled cryptocurrency markets, financial and tax control, and information sovereignty. Therefore, the development of appropriate legal mechanisms for foreclosing on digital currency within the enforcement proceedings is not in itself a guarantee of the effectiveness of these mechanisms in practice.

Keywords
cryptocurrency, digital currency, foreclosure on property, enforcement proceedings, digital technologies

Conflict of interest	The author declares no conflict of interest.
Financial disclosure	The study has no sponsorship.
For citation	Neznamov, A. V. (2024). Foreclosure on cryptocurrency in the enforcement proceedings: A possible model. *Digital Law Journal*, *5*(4), 55–66. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-4

Submitted: 5 Oct. 2024, accepted: 30 Nov. 2024, published: 30 Dec. 2024

Введение

Дематериализация гражданского оборота, безусловно, является одной из тенденций развития современного права. Все большее распространение цифрового имущества и цифровых средств расчета привело к тому, что, по некоторым данным, на 2022 г. в цифровых активах (в частности, в криптовалюте) хранилось до 1,2 трлн долл. США[1]; примерно 12% от этой суммы (214 млрд долл. США, или 16,5 трлн руб.) принадлежало россиянам[2].

С принятием федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательный акты Российской Федерации» (далее — ФЗ о ЦФА)[3] цифровая валюта[4] приобрела легальный статус, что, в свою очередь, создало предпосылки для обсуждения вопроса об обращении взыскания на такое имущество

[1] Безрукова, А. (2023, 20 сентября). *22 человека в мире накопили криптовалюту больше чем на $1 млрд.* РБК. https://www.rbc.ru/crypto/news/64f834aa9a794741f572b488

[2] Коммерсантъ. (2022, 1 февраля). Bloomberg: на долю россиян приходится 12% всей мировой криптовалюты. https://www.kommersant.ru/doc/5194088

[3] Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательный акты Российской Федерации» от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ. Собрание законодательства РФ, 2020 г. № 31. Ст. 5018 (Часть I).

[4] Следует отметить, что в терминологической паре «цифровая валюта — криптовалюта» имеется некоторая неопределенность, обусловленная различным пониманием содержания и предметных границ данных явлений. Отдавая себе отчет в нетождественности данных понятий, мы будем использовать термины «цифровая валюта», «криптовалюта», «криптоактивы», «криптовалютные активы» в качестве синонимов.

в рамках исполнительного производства. Однако специфический механизм такого взыскания в федеральном законе «Об исполнительном производстве»[5] (далее — ФЗ «Об исполнительном производстве») закреплен не был; законодательство об исполнительном производстве ограничивается лишь указанием на то, что для целей исполнительного производства цифровая валюта признается имуществом[6]. В то же время в научной литературе справедливо указывается на то, что криптовалюта представляет собой имущество особого рода (Yankovskiy, 2020, p. 50) и использование в отношении нее существующих механизмов обращения взыскания не всегда возможно и (или) эффективно.

Несмотря на наличие ряда исследований, специально посвященных вопросам регулирования цифровой валюты (см., в частности: Sannikova et al., 2020; Krokhina, 2023; Egorova, 2021), вопрос о надлежащей адаптации механизмов обращения взыскания, существующих в российском исполнительном производстве, к специфике данного имущества вряд ли можно считать исчерпывающе раскрытым.

Во-первых, криптовалюты многообразны, и до недавнего времени дискуссия развивалась преимущественно вокруг определения их правовой сущности, типологизации и надлежащего правового режима (Belykh & Bolobonova, 2019; Sannikova & Kharitonova, 2020; Yankovskiy, 2020), не затрагивая более частные вопросы. Во-вторых, даже авторы, интересующиеся обращением взыскания на цифровую валюту, зачастую рассматривают этот вопрос под совершенно определенным (как правило, соответствующим их предметной области) углом, практически не касаясь механизмов исполнительного производства (Shishmareva & En'kova, 2024). Как следствие, публикаций, раскрывающих этот вопрос применительно к исполнительному производству, единицы (Aksenov, 2021; Kozlachkov, 2022). В-третьих, даже в рамках обсуждения, специализированного на вопросах обращения взыскания на цифровую валюту в рамках исполнительного производства, некоторые тезисы представляются дискуссионными или не до конца раскрытыми.

Попытки адаптировать механизмы принудительного исполнения к реалиям современного оборота имеют место не только на национальном, но и на международном уровне. Так, в 2021 г. Международным советом судебных исполнителей (*International Union of Judicial Officers, UIHJ*) с участием в том числе российских представителей был принят «Всемирный кодекс цифрового исполнения». Принудительному исполнению за счет цифровых активов в нем посвящены части 5 («Исполнение в отношении цифровых активов») и 7 («Арест криптоактивов»)[7]. Данный документ, обобщающий опыт обращения взыскания на цифровые активы в различных правопорядках, полагаем, также может быть учтен при выработке подходов к данному вопросу в национальном законодательстве.

Методология

Российское исполнительное производство обладает довольно разветвленным механизмом обращения взыскания на имущество, дифференциация которого зависит от целого ряда обстоятельств: существа исполняемого требования, физических, экономических и правовых свойств

[5] Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ. Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

[6] Часть 4 ст. 68 ФЗ «Об исполнительном производстве».

[7] Int'l Union of Jud. Officers [UIHJ], Global Code of Digital Enforcement (2021), переведен П. Д. Константиновым и опубликован в *Вестнике исполнительного производства*, (4), 13–39.

имущества, на которое обращается взыскание, правового статуса должника и т.д. (Kudryavtseva, 2015, pp. 27–28). Поэтому построение приемлемой модели обращения взыскания на цифровую валюту требует прежде всего установления свойств данного вида имущества и выявления среди них тех, которые могут повлиять на дифференциацию механизма обращения взыскания с точки зрения действующих норм российского исполнительного производства.

Между тем исполнительное производство в силу специфики целей, стоящих перед ним, зачастую очень прагматично и нередко отступает от теоретических соображений в пользу более быстрого и эффективного исполнения требований, нуждающихся в принудительном исполнении. Поэтому существующие механизмы обращения взыскания на имущество нуждаются в анализе также с точки зрения соответствия их «механики» и целевого предназначения потребностям обращения взыскания именно на цифровую валюту.

Таким образом, методология настоящего исследования определяется спецификой его предмета и заключается в использовании:

1) генетического метода, предполагающего установление сущностных характеристик криптовалюты с целью их последующего отражения в соответствующем правовом регулировании;
2) метода системного анализа, предполагающего рассмотрение механизма обращения взыскания как целостного, образованного рядом взаимосвязанных элементов.

Результаты

Проведенное исследование позволило прийти к следующим основным выводам.

1. Несмотря на разнообразие мнений относительно правовой природы криптовалют (Yankovskiy, 2020), ответ на этот вопрос, как представляется, не должен иметь решающего значения для построения надлежащей модели обращения взыскания на цифровые валюты. В вопросах построения такой модели следует придерживаться прагматичного подхода. Если в интересах быстрого и эффективного принудительного исполнения цифровые валюты могут быть восприняты как бездокументарные ценные бумаги или дебиторская задолженность, полагаем, это должно быть сделано.
2. В силу многообразия цифровых валют (Sannikova & Kharitonova, 2020, pp. 119–123) и, соответственно, их характеристик построение универсальной модели обращения взыскания на цифровые валюты вряд ли возможно. Поэтому обращение взыскания на них должно дифференцироваться в зависимости от:
   - наличия/отсутствия у должника доброй воли на раскрытие информации о принадлежащих ему криптовалютных активах и на содействие в обращении взыскания на них;
   - централизованного/децентрализованного характера эмиссии и оборота цифровой валюты; подчинения/неподчинения оператора информационной системы, в которой обращается цифровая валюта, российскому регулятору;
   - возможности получения доступа к криптокошельку должника помимо его воли;
   - обеспеченности/необеспеченности криптовалюты реальными активами.

В зависимости от вида цифровой валюты и складывающейся фактической и правовой ситуации обращение взыскания на криптовалюты может быть основано на общем порядке обращения взыскание на иное имущество (не денежные средства) либо потребовать его встраивания в механизм исполнения неимущественных требований, не допускающих замену субъекта исполнения.

Дискуссия

Действительное содержание механизма обращения взыскания на имущество, безусловно, шире его легального определения, закрепленного в ч. 1 ст. 69 ФЗ «Об исполнительном производстве». По смыслу ФЗ «Об исполнительном производстве» для обращения взыскания на имущество его необходимо найти, арестовать и, если требуется, изъять и либо оценить и реализовать, либо передать взыскателю.

Таким образом, из совокупности характеристик, которыми могут обладать криптовалюты, в рамках исполнительного производства нас могут интересовать только те, которые вносят какое-либо своеобразие в одну или несколько вышеобозначенных процедур. К их числу могут быть отнесены:

- цифровая форма (бестелесность);
- анонимность (или псевдонимность);
- приватность;
- децентрализованность и
- спекулятивность.

При этом вопрос о правовой сущности цифровой валюты в рамках рассматриваемой темы, полагаем, не имеет решающего значения. Единственное, вероятно, что важно с точки зрения исполнительного производства, то, что цифровая валюта не является денежными средствами, с чем после принятия ФЗ о ЦФА вряд ли кто-то спорит. В этом смысле сложившегося в науке и правоприменительной практике понимания цифровой валюты как иного имущества (Yankovskiy, 2020, pp. 50–52) для исполнительного производства вполне достаточно.

Достигнув вышеупомянутого понимания, рассмотрим, как указанные характеристики криптовалют влияют на дифференциацию процедуры обращения взыскания на них.

Наличие/отсутствие у должника доброй воли на раскрытие информации о принадлежащих ему криптовалютных активах и на содействие в обращении взыскания на них

Поскольку цифровая валюта представляет собой совокупность данных (запись) в информационной системе[8], доступ к которой, к тому же, зачатую имеет только сам должник (приватность криптовалют), сведения о принадлежности должнику таких активов по общему правилу сложно получить традиционными средствами поиска имущества (запрос сведений об имуществе должника, осмотр места жительства или места нахождения должника[9]). Поэтому наличие у должника доброй воли на раскрытие информации о принадлежащей ему цифровой валюте и на содействие судебному приставу в обращении взыскания на нее может иметь решающее значение для процесса принудительного исполнения.

Способствовать возникновению у должника такой воли можно как уже предлагавшимися в науке мерами негативного (астрент (Kuznetsov, 2022)), косвенного принуждения (Aksenov, 2021), так и перспективными мерами позитивного воздействия, например путем освобождения должника от исполнительского сбора в той части, в которой раскрытые им криптоактивы покрывают требование взыскателя/взыскателей. Полагаем, что такая мера не только коррелирует со специфическими характеристиками криптоактивов (в частности,

[8] Часть 3 ст. 1 ФЗ о ЦФА.

[9] Пункты 2, 5, 6 ч. 1 ст. 64 ФЗ «Об исполнительном производстве».

их приватностью и анонимностью), но и вполне соответствует выработанному в российском праве пониманию исполнительского сбора как специальной меры ответственности, направленной, помимо прочего, на понуждение должника к добровольному исполнению требований[10].

При наличии у должника такой воли процесс обращения взыскания на данное имущество по сути будет мало чем отличаться от обращения взыскания на любое другое имущество должника (кроме денег) с той лишь разницей, что криптовалюту невозможно физически изъять. Эта особенность, впрочем, характерна и для других бестелесных активов и может быть преодолена аналогично — путем ограничения доступа должника к таким криптоактивам (например, изъятие физических носителей «бумажного» или «холодного ключа» или зачисление цифровой валюты на специальный криптовалютный счет ФССП России или специализированного хранителя (Aksenov, 2021)).

При отсутствии у должника воли на раскрытие информации о цифровой валюте и содействие судебному приставу в обращении взыскания на нее полноценно возникают проблемы и поиска криптоактивов, и идентификации их владельца, и доступа к таким активам. Соответственно, розыск цифровой валюты и последующее обращение взыскания на нее в такой ситуации потребует использования других средств принудительного исполнения, предусмотренных ФЗ «Об исполнительном производстве», о чем подробнее мы скажем далее.

Централизованный/децентрализованный характер эмиссии и оборота цифровой валюты; подчинение/неподчинение оператора информационной системы, в которой обращается цифровая валюта, российскому регулятору

Как известно, криптовалюты могут быть централизованными и децентрализованными, т.е. иметь единый эмиссионный или операционный центр или не иметь[11]; эмитент и оператор информационной системы, в которой обращается криптовалюта (далее — криптовалютная биржа), могут как располагаться в российской юрисдикции и подчиняться российским законам, так и находиться за ее пределами и не подчиняться требованиям российских регуляторов.

Последующая дифференциация процедур обращения взыскания на криптовалюту должна происходить с учетом того, имеется ли у нее единый эмисионный и операционный центр и подчиняется ли он российской юрисдикции. Аналогичный подход к дифференциации процедуры исполнения, например, предлагается во Всемирном кодексе цифрового исполнения (процедура ареста цифровых активов с участием третьих лиц урегулирована подразделом 1 разд. «B» ч. 7, процедура ареста с участием должника — подразделом 2 разд. «B» ч. 7).

В случае централизованной эмиссии и оборота криптовалюты, подчинения криптовалютных бирж российскому регулятору обращение взыскания на цифровую валюту может быть построено на основе модели обращения взыскания на бездокументарные ценные бумаги: розыск валюты и идентификация ее владельца путем запроса информации у операторов[12];

---

10 Постановление Конституционного Суда РФ от 30 июля 2001 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 7 пункта 1 статьи 7, пункта 1 статьи 77 и пункта 1 статьи 81 Федерального закона „Об исполнительном производстве“ в связи с запросами Арбитражного суда Воронежской области, Арбитражного суда Саратовской области и жалобой открытого акционерного общества „Разрез «Изыхский»“». Собрание законодательства РФ. 2001. № 32. Ст. 3412.

11 Банк России. (2022). *Криптовалюты: тренды, риски, меры: доклад для общественных консультаций* (с. 6–9). https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf

12 Часть 1 ст. 6, п. 2 ч. 1 ст. 64 ФЗ «Об исполнительном производстве».

установление ограничения на распоряжение цифровой валютой через оператора информационной системы, в которой она обращается[13]; оценка цифровой валюты путем запроса цен у организаторов торговли[14]; реализация цифровой валюты на централизованных торгах[15].

Кроме взаимодействия с криптовалютными биржами, в плане розыска и идентификации владельца цифровых активов у судебного пристава-исполнителя также имеется очевидная с точки зрения ч. 6 ст. 14 ФЗ о ЦФА, ст. 86.5 НК РФ и постановления Правительства РФ «Об утверждении Правил ведения реестра лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты, и Правил ведения реестра операторов майнинговой инфраструктуры»[16] возможность запросить такие сведения у ФНС России, хотя очевидно, что такой запрос будет продуктивен только в отношении участников полностью «белого» криптовалютного рынка.

В то же время исторически сложилось так, что большинство цифровых валют являются децентрализованными. Более того, несмотря на то что по смыслу ч. 1–3 ст. 14 ФЗ о ЦФА легальным в России признается оборот цифровой валюты, только полностью подконтрольный российской юрисдикции, большинство популярных криптовалютных бирж не соответствуют этому требованию. Поэтому в значительном числе случаев обращение взыскания на цифровую валюту в порядке, указанном выше, вряд ли возможно, что ведет к дальнейшей дифференциации процедуры обращения взыскания.

Возможность получения доступа к криптокошельку должника помимо его воли

В литературе широко распространено мнение, что технология распределенного реестра делает невозможным доступ к криптоактивам лица без его на то согласия (Aksenov, 2021). С данной позицией можно согласиться лишь отчасти.

Во-первых, в заслуживающих доверие источниках можно встретить утверждение о том, что взлом криптокошелька (в том числе основанного на технологии распределенного реестра) *технически* возможен (Kozlachkov et al., 2022). Непонятно, впрочем, на какой стадии находится реализация данной технологии и, следовательно, насколько такой взлом возможен *фактически*. Кроме того, детальной проработки требует вопрос о надлежащей правовой процедуре такого взлома: кем и при каких обстоятельствах будет приниматься это решение, кем и как эти действия будут контролироваться, и т.п.

Во-вторых, как и любая другая технология, технология криптокошелька инфраструктурозависима и оставляет следы. В этом смысле материальные носители, используемые должником для доступа к криптокошельку, часто могут содержать всю информацию, необходимую для доступа к нему третьих лиц (так называемые бумажные и холодные ключи (Aksenov, 2021)). Изъяв такие носители, судебный пристав — исполнитель вполне может получить доступ к криптоактивам должника и обратить на них взыскание помимо его воли.

Поэтому, в целом соглашаясь с мыслью о том, что получить доступ к криптоактивам лица без его согласия сложно, полагаем, что при определенных обстоятельствах это все же возможно.

---

13 Статья 82 ФЗ «Об исполнительном производстве».

14 Часть 5 ст. 85 ФЗ «Об исполнительном производстве».

15 Части 3, 5–7 ст. 89 ФЗ «Об исполнительном производстве».

16 Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил ведения реестра лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты, и Правил ведения реестра операторов майнинговой инфраструктуры» от 31 октября 2024 г. № 1464. Российская газета. 2024. 5 нояб.

Представляется, что в связи с этим процесс обращения взыскания на криптовалюту может дифференцироваться следующим образом[17]. В отсутствие доброй воли должника и информации о том, что принадлежащая должнику цифровая валюта обращается на криптовалютной бирже, подчиняющейся российскому законодательству, судебный пристав-исполнитель предпринимает усилия, направленные на самостоятельное получение доступа к криптокошельку должника: осматривает жилые и нежилые помещения, занимаемые должником, изымает и исследует принадлежащие ему носители информации, на которых могут содержаться ключи доступа. При этом, естественно, возникает вопрос, обладает ли ФССП России, особенно на низовом уровне, техническими, организационными и людскими (в смысле наличия квалифицированных специалистов) ресурсами, достаточными для такой деятельности. Как представляется, при нынешнем уровне обеспеченности ответ будет скорее отрицательным, чем положительным. В этом плане согласны, что одной из составляющих решения рассматриваемой проблемы должно стать создание если не отдельной функции «киберпристав» (Kozlachkov et al., 2022), то хотя бы специализированных подразделений, способных оказать судебному приставу-исполнителю информационную и техническую поддержку при осуществлении такого рода действий.

В то же время справедливости ради следует отметить, что и при нынешнем уровне технического и кадрового обеспечения ФССП России судебный пристав-исполнитель имеет возможность привлечь к осуществлению отдельных исполнительных действий специалиста, в том числе технического, на основании ст. 61 ФЗ «Об исполнительном производстве». Безусловно, с учетом затрат на привлечение таких специалистов это вряд ли можно рассматривать как постоянное, но вполне пригодно как временное (до создания в ФССП России соответствующих подразделений) решение обозначенной проблемы.

В случае если действия судебного пристава-исполнителя, направленные на получение такого доступа к криптокошельку, не дали результата, он переходит к более специализированной правовой процедуре. В основу данной процедуры, полагаем, может быть положена идея о том, что обращение взыскания на цифровую валюту в такой ситуации должно сочетать черты имущественного и неимущественного взыскания, причем не допускающего замену субъекта исполнения (Kudryavtseva, 2015), т.е. необходимо оказывать прогрессирующее воздействие на волю должника, как это предусмотрено статьей 105 ФЗ «Об исполнительном производстве», с целью понуждения его к самостоятельному исполнению требования за счет криптоактивов или предоставлению судебному приставу-исполнителю доступа к криптокошельку.

Естественно, мысль об использовании механизмов исполнения неимущественных требований для целей обращения взыскания на имущество, пусть даже и осложненного криптоэлементом, может вызвать возражения. Однако при подробном рассмотрении вряд ли данные возражения могут быть признаны обоснованными.

Во-первых, российское законодательство об исполнительном производстве и так признает возможность понуждения должника к добровольному исполнению требований имущественного характера мерами неимущественного характера (например, ст. 67, 67.1 ФЗ «Об исполнительном производстве»). Во-вторых, с исполнением требования за счет обращения взыскания на цифровую валюту аксиологически имеет место абсолютно та же ситуация, что и в случае с исполнением неимущественных требований, не допускающих «суррогатного» исполнения:

[17] Здесь мы сознательно опускаем вариант, при котором доступ к криптокошельку судебный пристав получает благодаря «криптоотмычке», поскольку, несмотря на авторитетность источника, в котором говорится о такой возможности, примеры подобного широкой публике пока продемонстрированы не были.

возможность исполнения требования не утрачена, но без воли должника его достичь невозможно. И коль скоро *пока* добиться принудительного исполнения за счет обращения взыскания на криптовалюту без воли должника мы не можем, нужно воздействовать на нее имеющимися правовыми средствами.

С учетом этого полагаем, что механизмы ст. 105 ФЗ «Об исполнительном производстве» вполне могут быть использованы и для целей обращения взыскания на цифровую валюту. Например, именно такой подход предлагается в ч. 9 Всемирного кодекса цифрового исполнения, где говорится, что национальное законодательство должно предусматривать меры воздействия на должника с целью побуждения его к сотрудничеству с судебным исполнителем при обращении взыскания на цифровые активы.

Обеспеченность/необеспеченность криптовалюты реальными активами

Криптовалюты — это, как правило, чисто спекулятивный, ничем не обеспеченный актив[18]. В этом смысле при обращении взыскания на цифровую валюту по общему правилу требуется ее оценка специалистом-оценщиком (по аналогии с п. 2 или 3 ч. 2 ст. 85 ФЗ «Об исполнительном производстве»), а реализация производится посредством продажи.

Тем не менее к настоящему времени в обороте уже встречаются так называемые стейблкоины, т.е. криптовалюты, чья стоимость обеспечена возможностью обмена их на определенные активы либо привязкой их курса к стоимости определенных активов[19]. В этом смысле стейблкоины по экономическим свойствам приближаются к долговым[20] или производным ценным бумагам. Это вносит некоторые коррективы в процесс обращения взыскания на них. Так, если стоимость криптовалюты привязана к стоимости определенных рыночных активов (так называемая стабильная привязка[21]), то теоретически судебный пристав-исполнитель может оценить стоимость таких активов самостоятельно или в порядке ч. 5 ст. 85 ФЗ «Об исполнительном производстве», не прибегая к услугам специалиста-оценщика. Если же речь идет о стейблкоинах, обеспеченных реальными активами (в особенности, фиатными средствами, т.е. деньгами), вероятно, судебный пристав должен отдать приоритет не продаже таких активов, что может быть связано с отдельными трудностями, а обмену их на обеспечивающий актив (например, в порядке ст. 76 ФЗ «Об исполнительном производстве»).

Таким образом, вид криптовалюты, изъятой у должника, тоже может иметь значение для определения надлежащего порядка обращения на нее, и это должно быть отражено в законодательстве об исполнительном производстве.

Заключение

Как видно, в целом, за исключением ряда узких мест (некоторые из которых, например проблема поиска криптовалюты и идентификации ее владельца, впрочем, довольно концептуальны), существующий инструментарий исполнительного производства представляется достаточным для выстраивания механизма обращения взыскания на цифровую валюту.

---

18 Банк России. (2022). *Криптовалюты: тренды, риски, меры: доклад для общественных консультаций* (с. 6–9). https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf

19 Там же.

20 Там же.

21 Перцовский, М. (2021, 3 февраля). *Предупреждение шторма. Какими бывают стабильные криптовалюты.* РКБ. https://www.rbc.ru/crypto/news/60126b5a9a7947b9675ef3f8

В этом смысле построение такого механизма требует, на наш взгляд, скорее точечного изменения законодательства и формирования методики принудительного исполнения в отношении цифровой валюты, чем полного переосмысления исполнительного производства, хотя и альтернативные предложения (Kozlachkov et al., 2022) требуют внимательнейшего изучения и осмысления. Другой вопрос, насколько такой механизм будет эффективен.

Эффективность принудительного исполнения за счет цифровых активов — это не только вопрос исполнительного производства, но и не в последнюю очередь вопрос создания прозрачных и контролируемых государством криптовалютных рынков, финансового и налогового контроля, информационного суверенитета. Поэтому даже выработка надлежащих правовых механизмов обращения взыскания на цифровую валюту в рамках исполнительного производства сама по себе не является гарантией высокой эффективности данных механизмов на практике. Эта проблема существует в мировом масштабе, и, насколько известно, еще ни одной стране не удалось решить ее в полном объеме.

Список литературы / References

1. Aksenov, I. A. (2021). Obrashcheniye vzyskaniya na tsifrovuyu valyutu v ispolnitel'nom proizvodstve [Foreclosure of digital currency in enforcement proceedings]. *Zakony Rossii: Opyt, Analiz, Praktika*, (12), 35–42.
2. Belykh, V. S., & Bolobonova, M. O. (2019). Problemy opredeleniya pravovogo rezhima kriptovalyut [The problems of determining the legal regime for cryptocurrencies]. *Zhurnal Predprinimatelskogo i Korporativnogo Prava*, *3*(15), 23–28.
3. Egorova, M. A. (2023). Problemy sootnosheniya i pravovogo regulirovaniya kriptovalyuty, bitkoina, tsifrovoy i virtual'noy valyuty: Rossiyskiy i zarubezhnyy opyt [Problems of relationship and legal regulation of cryptocurrency, bitcoin, digital and virtual currency: Russian and foreign experience]. In M. A. Egorova (Ed.), *Kriptovalyuta kak sredstvo platezha: Chastnopravovoy i nalogovyy aspekty* (pp. 103–107). Prospekt.
4. Kozlachkov, A. A., Klimenko, S. A., Kharitonova, Yu. A., & Lauts, Ye. B. (2022). Kontseptual'naya model' obrashcheniya vzyskaniya na detsentralizovannyye nekastodial'nyye kriptovalyuty [The conceptual model of levy of execution on decentralized non-custodial cryptocurrencies]. *Predprinimatel'skoye Pravo*, (3), 42–49. https://doi.org/10.18572/1999-4788-2022-3-42-49
5. Krokhina, Yu. A. (2023). Kriptovalyuta — fakticheskiy ob"yekt grazhdanskikh prav [Cryptocurrency is a de facto object of civil rights]. *Uchenyye Trudy Rossiyskoy Akademii Advokatury i Notariata*, (2), 69–76.
6. Kudryavtseva, V. P. (2015). *Ispolneniye trebovaniy neimushchestvennogo kharaktera* [Execution of non-property claims]. Statut.
7. Kuznetsov, Ye. N. (2022). *Pravo na ispolneniye sudebnykh aktov v Rossiyskoy Federatsii* [The right to enforce judicial decisions in the Russian Federation]. Statut.
8. Sannikova, L. V., & Kharitonova, Yu. S. (2020). *Tsifrovyye aktivy: Pravovoy analiz* [Digital assets: A legal analysis]. 4 Print.
9. Shishmareva, T. P., & En'kova, E. E. (2024). Tsifrovyye aktivy kak ob"yekty vzyskaniya v protsedurakh bankrotstva [Digital Assets as objects of the recovery in the bankruptcy proceedings]. *Zhurnal Sibirskogo Federal'nogo Universiteta. Gumanitarnye Nauki*, *17*(6), 1078–1087.
10. Yankovskiy, R. M. (2020). Kriptovalyuty v rossiyskom prave: Surrogaty, "inoye imushchestvo" i tsifrovyye den'gi [Cryptovalues in the Russian law: Surrogates, «other property» and digital money]. *Law Journal of the Higher School of Economics,* (4), 43–77. https://doi.org/10.17323/2072-8166.2020.4.43.77

Сведения об авторе:

Незнамов А. В. — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия.
avneznamov@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1305-6209

Information about the author:

Alexandr V. Neznamov — Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Civil Procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia.
avneznamov@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1305-6209

https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-2

Check for updates

CC BY 4.0

ЭССЕ

ВЛИЯНИЕ ДИСТАНЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРОРА

П. Д. Константинов

Уральский государственный юридический университет
им. В.Ф. Яковлева
620137, Россия, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

Аннотация

Внедрение в гражданский процесс современных инструментов, обеспечивающих дистанционные присутствие и реализацию всех процессуальных прав и обязанностей, позволяет сделать предположение, что традиционная форма участия прокурора в гражданском процессе подвергается трансформации. Одной из ключевых технологий, обеспечивающих наиболее передовую возможность участия в процессе судопроизводства по гражданским делам, является веб-конференция или онлайн-заседание. Примечательной особенностью данной технологии является возможность участвовать в судебном заседании «в кликовой доступности», не выходя из дома. Выделяемые характеристики данной технологии позволяют сделать предположение об ограничении оснований для обращения прокурора в суд в защиту граждан и последующего участия в судебном заседании. Широкие возможности для повышения гласности и доступности правосудия при использовании рассматриваемой технологии могут иметь оборотную сторону, которую следует очертить и выделить проблемные точки, необходимые для проработки возможности участия прокурора в гражданском процессе при происходящей и активно развивающейся цифровизации. Исследование преследует цель выявления характера и направленности влияния технологии онлайн-заседания на роль прокурора, обращающегося в суд в защиту прав, свобод и законных интересов граждан. Ключевой особенностью данного исследования является применение индукционного метода, дающего возможность абстрагироваться от иных информационных технологий, использующихся в области гражданского процесса. Напротив, сделан акцент на конкретной технологии для выявления новых возможностей и рисков, открывающихся перед вызовами новой цифровой реальности. Кроме того, в исследовании использовались формально-юридический метод, который проявлялся в анализе соответствующего нормативного регулирования, логический метод для изложения и формирования итогов проведенного анализа. По итогам проведенного анализа были сделаны следующие выводы: 1) веб-конференция (онлайн-заседание) оказывает значительное влияние на принципы гласности, доступности и равенства; 2) веб-конференция (онлайн-заседание) позволяет наиболее чувствительным слоям населения дистанционно участвовать в судебном заседании, контролируя качество оказания юридической помощи со стороны прокурора; 3) факультативный характер использования веб-конференции (онлайн-заседания) не оправдывает гипотезу о сокращении категорий граждан, в защиту интересов которых прокурор может обратиться в суд; 4) использование веб-конференции (онлайн-заседания) повышает гласность деятельности органов прокуратуры за счет контроля со стороны материального истца за ходом разбирательства и качеством оказания юридической помощи.

Ключевые слова
гражданский процесс, цифровизация, информационные технологии, прокурор, дистанционное правосудие, веб-конференция, онлайн-заседание

Конфликт интересов	Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.
Финансирование	Исследование не имеет спонсорской поддержки.
Для цитирования	Константинов, П. Д. (2024). Влияние дистанционного правосудия на деятельность прокурора. *Цифровое право, 5*(4), 67–78. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-2

Поступила: 15.10.2024, принята в печать: 12.11.2024, опубликована: 30.12.2024

ESSAYS

THE IMPACT OF "DIGITAL JUSTICE" ON THE ROLE OF THE PROSECUTOR

Pavel D. Konstantinov

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21, Komsomolskaya St., Ekaterinburg, Russia, 620137

Abstract
The introduction of modern tools in civil proceedings, providing remote presence and realization of all procedural rights and obligations, suggests that the traditional form of participation of the prosecutor in civil proceedings is undergoing transformation. One of the key technologies that provide the most advanced possibility of participation in the process of proceedings in civil cases is web-conferencing or online meeting. A notable feature of this technology is the ability to participate in a court hearing "in click accessibility" from the comfort of one's own home. The highlighted characteristics of this technology suggest that there are limited grounds for the prosecutor to apply to the court in defense of citizens and then participate in the court session. Wide opportunities for increasing the publicity and accessibility of justice with the use of the technology under consideration may have a downside, which should be outlined and the problematic points necessary to elaborate the possibility of prosecutor's participation in civil proceedings in the ongoing and actively developing digitalization. The study aims to identify the nature and direction of the impact of online court technology on the role of the prosecutor applying to the court in defense of the rights, freedoms and legitimate interests of citizens. A key feature of this study is the application of the inductive method, which makes it possible to abstract from other information technologies used in the field of civil procedure. On the contrary, emphasis is placed on a specific technology in order to identify new opportunities and risks offered by the challenges of the new digital reality. In addition, the study used the formal-legal method, which manifested itself in the analysis of the relevant normative regulation, the logical method for the presentation and formation of the results of the conducted analysis. The following conclusions were made based on the results of the analysis: 1) web-conference (online hearing) has a significant impact on the principles of publicity, accessibility and equality; 2) web-conference (online hearing) allows the most sensitive segments of the population to remotely participate in a court hearing, controlling the quality of legal assistance provided

by the prosecutor; 3) the optional nature of the use of web-conference (online hearing) does not justify the hypothesis of reducing the categories of citizens in defense of whose interests the prosecutor can appeal to the court; 4) the use of web conferencing (online sessions) increases the publicity of the activities of the prosecutor's office due to the control by the material plaintiff over the course of the proceedings and the quality of legal assistance.

Keywords
civil procedure, digitalization, information technology, prosecutor, remote justice, web-conference, online session

Conflict of interest	The author declares no conflict of interest.
Financial disclosure	The study has no sponsorship.
For citation	Kostantinov, P. D. (2024). The impact of "digital justice" on the role of the prosecutor. *Digital Law Journal, 5*(4), 67–78. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-2

Submitted: 15 Oct. 2024, accepted: 12 Nov. 2024, published: 30 Dec. 2024

Введение

Волнообразное развитие информационных технологий постепенно охватывает всё большие стороны той или иной юридической деятельности. Применительно к области гражданского процесса влияние цифровизации не сильно отличается — появляются новые информационные технологии, которые в том или ином виде трансформируют не только совершение отдельных процессуальных действий, но и значительным образом влияют на весь процесс отправления правосудия по гражданским делам.

Примечательным при этом является концентрация внимания на цифровом обновлении деятельности органов прокуратуры. В подавляющем большинстве исследований сопоставление цифровизации судебных и прокурорских органов происходит в уголовно-процессуальном аспекте (Tabolina, 2019, pp. 34–38; Shakir'yanov & Gavrilov, 2019, pp. 65–69), практически не охватывая гражданско-процессуальный.

Становление начального этапа дистанционного правосудия известно достаточно давно и связано с внедрением в 2013 году одной из специфических форм судебного поручения[1] — видео-конференц-связи (Mironova, 2021, pp. 35–36). 2020-е годы знаменуются, кроме прочего, развитием данной модели участия в судопроизводстве. Начиная с уже достаточно прижившегося в ткани гражданского процесса инструмента видео-конференц-связи, распространение коронавирусной инфекции послужило толчком для внедрения и масштабного распространения системы веб-конференции. Весной 2020 года данная система была апробирована Верховным Судом (Borokhova, 2021, p. 7; Gaymaleeva, 2020, p. 30) и получила сначала нормативное закрепление на подзаконном уровне[2], затем и в Гражданском процессуальном

[1] Постановление Пленума ВАС РФ «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27.07.2010 № 228-ФЗ "О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации"» № 12 от 17.02.2011. Вестник ВАС РФ, 2011, № 4.

[2] Постановление Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ «Об ограничительных мерах в судах в целях противодействия распространению на территории РФ новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» (с изменениями и дополнениями) от 8 апреля 2020 г. № 821 (документ утратил силу)

кодексе Российской Федерации (далее — ГПК РФ) в статье 155.2, введённой в действие в 2021 году[3].

Возможность использования как видео-конференц-связи, так и веб-конференции (онлайн-заседания) обуславливает закрепление в теории модели неординарного участия лиц, участвующих в деле, — дистанционного правосудия. Одним из неоспоримых плюсов, которые будут положены в основу дальнейшего рассуждения, является возможность дистанционного участия в судебных заседаниях лиц с ограниченными возможностями (Vasilieva, 2020, p. 541; Gelieva, 2021, pp. 105–106; Vasilenko, 2021, p. 87; Abdulselimova & Kupriyanova, 2021, p. 8; Dolzhenko, 2022, p. 208).

Тем не менее нам представляется, что сосуществование двух инструментов внутри модели дистанционного правосудия — видео-конференц-связи и веб-конференции — является временным явлением. Характерные особенности использования данных технологий одинаковые: обеспечить возможность лицам, участвующим в деле, присутствовать в судебном заседании и эффективно реализовывать свои процессуальные права и обязанности. При этом ключевое различие проявляется в территориальном аспекте: либо зал судебного заседания с необходимостью привлечения помощника судьи соответствующего суда, либо любая географическая точка, обеспечивающая возможность постоянного доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Представляется, что потенциальная реализация отдаленной перспективы появления в российском праве «электронного дела» в его максимальном, схожим с передовым иностранным опытом, понимании[4], может происходить в том числе именно через систему веб-конференции, что определяет как теоретическую, так и практическую значимость данной технологии не только для традиционных судебных процедур, но и для реализации более смелых перспектив.

При этом необходимо сделать одну оговорку. Что автономная реализация технологии веб-конференции (онлайн-заседания), что включение этой технологии в состав более сложной нуждается в отдельном акцентировании и проработке. Учет количественного критерия при проведении большого количества исследований на схожую тематику (Branovickij, 2019, p. 6)[5], а также частый уклон на кумулятивный эффект от широкой реализации идеи информатизации судопроизводства (Chaduteau, 2018, p. 77; De Marcellis-Warin & Warin, 2017, p. 72; Épineuse & Garapon, 2018, p. 19; Khabriyeva, 2018, pp. 4–5; Talapina, 2018, p. 10) упускает из виду момент наиболее полного учета плюсов и минусов отдельно взятой технологии, а также оказываемого влияния на ту или иную область профессиональной деятельности отдельных представителей юридической профессии.

На наш взгляд, перевод вектора внимания с масштабного явления цифровизации на отдельно взятую технологию или модель использования этой технологии позволит более

---

3 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 137-ФЗ (ред. от 26.10.2024). Собрание законодательства РФ.18.11.2002, № 46, Ст. 4531.

4 Kashanin, A. V., Kozyreva, A. B., Kurnosova, N. A., & Malov, D. V. (2020). Informatsionnye tekhnologii v pravosudii: Sostoyanie i perspektivy. Rossiya i mir. Analiticheskij doklad [Information Technologies in Justice: Status and Prospects. Russia and the World. Analytical report] (p. 15–16). Tsentr razvitiya sovremennogo prava [Center for the Development of Modern Law]. https://ilr.hse.ru/data/2020/07/14/1597449494/%D0%98%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D1%82%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B8%20%D0%B2%20%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B8%D0%B8.pdf

5 См., также: Солдатова, А. (2012). *Электронные технологии в гражданском процессе: российский и зарубежный опыт.* https://zakon.ru/blog/2012/1/31/elektronnye_texnologii_v_grazhdanskom_processe_rossijskij_i_zarubezhnyj_opyt

взвешенно подойти к выводу о её трансформирующем воздействии и, соответственно, необходимости сохранения/развития/дополнения данной технологии в процессе судопроизводства по гражданским делам. Кроме того, данная модель анализа позволяет сохранить существующую модель судопроизводства в качестве естественной границы влияния на систему принципов гражданского процесса, а также выделить возможные векторы трансформации юридической функции среди специалистов, осуществляющих защиту нарушенных интересов граждан.

Пожалуй, наиболее видным представителем в данном контексте является прокурор. ГПК РФ в части 1 статьи 45 закрепляет его право на обращение в суд с исковым заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан. Реализация данного правомочия прокурора не является абсолютной — закон устанавливает конкретные основания для реализации обсуждаемой правозащитной функции. Так, прокурор может обратиться в суд с исковым требованием в чужом интересе в случае, если гражданин по состоянию здоровья, дееспособности, возрасту и иным уважительным причинам не может самостоятельно защитить свои нарушенные права, свободы и законные интересы.

Практика реализации данной функции прокурора показывает, что часть 1 статьи 45 ГПК РФ применяется в том числе в тех случаях, когда физические/психические и прочие особенности гражданина не позволяют ему ни обратиться к органам прокуратуры, ни физически добраться до места проведения судебного заседания.

Проблемным аспектом, который ставится на обсуждение в данной статье, является соотношение данных оснований для обращения прокурора в суд в защиту чужого интереса и возможность применения дистанционного правосудия.

Исходя из изложенного, допустимо выделить несколько вопросов, имеющих важное значение:

1) Распространяется ли трансформирующая роль веб-конференции на принципы гражданского процесса?
2) Влияет ли данная трансформация на возможность реализации процессуальных прав и обязанностей обычных участников гражданского процесса?
3) Сопровождается ли данный трансформационный эффект сужением возможностей прокурора по обращению в суд в качестве процессуального истца?

Результаты

Реализация наиболее передового инструмента дистанционного правосудия — веб-конференции (онлайн-заседания) — оказывает значительное влияние на систему принципов гражданского процесса.

Интерес в данном случае для нас представляет описание трансформирующего эффекта на принципы гласности, доступности и равенства.

Реализация принципа гласности при использовании рассматриваемой технологии выходит на новый уровень по нескольким направлениям:

1) Легитимация. Для того чтобы подтвердить надлежащую явку, нет необходимости явиться в суд, пройти через процедуру проверки личности, процессуального статуса и полномочий лица, участвующего в деле. Все эти процедуры происходят посредством авторизации через специализированные сервисы, что исключает необходимость дополнительной проверки;

2) Свобода участия. Дистанционное судопроизводство обеспечивается в результате удовлетворения ходатайства об участии в судебном заседании посредством использования веб-конференции (участия в онлайн-заседании). Правила подключения просты, а участие в таком судебном заседании не требует знаний использования гаджетов выше базового уровня.

Стоит также отметить значительное укрепление реализации принципа доступности правосудия. Традиционно данный принцип подразделяется на несколько аспектов: физический, информационный, субъективный. На наш взгляд, наибольшее влияние оказывается на физический фактор доступности. Блестящая мысль И. Бентама: «Суд должен быть устроен так, чтобы каждый простой человек мог столь же легко найти туда дорогу, как находит ее в церковь» (Bentham, 1860, p. 23) — здесь находит новое звучание. Цифровой способ может послужить прекрасной альтернативой и значительно упростить путь к обращению в суд за судебной защитой.

Соответственно, необходимо признать, что использование механизма онлайн-правосудия в значительной степени трансформирует традиционное представление о способах участия в судопроизводстве по гражданским делам.

Однако данное обстоятельство имеет и оборотную сторону. Не всегда реализация новых технологий входит в гармонию с ритуальностью гражданского процесса. Все чаще фиксируются случаи участия представителей по гражданским делам в судебном заседании при вождении автомобиля или на отдыхе в одежде несоответствующего стиля. Суды стали воспринимать такие аспекты как нарушение порядка судебного заседания, санкцией за которое может являться предупреждение и последующее отключение лица, участвующего в деле, от онлайн-заседания[6].

Можем ли мы в данном случае говорить об обратном примере, когда для поддержания надлежащего порядка материального истца не только можно, но и нужно привлекать в процесс хотя бы при использовании веб-конференции (онлайн-заседания)?

Многочисленные отечественные и зарубежные исследования проводят сопоставительный анализ цифровизации правосудия по гражданским делам и принципа равенства в его широком понимании, включающем равные возможности использования своих процессуальных прав и обязанностей.

Ключевой особенностью, в том числе и этих исследований, является, кажется, уже становящаяся аксиоматичной идея о необходимости сохранения основных начал гражданского процесса — системы принципов. Применительно к принципу равенства хотелось бы отметить следующее.

Надлежащая реализация принципа равенства заключается в буквальном его прочтении — равные процессуальные права и обязанности. Однако каким образом должно действовать процессуальное законодательство в случае, если реализация данных прав и обязанностей затруднительна не по законодательным или правоприменительным причинам, а вследствие физических, психических и проч. причин, непосредственно связанных с самим человеком?

Представляется, что данный аспект и был положен в основу построения части 1 статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, наделяя прокурора

[6] Из выступления Чуракова И.В., заместителя председателя Арбитражного суда Свердловской области, «Процессуальные проблемы использования веб-конференции в суде» на круглом столе «Электронное правосудие», проведенном ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева» 10.10.2024 г.

возможностью обретения роли процессуального истца в случае, если он обращается в защиту «чувствительного» слоя населения.

Иными словами, фактическая невозможность надлежащего использования своих процессуальных прав и обязанностей привела к необходимости появления специального статуса, позволяющего устранить данную проблематику. Подходящим для этого органом, с учетом его полномочий и целей деятельности, является в том числе прокуратура.

Дискуссия

Является ли технология веб-конференции (онлайн-заседания) дополнительной мерой по поддержке таких граждан?

На наш взгляд, ответ на этот вопрос очевидно положительный, поскольку, в первую очередь не требует физического присутствия в суде, что, по крайней мере, для части «чувствительного» слоя населения является главным препятствием для защиты своих нарушенных прав, свобод и законных интересов в суде.

На основании уже вышеизложенного можно прийти к выводу, что технология веб-конференции (онлайн-заседания) в данном случае является наиболее простым способом обеспечить явку в судебное заседание, пусть и в дистанционном режиме. Дистанционная явка при этом не может выступать в качестве негативного и несовершенного способа участия лица, участвующего в деле. Данная мысль, к слову, отражает позицию Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ)[7], который не видит разницу между личным присутствием в суде или через дистанционные технологии с точки зрения состязательности и равноправия (Afanas'ev, 2021, p. 144).

Ослабевают ли процессуальные возможности прокурора?

Данный вопрос нуждается в уточнении. Во-первых, реализация полномочий, указанных в части 1 статьи 45 ГПК РФ зависит от первоначального обращения в прокуратуру указанных граждан либо при выявлении необходимости защиты чужих интересов при невозможности этих граждан обратиться ни в прокуратуру, ни в суд. В этой связи данное действие не совсем корректно будет рассматривать как процессуальную возможность, скорее как служебную обязанность, закрепленную в статьях процессуальных кодексов и специализированном законодательстве, в том числе ведомственных актах Генеральной прокуратуры (в первую очередь в приказе Генеральной прокуратуры от 11.01.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве»).

Во-вторых, при разрешении обращения граждан и рассмотрения возможности подачи искового заявления в суд в защиту чужого интереса прокурор проверяет невозможность защитить свои права самостоятельно либо специфическую область правоотношений, открывающих прокурору возможность осуществить защиту независимо от каких-либо других условий.

При таких обстоятельствах получается, что, зная о введении в процессуальные нормы возможности использования веб-конференции (онлайн-заседания), прокурор должен отказать гражданину в предъявлении искового заявления в защиту его интересов с одновременным разъяснением его права участвовать в суде в дистанционном режиме.

Данная мера нам представляется чрезмерной. «Чувствительность» определенного слоя граждан, как правило, невозможно установить на основании лишь одного критерия;

[7] Shtukaturov v. Russia, App. No. 44009/05 (March 27, 2008). https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-85611

зачастую гражданин обладает сразу несколькими признаками, позволяющими определить его правовой статус в качестве такового. При таких обстоятельствах отказ прокурора от защиты их интересов будет представляться неоправданным и не соответствующим целям деятельности органов прокуратуры, изложенных в части 3 статьи 1 и части 3 статьи 35 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» и части 1 статьи 45 ГПК РФ.

Кроме того, норма, закрепленная в статье 155.2 ГПК РФ закрепляет несколько условий для дистанционного участия в судебном заседании: подача ходатайства и *наличие в суде технической возможности осуществления веб-конференции*. Несмотря на то что последнее условие содержит обширный критический отклик (Solovieva, 2021, p. 54), изменений рассматриваемая норма не претерпевает. Отсюда неизбежен вывод, что использование веб-конференции (онлайн-заседания) не является обязанностью суда, в связи с чем гражданин не всегда в силу только своего волеизъявления может использовать данный инструмент дистанционного правосудия. Факультативный характер этого способа участия в судебном заседании не позволяет заложить его в качестве основы для сужения субъектного состава лиц, в защиту интересов которых прокурор может обратиться в суд.

Появление нового способа дистанционного участия в судебном заседании не повлияло на фактическое положение дел?

Действительно, если посмотреть на ситуацию под углом описанного выше, может сложиться представление, при котором веб-конференция (онлайн-заседание) не оказывает ни позитивный, ни негативный эффект ни для прокурора, обращающегося в суд в защиту чужого интереса, ни для граждан, интересы которых прокурор представляет.

Однако такое утверждение всё же представляется дискуссионным. В данном случае высвечивается аспект, ранее находящийся в тени правового анализа — может ли гражданин, в защиту интересов которого обратился прокурор, участвовать с ним в процессе?

Если ранее, при традиционной форме участия прокурора, мог возникнуть закономерный вопрос о целесообразности что присутствия прокурора, что осуществления им своих полномочий в рамках данного гражданского дела, то сейчас данный вопрос рискует набрать больший удельный вес.

Какой смысл нахождения прокурора в процессе, если в дистанционном режиме находится материальный истец?

Ключевым направлением для продолжения рассуждения, по нашему мнению, является различие их процессуальных прав и обязанностей. Часть 2 статьи 45 ГПК РФ закрепляет правило, согласно которому при отказе прокурора от заявления, поданного в защиту законных интересов другого лица, рассмотрение дела по существу продолжается, если это лицо или его законный представитель не заявит об отказе от иска.

Из данной нормы можно выявить несколько моментов. Во-первых, наличие законного представителя также должно изначально поставить вопрос о целесообразности осуществления прокурором своих функций. Однако данный аспект не находит критического сопротивления, что позволяет сделать вывод о том, что наличие законного представителя никак не влияет на служебный интерес прокурора. Данное регулирование выстроено потому, что основой выступает не сам факт отсутствия законного представителя, а именно «чувствительный» статус гражданина, наделяющий прокурора данным, можно сказать, социальным полномочием.

Соответственно, и законный представитель, и прокурор могут реализовывать свои процессуальные права в пределах их процессуального статуса.

Во-вторых, отказ процессуального истца не влияет на существо заявленных требований. Пока материальный истец настаивает на продолжении рассмотрения дела, оно будет рассмотрено, с прокурором или без. Данная особенность в различии их процессуальных статусов является ключом к дальнейшему изложению и формулированию выводов. Статус прокурора производен от статуса материального истца, в защиту законных интересов которого он обращается.

Соответственно, разновариативность в использовании процессуальных прав и обязанностей предполагает возможность одновременного нахождения данных субъектов в судебном процессе без нарушения каких-либо процессуальных норм.

Новая возможность для материального истца?

Использование системы веб-конференции (онлайн-заседания) в действительности не является каким-то новым инструментом, в значительной степени трансформирующим представление о процессе отправления правосудия по гражданским делам. Она является моделью, обеспечивающей не фактическое, но юридическое присутствие в судебном заседании, в связи с чем критическое сравнение целесообразно проводить не только с точки зрения сравнения моделей «не присутствует» или «присутствует дистанционно», но сюда же стоит добавить «присутствует очно».

Более конкретизируя мысль, учитывая вышеизложенную позицию Европейского суда по правам человека, можно провести знак равенства между «присутствует дистанционно» и «присутствует очно». В таком случае, в чем же заключается категорическая разница, если представляемое прокурором лицо присутствует (любым способом) или не присутствует в судебном заседании?

Пожалуй, главное различие в данном случае одно — способность материального истца осуществлять некоторый квазиконтроль за деятельностью прокурора. Таким образом, использование веб-конференции (онлайн-заседания) в данном случае повышает гласность деятельности органов прокуратуры, позволяя материальному истцу через экран гаджета проследить за качеством осуществления прокурором своей функции. Тем самым в большей степени реализуется цель правового воспитания, что имеет очень далеко идущее значение, поскольку теперь гражданин имеет более чем реальную возможность не только ждать судебного постановления по своему вопросу, но и непосредственно наблюдать, каким именно образом защищаются его права в каждом конкретном случае. Кроме того, присутствие материального истца в судебном заседании способствует более оперативному и полноценному установлению фактических обстоятельств, необходимых для разрешения дела.

Со стороны прокурора, соответственно, повышается служебная ответственность перед гражданином, законные интересы которого он защищает в процессе. Таким образом, вторая грань проявления принципа гласности — общественный контроль за работой прокуратуры — получает новое звучание постольку, поскольку добавляет в качестве субъектов данного контроля гражданина, не ограничиваясь средствами массовой информации (Ergashev, 2023, pp. 71–74).

Заключение

Рассмотрение информационных технологий под углом индукционного подхода имеет неоспоримое преимущество — возможность автономного анализа влияния конкретной технологии на ту или иную область гражданского процесса, ту или иную функцию, относящуюся к определенной правовой профессии. Веб-конференция (онлайн-заседание) является одним из факультативных инструментов дистанционного правосудия, позволяющего участвовать в судебном заседании в любом месте, обеспечивающим постоянное подключение к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Применение данной технологии повышает гласность и доступность правосудия, но одновременно с этим ставит вопросы о возможной трансформации функции прокурора по обращению в суд в защиту прав, свобод и законных интересов лиц в порядке части 1 статьи 45 ГПК РФ.

Проведенный анализ показал несостоятельность доводов о сокращении оснований для обращения прокурора в суд за защитой прав, свобод и законных интересов граждан в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 45 ГПК РФ. Напротив, нахождение (разными способами) в процессе и процессуального, и материального истца способствует более оперативному и полному выяснению обстоятельств, необходимых для разрешения спора. Кроме того, использование веб-конференции (онлайн-правосудия) свидетельствует о повышении гласности для указанных лиц, поскольку обеспечивает возможность непосредственного наблюдения граждан за осуществлением прокурором своих процессуальных прав и обязанностей, а также повышает фактор ответственности сотрудников органов прокуратуры перед гражданами, в интересах которых они обратились в суд.

Список источников / References

1. Abdulselimova, A. R., & Kupriyanova, M. Y. (2021). Primenenie videokonferentssvyazi v grazhdanskom protsesse [Application of videoconferencing in civil proceedings]. In A. A. Inyushkin (Ed.), *Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki [Topical issues of modern science]* (pp. 7–11).
2. Afanas'ev, S. F. (2021). K voprosu o primenenii distantsionnyh tekhnologij po grazhdanskim i administrativnym delam v kontekste printsipov sostyazatel'nosti i ravnopraviya storon [On the use of distance technologies in civil and administrative cases in the context of the principles of adversarial proceedings and equality of arms]. *Pravovaya Politika i Pravovaya Zhizn'*, (1), 141–148.
3. Bentham, J. (1860). *O sudoustroystve [On the judicial system]*. Tipografiya Pravitel'stvuyushchego Senata.
4. Borokhova, N. E. (2021). K voprosu o vozmozhnosti ispol'zovaniya otdel'nyh vidov tsifrovyh tekhnologij v ugolovnom sudoproizvodstve [On the possibility of using certain types of digital technologies in criminal proceedings]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Pravo [Bulletin of South Ural State University. Series "Law"]*, *21*(2), 7–12. https://doi.org/10.14529/law210201
5. Branovickij, K. L. (2019). Sootnoshenie ponyatij kachestvo i tsifrovizaciya pravosudiya [Relationship between the concepts of quality and digitalisation of justice]. *Arbitrazhnyj i Grazhdanskij Process*, (7), 3–7.
6. Chaduteau, O. (2018). Panorama des legaltechs [Overview of legaltechs]. *Enjeux Numériques [Digital Issues]*, (3), 77–80.
7. De Marcellis-Warin, N., & Warin, T. (2017). Entre possibilités et risques: À la recherche d'un nouvel équilibre [Between opportunities and risks: in search of a new balance]. *Gestion [Management]*, *42*(1), 72–75. https://doi.org/10.3917/riges.421.0072

8. Dolzhenko, N. I., Pishchulina, A. S., & Chu, K. C. (2022). Problemy i perspektivy vnedreniya tehnologij iskusstvennogo intellekta v sudebnuyu deyatel'nost' [Problems and prospects of introducing artificial intelligence technologies in judicial activities]. In *Aktual'nye problemy gosudarstvenno-pravovykh preobrazovanij v Rossii: Istoriya I sovremennost' [Topical problems of state-legal transformations in Russia: History and modernity]* (pp. 207–209). Belgorodskiy gosudarstvennyy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet.
9. Épineuse, H., & Garapon, A. (2018). Les défis d'une justice à l'ère numérique de « stade 3 » [The challenges of 'stage 3' justice in the digital age]. *Enjeux Numériques*, (3), 16–19.
10. Ergashev, E. R. (2023). *Prokurorskij nadzor v Rossijskoj Federatsii [Prosecutor's control in the Russian Federation]* (2nd ed.). Yurait.
11. Gaymaleeva, A. T. (2020). Tsifrovizaciya sudebnoj sistemy: Analiz tendentsij razvitiya protsessual'nogo zakonodatel'stva [Digitalization of the judicial system: Analysis of trends in the development of procedural legislation]. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, *16*(4-2), 28–39. https://doi.org/10.33184/pravgos-2020.4.21
12. Gelieva, I. N. (2021). O nekotorykh voprosah primeneniya videokonferents-svyazi v deyatel'nosti sudov obshchej yurisdiktsii [On some issues of application of video conference communications in the activities of courts of general jurisdiction]. In *Pravovoj Vzglyad: Sbornik Statej Ii Mezhdunarodnoj Nauchno-Prakticheskoj Konferencii [Legal View: Collection of Articles of the II International Scientific and Practical Conference]* (pp. 105–108). Nauka i Prosveshchenie [Science and Enlightenment].
13. Khabriyeva, T. (2018). Pravo pered vyzovami tsifrovoj real'nosti [Law facing the challenges of digital reality]. *Journal of Russian Law*, *6*(9), 5–16. https://doi.org/10.12737/art_2018_9_1
14. Lebedev, Z. S. (2020). Distantsionnoe vzaimodejstvie s sudebnymi organami v usloviyakh pandemii: Vozmozhnosti i perspektivy [Remote interaction with the judiciary in a pandemic: Opportunities and prospects]. *Yuridicheskij Vestnik Samarskogo Universiteta [Legal Bulletin of Samara University]*, *6*(3), 154–160. https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-3-154-160
15. Mironova, Y. V. (2021). *Realizatsiya principov grazhdanskogo processual'nogo prava pri ispol'zovanii sistem videokonferents-svyazi [Implementation of the principles of civil procedure law when using videoconferencing systems]* [Doctoral dissertation]. Saratov State Law Academy.
16. Petrishin, A. P. (2021). Vliyanie tsifrovyh tekhnologij na realizatsiyu printsipa glasnosti pravosudiya [Impact of digital technologies on the implementation of the principle of transparency of justice]. *Obrazovanie i Pravo*, (10), 209–213. https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-10-209-213
17. Shakir'yanov, M. M., & Gavrilov, M. A. (2019). K voprosu o dostupe grazhdan k pravosudiyu s ispol'zovaniem gosudarstvennoj avtomatizirovannoj sistemy pravovoj statistiki [On the issue of citizens' access to justice using the state automated system of legal statistics]. In *Realizatsiya Konceptsii tsifrovoj transformatsii organov i organizatsij prokuratury v sovremennykh usloviyakh [Implementation of the Concept of Digital Transformation of Prosecutor's Offices and Organisations in Modern Conditions]* (pp. 34–38). Universitet prokuratury Rossiyskoy Federatsii.
18. Solovieva, T. V. (2021). Glasnost' sudebnogo razbiratel'stva v usloviyakh pandemii [Publicity of the trial in the context of a pandemic]. *Vestnik Saratovskoy Gosudarstvennoy Yuridicheskoy Akademii,* (6), 152–156. https://doi.org/10.24412/2227-7315-2021-6-152-156
19. Tabolina, K. A. (2019). K voprosu o sozdanii edinoj mezhvedomstvennoj tsifrovoj onlain-platformy dlya raboty s edinym elektronnym delom [Towards the creation of a unified interagency digital online platform for working with a single electronic case]. In *Realizatsiya Konceptsii tsifrovoj transformatsii organov i organizatsij prokuratury v sovremennykh usloviyakh [Implementation of the concept of digital transformation of prosecutor's offices and organisations in modern conditions]* (pp. 34–38). Universitet prokuratury Rossiyskoy Federatsii.

20. Talapina, E. V. (2018). Pravo i tsifrovizaciya: Novye vyzovy i perspektivy [Law and digitalisation: New challenges and perspectives]. *Zhurnal Rossijskogo Prava [Journal of Russian Law]*, (2), 5–17. https://doi.org/10.12737/art_2018_2_1
21. Vasilenko, V. O. (2021). Problemy primeneniya informacionnyh tekhnologij v sudebnoj deyatel'nosti v svyazi s ugrozoj rasprostraneniya novoj koronavirusnoj infektsii COVID-19 [Challenges in the use of information technology in judicial activities in connection with the threat of a new coronavirus infection COVID-19]. *Yuridicheskaya Nauka [Legal Science]*, (9), 86–90.
22. Vasilieva, A. A. (2020). Nekotorye voprosy primeneniya videokonferents-svyazi I veb-konferentsii v grazhdanskom protsesse [Some issues of video conference and web conference application in the civil process]. *Voprosy Rossijskoj Yusticii*, (8), 536–547.

Сведения об авторе:

Константинов П. Д. — кандидат юридических наук, доктор права (University Paris Nanterre, Франция), старший преподаватель кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева.
konstantinov.pavel.1995@gmail.com

Information about the author:

Pavel D. Konstantinov — Ph.D. in Law, Docteur en Droit (University Paris Nanterre, France), Senior Lecturer, Department of Civil Procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.
konstantinov.pavel.1995@gmail.com

https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-8

Check for updates

CC BY 4.0

СТАТЬИ

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ТЕОРИИ СУДЕБНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

С. С. Казиханова[1,2]

[1]Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125993, Россия, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9-2

[2]Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники»
124498, Россия, Москва, Зеленоград, площадь Шокина, 1

Аннотация

Несмотря на значительное число работ, посвященных электронным доказательствам как в российской, так и в зарубежной правовой доктрине, интерес к этой теме по-прежнему сохраняется. В отечественной науке гражданского процессуального права он обусловлен проблемами, возникающими в судебной практике при использовании электронных доказательств. Многими учеными и практическими работниками ставится вопрос о необходимости дополнения процессуальных кодексов отдельными статьями, посвященными электронным доказательствам (в частности, порядку их получения судом). Настоящее исследование представляет собой попытку разобраться в том, действительно ли причиной встречающихся в судебной практике ошибок является недостаточное регулирование в законе вопросов использования электронных доказательств. По существу, автором разрешается вопрос, обладают ли электронные доказательства теми сущностными отличиями от других средств доказывания, которые требуется отразить в законе, дополнив процессуальные кодексы соответствующими положениями. С опорой на общенаучные (анализ, синтез, сопоставление, сравнение) и частноправовые методы (формально-юридический) особое внимание уделяется изучению отечественного процессуального законодательства и главным образом существующих в теории судебного доказывания научных позиций и предложений по совершенствованию регулирования в этой области. В работе анализируются основные сложившиеся в правовой науке подходы к понятию электронных доказательств, уточняется, что следует относить к электронным доказательствам, обосновывается позиция о месте электронных доказательств в системе судебных доказательств и необходимости дополнения процессуальных кодексов отдельными нормами об электронных доказательствах. Результатом проведенного исследования является подтверждение правильности того подхода, согласно которому электронные доказательства не следует выделять как отдельные средства доказывания. Данный вывод основан на изучении теории судебного доказывания, в которой в качестве признака каждого отдельного доказательства определяется способ его исследования (или получения) судом. В электронных доказательствах не усматривается какой-либо специфики по этому признаку. На основе изучения существующих в научной литературе предложений по совершенствованию процессуального законодательства автор приходит к итоговому заключению о том, что процессуальные кодексы не нуждаются в дополнении их отдельными статьями об электронных доказательствах. Обосновывается, что порядок обращения с электронными доказательствами подчиняется общим положениям закона о судебных доказательствах (правилам истребования, раскрытия, обеспечения, исследования, оценки доказательств) с учетом имеющихся уточнений для письменных доказательств.

Ключевые слова

электронные доказательства, электронный документ, средство доказывания, судебные доказательства, электронный образ документа, письменные доказательства, исследование доказательств, оценка доказательств

Конфликт интересов	Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.
Финансирование	Исследование не имеет спонсорской поддержки.
Для цитирования	Казиханова, С. С. (2024). Электронные доказательства в теории судебных доказательств. *Цифровое право, 5*(4), 79–95. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-8

Поступила: 10.10.2024, принята в печать: 20.11.2024, опубликована: 30.12.2024

ARTICLES

ELECTRONIC EVIDENCE IN THE THEORY OF JUDICIAL EVIDENCE

Svetlana S. Kazikhanova[1,2]

[1]Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9-2, Sadovaya-Kudrunskaya St., Moscow, Russia, 125993

[2]National Research University of Electronic Technology (MIET)
1, Shokin Square, Zelenograd, Moscow, Russia, 124498

Abstract

Despite the significant number of works devoted to electronic evidence, both in Russian and foreign legal doctrine, there continues to be keen interest in this topic. In Russian civil procedural law, problems are identified as arising in judicial practice when using electronic evidence. Many scientists and practitioners draw attention to the need to supplement procedural codes with separate articles devoted to electronic evidence — in particular, the procedure for obtaining it by the court. The present study considers whether errors encountered in judicial practice can be traced to in sufficient regulation governing the use of electronic evidence. In essence, this concerns whether electronic evidence has essential differences with other means of proof that need to be reflected in the law by supplementing procedural codes with relevant provisions. Based on general scientific methods (analysis, synthesis, comparison, comparison) and private law methods (formal-legal), special attention in the work is paid to the study of Russian procedural legislation and existing scientific positions in the theory of judicial proof along with proposals for improving procedural legislation in this area. As well as analyzing the main approaches to the concept of electronic evidence existing in science, the work specifies the attributes of electronic evidence, considers the position of electronic evidence in the system of judicial evidence, and identifies a need to supplement procedural codes with separate rules on electronic evidence. The study affirms the correctness of the position according to which electronic evidence should not be considered as a separate means of proof. This conclusion is based on the study of the theory of judicial proof, in which the method of its examination (or obtaining evidence) by the court is determined as a feature of each individual piece of evi-

dence. Since electronic evidence demonstrates no specificity in this respect and based on the study of existing proposals in the scientific literature for improving procedural legislation, it is concluded that procedural codes do not need to be supplemented with separate articles on electronic evidence. Thus, the procedure for handling electronic evidence is subject to the general provisions of the law on judicial evidence (rules for the request, disclosure, provision, examination, and evaluation of evidence), taking into account the existing clarifications for written evidence.

Keywords

electronic evidence, electronic document, means of proof, judicial evidence, electronic image of a document, written evidence, examination of evidence, evaluation of evidence

Conflict of interest	The author declares no conflict of interest.
Financial disclosure	The study has no sponsorship.
For citation	Kazikhanova, S. S. (2024). Electronic evidence in the theory of judicial evidence. *Digital Law Journal, 5*(4), 79–95. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-8

Submitted: 10 Oct. 2025, accepted: 21 Nov. 2024, published: 30 Dec. 2024

Введение

Не секрет, что в настоящее время цифровые технологии активно используются как гражданами, так и организациями, и огромный объем юридически значимой информации существует в электронном виде. В связи с этим возросла роль так называемых электронных доказательств в судебном доказывании. В цивилистических процессуальных кодексах, а именно ГПК, АПК и КАС РФ, содержатся положения, посвященные электронным доказательствам. Однако многими учеными отмечается, что существующее правовое регулирование использования электронных доказательств является недостаточным. На наличие пробела в процессуальном законодательстве обращают внимание в публикациях и практические работники. С этим они связывают проблемы, возникающие в судебной практике при использовании электронных доказательств[1]. Действительно, нередко суды не принимают такие доказательства, ошибочно считая их недопустимыми, или отказываются исследовать их непосредственно. В целом следует признать, что практика работы судов с электронными доказательствами не отличается единообразием.

В отечественной науке гражданского процессуального права в том числе делаются различные предложения по совершенствованию законодательства (например, дополнить процессуальные кодексы отдельными положениями об исследовании и оценке электронных доказательств). Известность получили труды профессора А.Т. Боннера, в которых обосновывается специфика электронных доказательств (Bonner, 2017). Электронным средствам доказывания уделялось внимание в диссертационных исследованиях Н. И. Борискиной (Boriskina, 2020), С. П. Ворожбит (Vorozhbit, 2011), А. В. Гребельского (Grebelsky, 2017), М. А. Митрофановой (Mitrofanova, 2013), П. Д. Шкуровой (Shkurova, 2019), в научных статьях Т. Т. Алиева (Aliev, 2022), И. Н. Балашовой и А. Н. Балашова (Balashova&Balashov, 2021), В. А. Лаптева (Laptev, 2017), Р. М. Масаладжиу

[1] Куликов, В. (2023, 27 марта). Юристы рассказали, как представить в суд электронные доказательства. *Российская газета*. https://rg.ru/2023/03/27/iuristy-rasskazali-kak-predstavit-v-sud-elektronnye-dokazatelstva.html

(Masaldjiu, 2024), Е. А. Наховой (Nakhova, 2015), Т. В. Ярошенко (Yaroshenko, 2023) и многих других[2]. При этом по-прежнему дискуссионными остаются вопросы о том, что следует относить к электронным доказательствам и какова их природа. А именно, являются ли они самостоятельными средствами доказывания и нуждаются ли в отдельном, отличном от существующего, нормативно-правовом регулировании. Правильный подход к решению этих проблем имеет большое значение для практики. Особую значимость эти вопросы приобрели в последнее время, когда с появлением *IT*-доказательств стали связывать необходимость существенных изменений подходов к судебному доказыванию и даже принятия нового гражданского процессуального кодекса (Strel'tsova, 2023, pp. 9–16).

Вопросы использования электронных доказательств в суде при рассмотрении споров разрабатывались и за рубежом. В статье (Grebelsky, 2015) и подробнее в диссертационном исследовании (Grebelsky, 2017) А. В. Гребельским были проанализированы различные рекомендательные акты, раскрывающие существенные свойства электронных доказательств и порядок их представления в рамках третейской процедуры (в том числе известные Седонские принципы о раскрытии электронной информации[3]), приведены позиции иностранных специалистов, в частности D. Howell, M. E. Schneider, R. H. Smit и др. Однако в силу того, что значительная дискуссия по вопросам о сущности электронных средств доказывания и процессуальном порядке их использования существует в российской правовой науке, а суд исходит из принципа *lexfori* (закон страны суда), в настоящем исследовании проблема не рассматривалась в сравнительно-правовом контексте.

Целью работы является определение того, обладают ли электронные доказательства достаточной спецификой, требующей пересмотра подходов к судебному доказыванию, и нуждаются ли цивилистические процессуальные кодексы в дополнении отдельными нормами об электронных доказательствах.

Достижение указанной цели видится в решении следующих задач: проанализировать основные сформулированные в доктрине подходы к пониманию электронных доказательств и их месту в системе судебных доказательств; обратиться к классическим работам по проблемам судебного доказывания С. В. Курылева (Kurylev, 2012), А. К. Сергун (Sergun, 1996; Sergun, 2004), М. К. Треушникова (Treushnikov, 1999) и выявить признак, положенный в основу выделения отдельных средств доказывания; сделать вывод о том, можно ли считать электронные доказательства самостоятельными средствами доказывания по этому критерию; изучить встречающиеся в научной литературе предложения по дополнению процессуальных кодексов положениями об электронных доказательствах; сделать заключение о том, существует ли в этом объективная потребность или имеющиеся правовые нормы эффективно регулируют отношения, связанные с использованием электронных доказательств (их раскрытием, истребованием, представлением, обеспечением, исследованием и оценкой).

---

[2] Вопросам использования электронных доказательств в суде посвящены многочисленные публикации в социальной сети для юристов «Закон.ру». См.: *Электронные доказательства* [результаты поиска по порталу]. (б.д.). *Закон.ру.* https://zakon.ru/Search/SphinxSearch?queryString=электронные+доказательства

[3] The Sedona Conf. [SC]. The Sedona Principles: Best Practices, Recommendations & Principles for Addressing Electronic Document Production (3rd Ed.) (2018). https://thesedonaconference.org/sites/default/files/publications/The%20Sedona%20Principles%20Third%20Edition.19TSCJ1.pdf

Результаты

В результате проведенного исследования были уточнены значения терминов «электронное доказательство» и «электронный документ». На основе изучения существующих в литературе позиций по этому вопросу, определений понятия «электронный документ», данных в законе и словаре, с учетом цели его введения в тексты судебных документов автор пришел к выводу о допустимости отождествления указанных категорий.

Результатом изучения существующих в научной литературе позиций по вопросу о самостоятельности электронных средств доказывания в системе судебных доказательств стали следующие заключения. Ошибочным, как противоречащий сущности судебного доказывания, был признан взгляд, согласно которому под электронным доказательством понимается информация в виде кодов, предназначенная для технических устройств и недоступная для восприятия человеком. Было отмечено, что в теории судебных доказательств выделение в законе различных средств доказывания основано на таком признаке, как способ их исследования судом. На примере отдельных электронных доказательств (аудио- и видеозаписей на электронных носителях, информации в сети Интернет, электронной переписки) было показано, что способ их исследования каких-либо особенностей не имеет. В работе была поддержана позиция, согласно которой электронные доказательства не выделяются по сравнению с другими, поскольку иное противоречило бы логике существования предусмотренных в законе средств доказывания.

Были подвергнуты критике высказанные в научной литературе предложения по дополнению процессуальных кодексов правилами работы с электронными доказательствами. То, что предлагалось включить в закон, либо и так охватывалось существующими нормами, регулирующими отношения в области судебного доказывания, либо было избыточным в силу того, что вытекало из законов логики, либо противоречило другим нормам (в том числе принципам) гражданского процессуального права и выработанным в теории судебных доказательств подходам.

Дискуссия

Понятие «электронные доказательства» в процессуальном законодательстве (ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ) не используется. Некоторое время в ст. 59 КАС РФ наряду с уже известными средствами доказывания упоминались электронные документы, однако практически сразу же они были исключены из перечня доказательств[4]. Одни ученые (Fokina, 2017, p. 77) критиковали указание на них в законе, считая это ошибочным, другие (Bonner, 2016, pp. 24–51), напротив, поддержали это нововведение в КАС РФ. Однако практически все отмечали, что такое правовое регулирование являлось недостаточным, потому что отдельные нормы, посвященные электронным документам и устанавливающие процессуальный порядок обращения с ними, отсутствовали.

Вместе с тем упоминание в качестве доказательств документов, полученных с помощью электронной или другой связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет (как подписанных, так и не подписанных электронной подписью), содержится в процессуальном законодательстве. ГПК, АПК и КАС РФ относят их к письменным

[4] Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ. Собрание законодательства РФ, 27.06.2016, № 26 (Часть I), ст. 3889.

доказательствам. Часть 3 ст. 75 АПК РФ и часть 1.1 ст. 70 КАС РФ определяют условия их допустимости в арбитражном процессе и административном судопроизводстве. Речь идет о возможности их использования в качестве письменных доказательств в случаях и порядке, которые предусмотрены кодексом, другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами (для арбитражного процесса — также договором). Отметим, что с таким подходом законодателя согласны далеко не все, и целый ряд ученых считает, что так называемым электронным доказательствам должны быть посвящены отдельные статьи, регулирующие порядок их представления, исследования и хранения.

Этот и многие другие, влияющие на его разрешение вопросы, связанные с электронными доказательствами, в теории судебных доказательств являются спорными. Так, в науке гражданского процессуального права до сих пор отсутствует единство мнений о том, что следует относить к электронным доказательствам[5]. Нами не ставится задача проанализировать все существующие теоретические подходы к определению понятия электронных доказательств. Однако необходимо остановиться на некоторых из них и обозначить тот, который в действительности основан на теории судебных доказательств.

Понятие «электронное доказательство» (реже «цифровое доказательство») обычно употребляется учеными и практическими работниками в качестве объединяющего для различных сведений о фактах, содержащихся на электронных носителях (Boriskina, 2018, pp. 58–63)[6]. Электронный документ считают отдельным электронным доказательством наряду с электронными сообщениями, аудио- и видеозаписями на электронных носителях (Boriskina, 2020, pp. 70–89; Laptev, 2017, p. 56; Nakhova, 2015, p. 310). Полагаем, что категории «электронное доказательство» и «электронный документ» допустимо отождествлять с учетом того, что электронный документ в словаре определяется как любой материал, сохраненный на машинном носителе (текстовая, звуковая, графическая, видеоинформация) в виде файла, который можно передавать в пространстве и времени по телекоммуникационным каналам (Lomovtseva et al., 2021, p. 35). Такое же по смыслу определение дается и в законе. Так, в п. 11.1 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» электронный документ определяется как документированная информация, представленная в электронной форме, т.е. в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах[7].

Впрочем, в судебной практике встречается подход, при котором электронный документ трактуется в узком значении. Он основывается на разделении категорий «электронный

---

[5] Подробно различные подходы к электронным доказательствам и ссылки на имеющиеся в науке исследования этих проблем приводятся в монографии «Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы» (Strel'tsova, 2022).

[6] См. также: Городецкий, Я. (2022, 22 июня). На заметку каждому: как собирать электронные доказательства для суда. *Адвокатская газета.* https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advices/na-zametku-kazhdomu-kak-sobirat-elektronnye-dokazatelstva-dlya-suda/; Лядова, Ю. (2020, 23 марта). Электронные доказательства в арбитражном процессе. *Закон.ру.* https://zakon.ru/blog/2020/3/23/elektronnye_dokazatelstva_v_arbitrazhnom_processe; Сазонова, М. (2020). *Электронные доказательства в спорах в сфере интеллектуальной собственности.* Гарант.ру. https://www.garant.ru/news/1418353/

[7] Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. 20.11.2024). Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448.

документ» и «электронный образ документа». Общим собирательным понятием для них является «документ в электронном виде». Электронный документ, в отличие от электронного образа документа, изначально создается в электронной форме без предварительного документирования на бумажном носителе, а электронный образ документа — это электронная копия документа, изготовленного на бумажном носителе, созданная посредством сканирования. При этом и тот и другой должны быть подписаны электронной подписью[8]. В классификации судебных доказательств по такому критерию, как процесс их формирования, электронный документ являлся бы первоначальным доказательством, а электронный образ документа — производным. Отметим, что использование этой терминологии связано с подачей документов в суд в электронном виде через личный кабинет пользователя и, соответственно, с необходимостью указания различий в предъявляемых к ним требованиях и в порядке их подачи в целом. По сути, такое деление не охватывает все документы в электронном виде, в частности те, что не подписаны электронной подписью, и связано с достаточно узкими, утилитарными целями. Поэтому, в нашем представлении, оно не препятствует обозначению первоначальных электронных доказательств и переведенных в электронную форму доказательств как электронных документов в значении сведений об обстоятельствах дела, представленных в суд в электронном виде.

В процессуальной науке была предпринята попытка обособления электронных доказательств от других доказательств (прежде всего письменных), обоснования их самостоятельности в качестве отдельных средств доказывания. При этом авторы относили к ним не все сведения о фактах, существующие в электронной форме. Согласно одному из предложенных в научной литературе подходов (Bonner, 2017, pp. 407–435; Shkurova, 2019, pp. 88–102) электронным документом (доказательством) является информация в виде кодов, содержащаяся на устройствах хранения и передачи, предназначенная для ЭВМ и иных технических устройств, со сложным программным обеспечением. Обычный человек, по мнению авторов, в том числе судья, не может исследовать электронный документ, так как он существует лишь в машиночитаемой форме. Для того чтобы люди его использовали, он должен быть приведен в традиционную форму (выведен на экран монитора, отпечатан на принтере). В дальнейшем преобразованный в человекочитаемую форму вариант информации, содержащейся на соответствующем участке жесткого диска персонального компьютера, вне зависимости от наличия или отсутствия электронной подписи, будет производным электронным документом. В этом, как считают ученые, заключается существенное отличие электронных доказательств от традиционных письменных.

Такой подход к тому, что считать доказательством (сведения в виде кодов, не предназначенных для восприятия человеком), ошибочен в силу противоречия самой сущности судебного доказывания и доказательства. Как известно, суд познает имеющие юридическое значение для дела факты непосредственно или опосредованным путем, т.е. путем использования

[8] Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» от 27.12.2016 № 251 (ред. от 23.01.2024). Бюллетень актов по судебной системе, № 2, февраль, 2017; Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» от 28.12.2016 № 252 (ред. от 20.02.2018). Бюллетень актов по судебной системе, № 2, февраль, 2017; Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ «Об утверждении Порядка подачи мировым судьям документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» от 11.09.2017 № 168 (ред. от 15.01.2024). Бюллетень актов по судебной системе, № 10, октябрь, 2017.

доказательств[9]. Опосредованное познание всегда связано с тем, что познаваемый объект (юридический факт) недоступен восприятию, и мы познаем его путем восприятия и познания другого предмета, доступного нашему восприятию (доказательства). При этом возникает вопрос, можно ли считать судебным доказательством то, что в принципе не может быть воспринято человеком. И главное, для чего именно эту информацию (в виде кодов, предназначенных для технических устройств) называть судебным доказательством вместо того, чтобы признать им доступные для человека сведения (в виде текста, звуков, изображений и т.д. на экране), которые могут быть исследованы и оценены? Получается, что в таком случае доказательство существует (в памяти компьютера), но его использование принципиально невозможно, пока оно не будет преобразовано, что лишает его выделение всякого практического смысла. И, наконец, формально те сведения о фактах в электронном виде, которые исследуются судом, и те, которые предназначены для технического устройства, — это не совсем одни и те же сведения. Сторонники этой позиции указывают на то, что до суда электронный документ доходит в преобразованном виде. И это также ставит под сомнение целесообразность такого понимания электронных доказательств.

Показательно в контексте вышеприведенной ситуации, что мы, например, не считаем судебным доказательством информацию, содержащуюся в голове у свидетеля, а его показания производными по отношению к этим сведениям. Хотя это также можно было бы обосновать тем, что мысли свидетеля — это доказательства, существующие в недоступной для восприятия судом форме, и только после преобразования в устную речь они исследуются судом как производные доказательства. Во всяком случае очевидно, что средством доказывания выступают сами свидетельские показания[10].

К электронным доказательствам относят аудиозаписи, видеозаписи и фотографии на электронных носителях, электронные сообщения (почту, СМС, ММС, сообщения в мессенджерах), электронные документы (включая электронные образы документов), подписанные электронной подписью, документы, полученные посредством электронной или иной связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет (в частности, информацию, размещенную на различных сайтах) (Chernykh, 2022, p. 170; Laptev, 2017, pp. 56–59).

Ряд исследователей считают необходимым включить в процессуальные кодексы отдельные нормы, посвященные электронным доказательствам, в которых должна найти отражение их специфика, обусловленная механизмом их создания, сохранения, внесения в них изменений и уничтожения (Bonner, 2017, pp. 414–415; Chernykh, 2022, p. 188; Aliev, 2022, pp. 28–32; Orekhova, 2022, pp. 203–213).В нашем же представлении, все вышеперечисленные доказательства могут быть отнесены к известным, закрепленным в перечне соответствующих статей ГПК, АПК и КАС РФ судебным доказательствам, а называя их электронными, мы лишь подчеркиваем форму их существования — цифровую, электронную. Теоретическое обоснование этогоуже давно существует в теории судебных доказательств.

Перед разработчиками действующего ГПК РФ когда-то ставился похожий вопрос: включать ли в закон аудио- и видеозаписи (новые на тот момент носители информации) в качестве

---

9 Некоторые ученые и вовсе полагали, что доказывание является единственной формой познания искомых фактов по делу (Kurylev, 2012, p. 210).

10 Этот пример неоднократно приводился А. К. Сергун и Д. А. Тумановым при обсуждении различных работ, посвященных электронным доказательствам, на кафедре гражданского и административного судопроизводства имени М. С. Шакарян Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

самостоятельных средств доказывания или относить их к вещественным или письменным доказательствам?[11] Как верно отмечалось в научной литературе (Treushnikov, 1999, pp. 97–98), средство доказывания как процессуальная форма доказательств содержит источник информации и определенный способ доведения ее до суда. Причем источник оказывает влияние на то, каким образом сведения будут восприняты судом. Видео- и звукозаписи по источнику схожи с вещественными доказательствами, поскольку информация сохраняется на предметах неживой природы. Однако воспроизведение сохраняющейся на магнитных носителях информации требует отличных от письменных и вещественных доказательств методов. Если вещественные доказательства исследуются, как правило, визуально, то с помощью методов осмотра, наблюдения, обозрения нельзя изучать данные носители информации. Аудиозаписи суд прослушивает, видеозаписи — просматривает (и прослушивает в случае необходимости).

В действительности каждому виду доказательств в процессуальных кодексах посвящена группа норм, которая определяет порядок их получения судом и исследования (Sergun, 1996, p. 146). Существенным признаком каждого вида доказательств является способ их исследования (восприятия их судом). Именно он лежит в основе выделения различных средств доказывания, регламентированных законом. Однако эти доводы зачастую игнорируются сторонниками позиции, согласно которой предусмотренный законом перечень доказательств нуждается в расширении за счет электронных доказательств. Так, те ученые, которые не считают электронные доказательства отдельным видом и относят их к предусмотренным законом процессуальным средствам доказывания, обосновывают свой подход аргументом, что электронным на сегодняшний день может быть практически все: документы, сообщения, переписка, протоколы судебных и административных органов, технические носители информации, флешки, интернет-сервисы, веб-сайты, архивы, счета, аудио- и видеозаписи, метаданные, лог-файлы сервера провайдера, электронные платформы для совершения сделок и пр. (Chernykh, 2022, p. 172). То, что электронная форма информации в настоящее время чрезвычайно распространена, не вызывает сомнений. В электронной форме могут существовать различные сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела. Но в то же время не этот довод лежит в основе приведенной позиции. В теории судебных доказательств сложилось правило, согласно которому каждому отдельному средству доказывания присущ свой, свойственный только ему способ исследования (доведения информации до суда). Исходя из него сформировался существующий в законе перечень судебных доказательств. Ученые, не выделяющие электронные доказательства в качестве самостоятельных средств доказывания, не видят каких-либо особенностей в способе их исследования.

В современной научной литературе обращается внимание на то, что выделение электронных доказательств зачастую связано с нетипичным способом получения (посредством электронной и иной связи, сети Интернет) и хранения информации (Boriskina, 2020, pp. 66–68). При этом способы обретения того или иного доказательства, действительно, могут различаться. Более того, существует возможность получения одного и того же доказательства разными способами, в том числе с помощью технических средств. Однако это не должно приводить к ошибочному смешению их со способами доведения информации до суда, ведь именно они значимы для выделения доказательств.

Обособление электронных средств доказывания происходит на основании особенностей источника, т.е. носителя информации, который является электронным (Vorozhbit, 2011, p. 7). Сама

[11] Справедливости ради отметим, что начало самой дискуссии было положено задолго до принятия Кодекса. См.: Chechina & Chechot (1984, p. 156).

форма информации осталась прежней: письменные знаки, устная речь, вещественный код, т.е. то, что доступно непосредственному восприятию и пониманию судей или требует привлечения экспертов. От того, какие из данных, сохраненных в электронной форме, имеют доказательственное значение, т.е. содержат сведения, необходимые для установления обстоятельств дела, будет зависеть отнесение их к письменным, вещественным доказательствам, аудио- или видеозаписям (Vorozhbit, 2011, p. 8). Позиции авторов представляются верными, однако дополним последнюю: как раз то, какие из данных имеют доказательственное значение, влияет на то, каким образом они будут восприняты судом при исследовании в судебном заседании.

Обратимся к различным доказательствам в электронной форме, чтобы определить, обладает ли спецификой способ их исследования. Авторы, считающие электронные доказательства самостоятельным видом, подлежащим включению в перечень судебных доказательств, относят к ним аудио- и видеозаписи на электронных носителях. Оговоримся, что в настоящее время это практически все аудио- и видеозаписи (записи телефонных переговоров, записи с автомобильных видеорегистраторов, камер видеонаблюдения и т. д.). Однако возникает вопрос, имеются ли различия в способе исследования судом видеозаписи, хранящейся в памяти смартфона или представленной на диске, и видеозаписи на кассете в судебном заседании. Очевидно, что нет, поскольку суд, установив их относимость и допустимость, будет одинаково их просматривать и прослушивать. Те же самые соображения справедливы в отношении любых других сведений о фактах в электронной форме, например информации, размещенной в сети Интернет, которую суд либо оглашает как письменное доказательство, либо осматривает как вещественное.

Тем не менее в литературе можно встретить указание на специфику способа исследования некоторых электронных доказательств, например переписки в мессенджерах. Правда, в чем она заключается, авторы либо не поясняют, либо приводят то, что к способу исследования доказательств не относится. Так, Т. В. Ярошенко признает, что содержание переписки в мессенджерах по форме изложения информации ничем не отличается от иных деловых переписок, однако в то же время отмечает, что способ исследования такого доказательства отличается. При этом указывается на то, что допустимость электронных доказательств в судебном процессе обеспечивается представлением протокола осмотра электронного доказательства, составленного нотариусом или судом (Yaroshenko, 2023, pp. 34–35). Отсюда можно сделать вывод, что специфика способа исследования этих электронных доказательств может связываться автором с исследованием протоколов их осмотра. Однако в конечном итоге все равно делается вывод, что эти протоколы исследуются как письменные доказательства.

Конечно, обеспечение электронных доказательств и исследование в суде результатов такого обеспечения не образуют какой-либо специфики в способе их восприятия судом посредством прочтения и оглашения в судебном заседании. Неверным видится и сам подход автора, исключающий возможность изучения электронной переписки в мессенджерах непосредственно, без предварительного ее обеспечения судом или нотариусом. Ведь институт обеспечения доказательств применяется в случае угрозы того, что доказательство не сохранится к судебному заседанию, исчезнет, будет изменено. Несмотря на вероятные риски, следует признать, что это может случиться далеко не всегда. Все зависит от технических возможностей мессенджера, поскольку не все мессенджеры позволяют удалить переписку по истечении определенного времени (у отправителя и получателя одновременно).

Встречается позиция, согласно которой специфика исследования судом электронной информации обусловлена необходимостью привлечения специалиста в процесс, поскольку он сможет определить, вносились ли в электронный документ какие-либо изменения (Shkurova, 2019, pp.

88–102). Однако выводить это утверждение в качестве общего правила исследования электронных доказательств было бы ошибочным. Существует немало примеров, когда суд непосредственно исследует электронное доказательство и его достоверность может быть установлена без привлечения специалиста. Так, речь может идти о переписке по электронной почте или в тех мессенджерах, которые не позволяют вносить в отправленные сообщения изменения, об информации, размещенной на сайте, где у истца или ответчика нет возможности повлиять на ее содержание, о сведениях на страницах сайта, сохраненных в интернет-архивах и т. д. Кроме того, нельзя исключать ситуации, когда ответчик не оспаривает достоверность таких доказательств.

На самом деле электронные доказательства не имеют какой-либо специфики в исследовании. И если их выделять как отдельный вид, то получается, что все доказательства различаются способом исследования, а электронные выделяются из-за нетипичной формы существования информации (источника сведений). Очевидно, тем самым нарушается логика определения средств доказывания.

В литературе нередко предлагается дополнить ГПК, АПК и КАС РФ процессуальными правилами, связанными с порядком получения, исследования и оценки электронных доказательств (Chernykh, 2022, p. 188; Aliev, 2022, pp. 28–32). Рассмотрим подробнее, о каких положениях, касающихся отдельных электронных средств доказывания, может идти речь. И существует ли объективная необходимость включать их в процессуальные кодексы. Так, в ГПК и АПК РФ предлагается ввести перечень сервисов (государственных и муниципальных), которые являются надежными и могут служить для предоставления электронной информации в суд, чтобы обеспечить достоверность электронных доказательств и не представлять их на бумажных носителях (Aliev, 2022, p. 31). Необходимости в этом, на наш взгляд, никакой нет. Суд вполне может разобраться в том, какой информации, в частности с сайтов органов государственной власти или местного самоуправления, можно доверять, и самостоятельно проверить эти сведения в случае необходимости. Их представление на бумажных носителях связано лишь с подтверждением существования доказательства и не исключает непосредственного исследования этой информации в электронном виде, например документов, направленных на почту лица с сайта «Госуслуги» по его запросу, или сведений, содержащихся на сайтах государственных органов (Росреестра, Роспатента, налоговых органов), АО «Почта России», или информации из личного кабинета пользователя «Госуслуг» и др. Кроме того, в соответствии с п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 июня 2024 г. № 12 «О подготовке дела к судебному разбирательству в арбитражном суде» судья вправе самостоятельно получать, в том числе в электронном виде, необходимые для рассмотрения дела сведения из открытых источников, в частности из государственных информационных систем, из информационных систем, доступ к которым обеспечивается на официальных сайтах органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций в информационно-телекоммуникационной сети Интернет[12].

Нередко в публикациях можно встретить предложение закрепить в законе критерии оценки электронных доказательств. Причем оно приводится как в статьях ученых, так и в интервью практических работников[13]. Одни указывают, что необходимо ввести «фундаментальные

[12] Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О подготовке дела к судебному разбирательству в арбитражном суде» от 04.06.2024 № 12. Бюллетень Верховного Суда РФ, № 7, июль, 2024.

[13] В частности, такое мнение было выражено руководителем практики разрешения споров с государственными органами бюро адвокатов «Де-юре» Рашидом Гитиновым (Куликов, В. (2023, 27 марта). Юристы рассказали, как представить в суд электронные доказательства. *Российская газета.* https://rg.ru/2023/03/27/iuristy-rasskazali-kak-predstavit-v-sud-elektronnye-dokazatelstva.html).

критерии, определяющие достоверность электронных документов и доказательств разнообразных форм» без какой-либо конкретизации (Orekhova, 2022, pp. 203–213). Другие относят к таким критериям подлинность, а также происхождение электронных доказательств, представленных в суд одной из сторон (Aliev, 2022, p. 31). Причем это преподносится так, как будто в этом заключается специфика оценки именно электронных доказательств, а действующее законодательство не содержит положений, позволяющих проверить их подлинность и происхождение.

На самом деле в теории судебных доказательств давно установлено, что оценка доказательств представляет собой определение достоверности, силы и достаточности доказательств (Sergun, 2004, p. 181). Для определения достоверности доказательства суд должен проверить доброкачественность источника, из которого получены сведения, а также сам процесс формирования доказательства, сопоставить его с остальными доказательствами по делу. И это относится ко всем доказательствам вне зависимости от того, в какой форме существуют сведения об обстоятельствах дела. Правила оценки доказательств нашли закрепление в ст. 67 ГПК РФ, ст. 71 АПК РФ и ст. 84 КАС РФ (с отдельными положениями о письменных доказательствах). Остается неясным, почему же для доказательств в электронном виде эти правила не подходят.

Действительно, в отношении электронных доказательств возникают трудности с определением судом их достоверности. Но такого рода сложности не исключаются и в отношении других (письменных, вещественных) доказательств. При этом в законе ни для одного средства доказывания не прописывается алгоритм действий по проверке достоверности, поскольку в данном случае речь идет об оценке доказательств, которая подчиняется законам логики и производится в условиях, закрепленных правовыми нормами[14].

Правда, в содержание оценки доказательств многие авторы включают их относимость и допустимость, основываясь в том числе на статьях процессуальных кодексов, посвященных оценке доказательств. Нами разделяется позиция (Sergun, 1996, p. 157), согласно которой правила относимости и допустимости доказательств действуют для отбора доказательств, чтобы понять, какие из представленных сторонами доказательств могут быть использованы в процессе. Оценка же осуществляется после того, как доказательства были приняты судом, на основе исследования в судебном заседании (по общему правилу) на предмет их достоверности, силы и достаточности. В реальности значительное число судебных ошибок связано с неправильным пониманием именно правил относимости и допустимости электронных доказательств, когда суды отказывают в их приобщении. Такая практика зачастую не основана на законе. В литературе правильно было отмечено (Boriskina, 2020), что суды ошибаются, считая доказательства недопустимыми, когда их достоверность вызывает у них сомнения. В этом случае происходит смешение допустимости и достоверности доказательств.

Многие авторы считают, что избежать таких ошибок поможет нормативное закрепление неких правил работы с электронными доказательствами. Однако сразу оговоримся, что никаких единых правил обычно не предлагается, поскольку очевидна разнородность таких доказательств. Поэтому они в основном выводятся отдельно для электронных сообщений по почте и в мессенджерах, информации официальных сайтов публичных органов и организаций, аудио- и видеозаписей и цифровых отображений и т. д. При этом возникает вопрос: существует ли объективная необходимость закрепления этих положений в процессуальном законодательстве?

[14] Некоторые ученые считали, что оценка доказательств сводится к акту мысли, сугубо логической операции и поэтому она выходит за пределы процессуальных действий по доказыванию. Иначе, оценка доказательств не может быть объектом правового регулирования, так как мыслительный процесс проистекает по законам мышления, а не права. См.: Kurylev (2012, p. 320).

Для примера обратимся к проведенному исследованию использования переписки по электронной почте в качестве судебного доказательства в арбитражных судах. Так, изучив актуальную судебную практику, в 2024 г. Р. М. Масаладжиу пришел к выводу, что суд считает переписку по электронной почте допустимым доказательством только в том случае, если сможет достоверно установить, что сообщения или документы исходят от стороны по договору (Masaladjiu, 2024, p. 20). Другими словами, суд должен удостовериться, что *e-mail* принадлежит процессуальному оппоненту или его представителю. При этом автором со ссылками на судебные акты по конкретным делам приводятся объяснения, которые обычно использует истец, чтобы убедить в этом суд: *e-mail* ответчика указан в договоре; переписка является сложившейся практикой взаимоотношений сторон; *e-mail* содержит корпоративный домен ответчика; *e-mail* указан на сайте ответчика, и т. д. Также, чтобы суд принял переписку, как отмечается в исследовании, необходимо подтвердить, что она касается обстоятельств спора. В этих случаях суды делают вывод о том, что электронная переписка велась между сторонами и, значит, может использоваться в качестве судебного доказательства ((Masaladjiu, 2024, pp. 21–25).

Требуется ли вводить в ГПК, АПК и КАС РФ отдельные нормы, в которых были бы закреплены вышеприведенные сложившиеся в судебной практике подходы? Очевидно, что нет. Суд во всяком случае, исследуя переписку между сторонами, независимо от того, в каком виде она ведется (по почте на бумажном носителе или по электронной почте), должен установить отправителя и получателя письма и ознакомиться с содержанием переписки. Считать, что по отношению к переписке в электронном виде действуют какие-то особые правила, неверно. Всё это следует из закрепленных в процессуальном законодательстве и разработанных в теории правил использования письменных доказательств. То, каким образом суд приходит к выводу о принадлежности адресов электронной почты сторонам, охватывается правилами оценки доказательств, подчиненной законам логики. Оценка доказательств является мыслительной деятельностью суда, проистекающей на основе логических законов, нормы права же устанавливают не порядок мышления и ход рассуждения судей, а условия и цель оценки судебных доказательств, принципы оценки, внешнее выражение в процессуальных документах результатов оценки (Treushnikov, 1999, p. 155).

С большой долей вероятности можно прийти к заключению, что во всех вышеприведенных случаях адрес электронной почты принадлежит ответчику, что и делали суды. При этом нельзя исключать, конечно, и обратного. Однако превращать процессуальные кодексы в инструкцию, где подробно прописывалось бы, когда факт считать доказанным, категорически нельзя: это противоречило бы свободной оценке доказательств, ценность которой заключается в понимании того, что невозможно формализовать абсолютно все случаи, встречающиеся на практике и требующие учета очень многих и разнообразных факторов, влияющих на выводы суда. Поэтому и нельзя заранее определять в законе доказательственную силу отдельных средств доказывания, запрещая судьям давать им другую оценку или отвергать. Иное приводило бы к вынесению ошибочных судебных актов и не позволяло бы достичь цели правосудия — реальной защиты прав и интересов лиц.

К тому же неясно, почему вопрос дополнения процессуального законодательства соответствующими нормами ставится авторами только в отношении одних доказательств — в электронном виде. В процессуальных кодексах не прописывается подробно, что должен проверить суд, чтобы установить подлинность писем, направленных по почте в напечатанном виде (или написанных от руки), распечатанных договоров, справок, полученных из государственных органов, и т.д. Хотя очевидно, что они также должны проверяться на предмет того, от кого они исходят

и кому адресованы, кем подписаны. Однако закрепить это в отношении каждого письменного доказательства в отдельности в литературе не предлагается, что ставит под сомнение логику подобных идей в отношении электронных доказательств.

В научной литературе нередко указывают на необходимость ввести в процессуальные кодексы отдельные нормы, предусматривающие специальные правила судебного порядка обеспечения доказательственной информации, которая может содержаться в электронных доказательствах (Yaroshenko, 2023, p. 35; Balashova&Balashov, 2021, p. 19). При этом авторами не поясняется, в чем заключаются эти правила. Обеспечение электронных доказательств осуществляется на основе ст. 64–66 ГПК РФ, ст. 72 АПК РФ и на практике не вызывает каких-либо сложностей, требующих дополнения процессуального законодательства.

Как уже было отмечено, обеспечение электронных доказательств, как и любых других, не может быть обязательным. Оно проводится с определенной целью и в тех случаях, когда это в реальности требуется. Можно найти некоторые объяснения тому, почему предлагается ввести обязательное нотариальное заверение электронной переписки или специально указать на эту возможность в отношении электронных доказательств в процессуальных кодексах. Дело в том, что на практике суды могут отказать в принятии скриншота электронной переписки и потребовать представить ее в виде протокола осмотра, составленного нотариусом (Masaladjiu, 2024, p. 26). И авторы этих предложений, по всей видимости, хотят внести некоторую определенность насчет того, в каком виде должно быть представлено электронное доказательство, чтобы суд его принял. Однако для исправления судебных ошибок именно в этом случае процессуальное законодательство не нуждается во внесении дополнений, тем более очевидно неправильных.

В соответствии со ст. 71 ГПК РФ письменные доказательства представляются в подлиннике или в форме надлежащим образом заверенной копии. Копией электронных доказательств являются скриншоты. Оснований не принимать их при надлежащем заверении у судов нет. О том, как заверяется скриншот, и о предъявляемых к нему требованиях существует разъяснение Верховного Суда РФ. В соответствии с п. 55 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» распечатки материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети (скриншот), являются допустимыми доказательствами. Они могут быть сделаны и заверены лицами, участвующими в деле, с указанием адреса интернет-страницы, с которой сделана распечатка, а также точного времени ее получения[15]. На самом деле Верховный Суд РФ обратил внимание на достаточно очевидное положение закона. В судебное заседание могут быть представлены копии письменных доказательств, заверенные лицами, участвующими в деле. И это правило в одинаковой мере работает для всех письменных доказательств, независимо от их вида (электронного или нет).

В работах, посвященных электронным доказательствам, нередко вообще не рассматривается вопрос непосредственного исследования доказательств в электронном виде. Всё сводится к использованию скриншотов или протоколов осмотра доказательств, составленных нотариусом (редко судом). Между тем если доказательство электронное (отправленное по электронной почте письмо, переписка в мессенджере, информация, выложенная на странице в сети Интернет), суд всегда может убедиться в его существовании (возможно, с привлечением специалиста для оказания технической помощи). Таким образом, требования судов представить в обязательном порядке составленные нотариусом протоколы осмотра электронных доказательств,

[15] Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 23.04.2019 № 10. Бюллетень Верховного Суда РФ, № 7, июль, 2019.

если информация существует в электронном виде и не удалена, противоречат закону и связаны с непониманием целей института обеспечения доказательств. В целом ряде случаев (когда закон не требует представления подлинных документов) даже составленный стороной скриншот может оказаться достаточным доказательством для установления факта (ч. 2 ст. 71 ГПК РФ). Например, когда другой стороной не заявляется о фальсификации доказательства.

Выводы

Подводя итог настоящему исследованию, следует отметить, что правильный подход к определению природы электронных доказательств позволит избежать многих ошибок, возникающих на практике. Понимание того, что доказательства в электронной форме не обладает какой-либо спецификой (восприятие судом путем прочтения, осмотра, просмотра и прослушивания), наглядно демонстрирует отсутствие практической необходимости дополнения процессуального законодательства. В ГПК, АПК и КАС РФ предусмотрены положения об истребовании, о представлении, раскрытии, об обеспечении, исследовании и оценке доказательств, которые в полной мере могут применяться к доказательствам в электронной форме. При работе с последними суды должны руководствоваться этими нормами, а также не допускать нарушения основных начал процесса — принципов непосредственности, состязательности, объективной истины.

Список литературы / References

1. Aliev, T. T. (2022). Elektronnye dokazatel'stva kak samostoyatel'naya kategoriya dokazatel'stv v tsivilisticheskom sudoproizvodstve Rossiyskoy Federatsii [Electronic evidence as an independent evidence category in civil proceedings of the Russian Federation]. *Arbitrazhnyj i Grazhdanskij Protsess*, (5), 28–32. https://doi.org/10.18572/1812-383X-2022-5-28-32
2. Balashova, I. N. & Balashov, A. N. (2021). O perspektivakh ispol'zovaniya elektronnykh dokazatel'stv v grazhdanskom sudoproizvodstve [On the prospects of the use of electronic evidence in civil proceedings]. *Administrator Suda,* (1), 16–19. https://doi.org/10.18572/2072-3636-2021-1-16-19
3. Bonner, A. T. (2016). Administrativnoe sudoproizvodstvo v Rossijskoy Federatsii: Mif ili real'nost', ili spor protsessualista s administrativistom [Administrative court procedure in Russia: Myth or reality, or dispute between a processualist and administrative lawyer]. *Zakon*, (7), 24–51.
4. Bonner, A. T. (2017). *Izbrannye trudy (T. 5: Problemy teorii sudebnykh dokazatel'stv)* [Selected works (Vol. 5: Problems of the theory of judicial evidence)]. Prospekt.
5. Boriskina, N. I. (2018). Elektronnye dokazatel'stva v grazhdanskom sudoproizvodstve [Electronic evidence in civil proceedings]. *Zakonodatel'stvo*, (4), 58–63.
6. Boriskina, N. I. (2020). *Protsessual'naya forma dokazatel'stv v sovremennom grazhdanskom sudoproizvodstve* [Procedural form of evidence in modern civil proceedings] [Doctoral dissertation, Lomonosov Moscow State University].
7. Chernykh, I. I. (2022). Vliyanie informatsionnykh tekhnologij na dokazyvanie v grazhdanskom sudoproizvodstve [The impact of information technology on evidence in civil proceedings]. In E. G. Strel'tsova (Ed.). *Tsifrovye tekhnologii v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve: Praktika, analitika, perspektivy* [Digital technologies in civil and administrative proceedings: Practice, analytics, prospects] (pp. 159–212). Infotropik Media.

8. Chechina, N. A. & Chechot, D. M. (Eds.). (1984). *Sovetskiy grazhdanskiy protsess* [Soviet civil procedure]. Izdatel'stvo Leningradskogo Universiteta.
9. Fokina, M. A. (2017). Dokazyvanie v administrativnom sudoproizvodstve: Problemy effektivnosti pravovogo regulirovaniya [Proof in administrative proceedings: Problems of the effectiveness of legal regulation]. *Sovremennoe Pravo,* (3), 75–79.
10. Grebelsky, A. V. (2015). Elektronnye dokazatel'stva v mezhdunarodnom kommercheskom arbitrazhe [Electronic evidence in international commercial arbitration]. *Zakon*, (10), 59–70.
11. Grebelsky, A. V. (2017). *Dokazatel'stva v mezhdunarodnom kommercheskom arbitrazhe* [Evidence in international commercial arbitration] [Doctoral dissertation, Moscow State Institute of International Relations]. http://igpran.ru/prepare/a.persons/GrebelskiiAV/GrebelskiiAB_Dissertatsiya.pdf
12. Kurylev, S. V. (2012). Dokazyvanie i ego mesto v protsesse sudebnogo poznaniya[Proof and its place in the process of judicial knowledge]. In S. V. Kurylev, *Izbrannye trudy* [Selected works] (pp. 209–302). Redaktsiya zhurnala "Promyshlenno-torgovoe Pravo". (Original work published in 1955).
13. Laptev, V. A. (2017). Elektronnye dokazatel'stva v arbitrazhnom protsesse [E-evidence in arbitration]. *Rossiyskaya Yustitstia*, (2), 56–59. https://doi.org/10.18572/0131-6761-2017-2-56-59
14. Lomovtseva, N. V., Zarechneva, K. M., Ushakova, O. V., Yarina, S. Yu. (2021). *Slovar` terminov i ponyatiy tsifrovoy didaktiki* [Dictionary of terms and concepts of digital didactics]. Azhur.
15. Masaldjiu, R. M. (2024). Perepiska po elektronnoy pochte: kak ubedit' arbitrazhnyy sudy eye prinyat' [Email correspondence: How to convince an arbitrazh court to accept it]. *Arbitrazhnaya Praktika dlya Yuristov*, (12), 20–26.
16. Mitrofanova, M. A. (2013). *Elektronnye dokazatel'stva i printsip neposredstvennosti v arbitrazhnom protsesse* [Electronic evidence and the principle of immediacy in arbitrazh proceedings] [Doctoral dissertation, Saratov State Law Academy].
17. Nakhova, E. A. (2015). Problemy elektronnykh dokazatel'stv v tsivilisticheskom protsesse [Issues of electronic evidence in the course of civil process]. *Leningradskyy Yuridicheskiy Zhurnal*, (4), 301–312.
18. Orekhova, D. V. (2022). Tendentsii razvitiya elektronnykh dokazatel'stv v grazhdanskom protsesse [Trends in the development of electronic evidence in civil proceedings]. *Arbitrazhnye Spory,* (4), 203–213.
19. Sergun, A. K. (1996). Sudebnye dokazatel'stva [Legal evidence]. In M. S. Shakaryan (Ed.), *Grazhdanskoye protsessual'noye pravo Rossii. Uchebnik* [Civil procedural law of Russia. Textbook] (pp. 145–164). Bylina.
20. Sergun, A. K. (2004). Sudebnye dokazatel'stva [Legal evidence]. In M. S. Shakaryan (Ed.), *Grazhdanskoye protsessual'noye pravo Rossii. Uchebnik* [Civil procedural law of Russia. Textbook] (pp. 162–196). Prospect.
21. Shkurova, P. D. (2019). *Pis'mennyye dokazatel'stva v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve* [Written evidence in civil and administrative proceedings] [Doctoral dissertation, Kutafin Moscow State Law University].
22. Strel'tsova, E. G. (2023). Ob aktual'nom znachenii printsipov grazhdanskogo protsessual'nogo prava [On the current significance of the principles of civil procedural law]. In E. I. Nosyreva, I. N. Luk'yanova, D. G. Fil'chenko (Eds.), *Ocherki sovremennogo tsivilisticheskogo protsessa: In Memoriam zasluzhennogo deyatelya nauki RossijskojFederatsii, doktora yuridicheskikh nauk, professor Tamary Evgen'evny Abovoy* [Essays on the modern civil process: In Memoriam of Tamara Evgenievna Abova, the Honored Scholar of the Russian Federation, Dr. Sci. in Law, Professor] (pp. 9–16). Statut.
23. Strel'tsova, E. G. (2022). *Tsifrovye tekhnologii v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve: Praktika, analitika, perspektivy* [Digital technologies in civil and administrative proceedings: practice, analytics, prospects] (pp. 159–212). Infotropik Media.
24. Treushnikov, M. K. (1999). *Sudebnye dokazatel'stva* [Forensic evidence]. Gorodets.

25. Vorozhbit, S. P. (2011). Elektronnye sredstva dokazyvaniya v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse [Doctoral dissertation, Saint-Petersburg State University].
26. Yaroshenko, T.V. (2023). Problematika elektronnykh dokazatel'stv v usloviyakh razvitiya elektronnogo pravosudiya v arbitrazhnom protsesse [The problem of electronic evidence in the context of the development of electronic justice in the arbitration process]. *Administrator Suda*, (1), 32–36.https://doi.org/10.18572/2072-3636-2023-1-32-36

Сведения об авторе:

Казиханова С. С. — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства имени М. С. Шакарян, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА); доцент института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», Москва, Россия.
sskazihanova@msal.ru

Information about the author:

Svetlana S. Kazikhanova — Ph.D. in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil and Administrative Procedure named after M. S. Shakaryan, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Associate Professor, Institute of High-Tech Law, Social and Humanitarian Sciences,National Research University of Electronic Technology (MIET), Moscow, Russia.
sskazihanova@msal.ru

https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-7

Check for updates

CC BY 4.0

СТАТЬИ

ОБРАЩЕНИЕ В РОССИЙСКИЙ СУД В ЭПОХУ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ

И. Н. Лукьянова

Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации
119285, Россия, Москва, Воробьевское ш., 6а

Аннотация

Цель исследования состоит в оценке действующих в России электронных сервисов обращения в суд с иском по гражданским делам как дополнительной возможности доступа к правосудию и реализации права быть выслушанным. Выявлены причины сохранения традиционных форм обращения в суд наряду с активным использованием электронных сервисов. К таковым отнесены консервативное отношение к цифровым новшествам и препятствия в реализации закрепленных в законе гарантий сохранения даты первого обращения в суд в случае невыполнения формальных требований к содержанию искового заявления. С опорой на разработанный ЮНСИТРАЛ функционально-эквивалентный метод доказывается необоснованное нарушение права на доступ к правосудию процедурой технической проверки поступивших в суд искового заявления и приложений к нему, которая наделяет сотрудника суда полномочиями в результате такой проверки известить истца о том, что документы не могут быть признаны поступившими. В актуальных юридических публикациях выявлены заявления об использовании искусственного интеллекта действующими сервисами подачи исковых заявлений в суд, а также о планах по разработке сервиса по составлению кассационной жалобы с использованием технологий предикативного правосудия. Эти явления оцениваются автором с позиций их влияния на доступ к правосудию и право быть выслушанным. Предлагается разработать этические правила использования искусственного интеллекта в коммуникации, возникающей между истцом и судом на этапе обращения в суд с учетом подхода, оценивающего деятельность по отправлению правосудия как несущую самые большие риски для прав человека в целом и процессуальных прав в частности. Право адвоката и юриста на доступ к судебной практике и инструментам ее анализа предлагается рассматривать как часть права быть выслушанным.

Ключевые слова

обращение в суд, доступ к правосудию, право быть выслушанным, исковое заявление, кассационная жалоба, электронное правосудие, искусственный интеллект, электронные судебные платформы, этические правила использования искусственного интеллекта

Конфликт интересов	Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.
Финансирование	Исследование не имеет спонсорской поддержки.

Для цитирования Лукьянова, И. Н. (2024). Обращение в российский суд в эпоху электронного правосудия. *Цифровое право, 5*(4), 96–113. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-7

Поступила: 16.10.2024, принята в печать: 20.11.2024, опубликована: 30.12.2024

ARTICLES

FILING A LAWSUIT UNDER RUSSIAN PROCEDURAL LAW IN THE E-JUSTICE ERA

Irina N. Lukianova

Russian Foreign Trade Academy
6-A, Vorobiyovskoye Highway, Moscow, Russia, 119285

Abstract

The study sets out to evaluate the existing electronic filing of lawsuit services in civil litigation in Russia as an additional opportunity to access justice and implement the right to be heard. The author identifies the reasons for continuing to use the court system by mail or in person. Because ordinary people and lawyers are cautious about new technology, a lawsuit filed online might not be taken seriously. Additionally, the guarantees provided by law aim to preserve the date of the initial court appeal in cases where proceedings cannot be initiated due to noncompliance with the required formalities for the statement of claim. Based on the functionally equivalent method developed by UNCITRAL, the right to access justice has been shown to be unjustifiably violated by the procedure of technical verification of claim submitted to the court, which empowers a court official to notify the plaintiff that the documents cannot be recognized as received. The study evaluates the statements in current legal literature regarding the use of artificial intelligence by existing court filing services, as well as plans to develop a cassation appeal service using predicative justice technologies in terms of their impact on access to justice and the right to be heard. It is proposed that ethical rules be developed on the use of artificial intelligence in communication between the plaintiff and the court at the stage of applying to the court. Such an approach should allow to evaluate the administration of justice as posing the greatest risks to human rights in general and procedural rights in particular. The right of a lawyer to access judicial practice and tools for its analysis should be considered as part of the right to be heard.

Keywords

plea to a court, access to justice, right to be heard, e-justice, artificial intelligence (AI), electronic justice platforms, ethical rules for the use of artificial intelligence, lawsuit, appellation

Conflict of interest The author declares no conflict of interest.

Financial disclosure The study has no sponsorship.

For citation Lukianova, I. N. (2024). Filing a lawsuit under Russian procedural law in the e-justice era. *Digital Law Journal, 5*(4), 96–113. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-7

Submitted: 16 Oct. 2024, accepted: 20 Nov. 2024, published: 30 Dec. 2024

Введение

Возможность обращения в суд в защиту гражданских, семейных и иных прав частного лица, обеспеченная российским законодательством и фактической организацией деятельности судов, является важнейшей гарантией права на судебную защиту, закрепленного в ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации[1], и его неотъемлемой составляющей — права быть выслушанным[2]. Хотя идея о праве быть выслушанным и быть услышанным судом введена в научный оборот относительно недавно (Sherstyuk, 2004, p. 59) и ее место в системе российской науки гражданского процессуального права пока еще дискутируется, данное право не отрицается ни учеными-правоведами, ни судебной практикой и признано Конституционным Судом Российской Федерации общеправовым принципом[3].

Как представляется, реализация права быть выслушанным в гражданском судопроизводстве начинается с обращения в суд с просьбой о защите нарушенного права. Такое обращение в делах, где есть спор с ответчиком, называется иском и оформляется документом — исковым заявлением, которое должно содержать сведения о споре, а также иные данные, установленные в ст. 131 и 132 ГПК РФ[4], а также в ст. 125 и 126 АПК РФ[5].

Основанием возбуждения судебного производства по гражданскому делу является обращение истца в суд. Инициирование производства по делу по общему правилу самим заинтересованным лицом является особенностью процедуры судебного разбирательства по гражданским делам, вытекающей из принципа диспозитивности.

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.). Российская газета. 25.12.1993 г. № 237.

2 Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности положения пункта 5 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. Ю. Какуева» от 19 июля 2011 г. № 17-П. Собрание законодательства Российской Федерации. 25.07.2011, № 30 (часть II), ст. 4699.

3 Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“, касающихся возможности обжалования определений, выносимых Арбитражным судом по делам о банкротстве, иных его положений, статьи 49 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций“, а также статей 106, 160, 179 и 191 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Челябинской области, жалобами граждан и юридических лиц» от 12.03.2001 № 4-П. Собрание законодательства РФ. 19.03.2001, № 12, ст. 1138.

4 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 года № 137-ФЗ (ред. от 26.10.2024). Собрание законодательства РФ.18.11.2002. № 46. Ст. 4531.

5 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Собрание законодательства РФ, 29.07.2002, № 30, ст. 3012. В российской судебной системе, возглавляемой Верховным Судом РФ, наряду с судами общей юрисдикции, которые рассматривают дела по правилам ГПК РФ, действуют государственные арбитражные суды, которые, руководствуясь АПК РФ, по общему правилу рассматривают, споры с участием коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей, возникающие в связи с осуществлением предпринимательской деятельности. Деятельность арбитражных институций и арбитража *ad hoc* в России регулируется Федеральным законом «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ (ред. 08.08.2024). Собрание законодательства РФ. 04.01.2016, № 1 (часть I), ст. 2.

Важной гарантией того, что по обращению истца суд возбудит производство по делу, являются положения ГПК РФ и АПК РФ, которые закрепляют требования к исковому заявлению или иному обращению и обязывают суд совершить определенные действия в установленный срок, направленные на возбуждение производства по делу. В предусмотренных в ст. 134–136 ГПК РФ и ст. 127.1–129 АПК РФ случаях суд не может возбудить производство по делу, но должен совершить иные предписанные законом действия, чтобы либо в интересах истца сохранить возможность возбуждения производства по делу, либо в интересах ответчика или общественного интереса не позволить истцу повторно предъявлять в суд то же обращение (например, если право не подлежит судебной защите или по тождественному иску имеется вступившее в силу судебное или арбитражное решение).

Хронология введения российских сервисов электронного обращения в суд

В «доцифровую» эпоху российский законодатель выстраивал правила обращения в суд, открывая возможность обращения в суд более широким слоям населения через обращение в суд без адвоката; в советское время — через доступность каждому формулировок процессуального закона и простоту порядка возбуждения производства по делу, расширение категорий гражданских дел, рассматриваемых судом, а затем и дел из публично-правовых отношений. В Российской Федерации в 90-е годы XX столетия в доктрине гражданского процесса закрепляется идея доступности правосудия.

В конце XX — начале XXI вв. новейшие технологии активно внедряются в деятельность сначала арбитражных судов, а затем и судов общей юрисдикции. Бизнес-сообщество с начала 1990-х годов, а с середины 2000-х годов и население Российской Федерации в целом повсеместно используют электронные, а затем цифровые средства связи и носители информации. Востребованность достижений телекоммуникационных технологий для преодоления проблемы географической удаленности суда в масштабах страны стала очевидной для российского государства.

При этом до появления электронных сервисов самым надежным способом доставления исковых заявлений и ходатайств по делу чаще всего выступали личные обращения истца или его представителя в канцелярию суда, так как на работу почтовой связи можно было положиться далеко не всегда. Личное обращение в суд, расположенный в другом населенном пункте, из-за транспортных затрат могло стоить недешево, а если ответчик располагался в другом регионе, стоимость, как правило, возрастала многократно. Ввиду невысокого уровня доходов населения в то время необходимость обратиться в суд за пределами своего населенного пункта для многих создавала серьезное препятствие для обращения в суд в принципе, а после возбуждения производства по делу — против участия в судебном заседании и ознакомления с материалами дела. Личное обращение в арбитражный суд, где дела в первой инстанции рассматривались единственным судом в субъекте Российской Федерации, также представляло собой недешевое удовольствие не только для малого, но и для среднего бизнеса, и тем более для большинства индивидуальных предпринимателей и граждан, которые в случаях, определенных АПК РФ, участвуют в делах, рассматриваемых арбитражным судом.

К середине 2000-х годов распространение доступа к Интернету, резко возросшая доступность персональных устройств телекоммуникационной связи для бизнеса и основной части российского населения, обеспечение судов современным оборудованием, создание сайтов судов

укрепило среди судейского корпуса и в общественном сознании убеждение в том, что обращение в суд через Интернет в России *технически* возможно и потенциально может значительно снизить издержки в связи с подачей искового заявления в суд, упростить доступ к правосудию, поскольку обращение поступит в суд практически мгновенно с помощью достаточно надежного вида связи.

В последние полтора десятилетия в Российской Федерации наряду с традиционными формами инициирования гражданских дел появилось сразу несколько сервисов обращения в суд с использованием сети Интернет.

В феврале 2010 г. для системы арбитражных судов был запущен первый подобный сервис — «Мой арбитр». Его работа была обеспечена закреплением в ч. 1 ст. 125, ч. 2 ст. 126 и в абз. 2 ч. 1 ст. 131 АПК РФ права подавать исковое заявление, прилагаемые к нему документы[6], а также отзыв на него в форме электронного документа[7].

Несколько позднее, в 2012 г., функция подачи электронного обращения появилась на сайте Верховного Суда Российской Федерации[8]. С тех пор через данный электронный сервис в Верховный Суд РФ можно подать кассационную или надзорную жалобу по гражданскому делу, заявление о пересмотре по новым или вновь открывшимся обстоятельствам, а также отзыв на такие обращения. В рамках производства по жалобе — ходатайство или заявление.

Следующим этапом развития доступа к правосудию через электронные сервисы стало внедрение функции обращения в суд через федеральную государственную информационную систему «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (далее — портал «Госуслуги»). Теперь все вышеобозначенные процессуальные действия истец может совершать, авторизовавшись в своем личном кабинете на портале «Госуслуги». Там также доступны для ознакомления пошаговая иллюстрированная инструкция по пользованию сервисом при подаче обращения в Верховный Суд РФ и порядок подачи в Верховный Суд РФ документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа[9]. Сервис включает поиск по базе данных дел Верховного Суда РФ (на 14.12.2024 база данных содержала сведения по 1 370 841 делу, рассматриваемому Верховным Судом РФ в порядке гражданского судопроизводства по кассационным, надзорным жалобам), поиск по заявлениям о пересмотре по новым или вновь открывшимся обстоятельствам, а также возможность получить техническую помощь в связи с подачей электронного обращения[10].

В 2017 году был запущен объединенный суперсервис «Электронное правосудие», который и по настоящее время дает возможность как подачи иска в арбитражные суды, так и обращений

---

6 В настоящее время на сайте системы «Электронное правосудие» можно ознакомиться с видеоинструкцией подачи искового заявления в арбитражный суд. См.: Мой арбитр. (n.d.). *Отправка документа через систему «Мой арбитр» на примере искового заявления физического лица.* https://my.arbitr.ru/#help/0/0. (Дата обращения 17.12.2024).

7 Федеральный закон «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс РФ» от 27 июля 2010 года № 228-ФЗ. Собрание законодательства РФ. 02.08. 2010, № 31, ст. 4197.

8 На сайте Верховного Суда Российской Федерации кнопка для перехода к сервису подачи электронных обращений находится первой в окне полезных ссылок на главной странице (https://vsrf.ru/).

9 Порядок подачи в Верховный Суд Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утвержденный приказом председателя Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 46-П. https://vsrf.ru/files/6665/

10 Информация доступна в личном кабинете пользователя портала «Госуслуги» на странице поиска по базе данных дел.

в Верховный Суд РФ. Его особенностью является постепенное объединение различных электронных судебных сервисов[11].

Тогда же возможность подавать в электронном виде иски и другие обращения в суды общей юрисдикции открылась в государственной автоматизированной системе «Правосудие» (ГАС «Правосудие»). Кроме того, в Москве действует особая комплексная информационная система судов общей юрисдикции (далее — КИС СОЮ), которая в том числе позволяет обратиться в суд с иском с персонального цифрового устройства[12].

В течение 2022 г. гражданами было подано в суды более 5,5 миллиона документов в электронном виде[13], что подтверждает достаточно активное использование всех указанных сервисов участниками споров.

Наконец, в марте 2024 г. портал «Госуслуги» включил в набор функций, предоставляемых владельцам подтвержденных учетных записей, возможность подачи обращения в суд через суперсервис «Электронное правосудие». Теперь все иски, жалобы, ходатайства и другие обращения по гражданским или административным делам можно подавать онлайн во все суды общей юрисдикции, а также обращаться в Верховный Суд[14]. Сервис портала «Госуслуги» позволяет определить подсудность дела, рассчитать госпошлину. Кроме того, подавая иск таким образом, можно сразу оплатить госпошлину электронным платежом. Важно отметить, что «Госуслуги» сопровождает предлагаемые пользователю при подаче иска действия краткими пошаговыми пояснениями, содержание которых понятно человеку, который не имеет юридического образования. Интерфейс данного сервиса более дружелюбен, чем сервисы судов. Кроме того, использование сайта «Госуслуг» позволяет направить в суд исковое заявление не только за электронной подписью, но и за простой письменной подписью посредством направления скан-копии документа. Это возможно благодаря обязательной аутентификации пользователя на сайте, которую гражданин проходит при открытии личного кабинета на любом из устройств.

При этом традиционные формы отправления обращения в суд (путем направления документов государственной почтовой службой «Почта России», курьерской службой или лично в канцелярию суда) сохранены и по-прежнему пользуются популярностью среди обычных граждан и юридического сообщества. Использование традиционных способов обращения в суд могут быть только частично объяснены консервативностью.

Проблемы в использовании электронных сервисов для обращения в суд

Представляется, что существуют три проблемы, которые не позволяют перейти к полномасштабному использованию электронных форм взаимодействия с судом.

---

11 См. хронологию этого процесса: My.arbitr. (n.d.). *История обновлений системы Электронное правосудие.* https://my.arbitr.ru/Updates/UpdatesList (дата обращения: 14.12.2024).

12 Синченкова, А. (2023, 12 октября). *Шаблоны исков и советы о подсудности: как суды используют современные технологии.* https://pravo.ru/story/249251/; См. также: Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. (2016, 26 декабря). *Перечни информационных систем и банков данных, находящихся в ведении судов.* https://mos-gorsud.ru/is-and-db

13 Лебедев, В. М. (2023). *Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации на XVIII Совещании председателей Верховных судов государств — членов ШОС 11 марта 2023 г.* https://www.vsrf.ru/files/32255/

14 Минцифры. (2024, 4 марта). Обратиться в суд теперь можно через Госуслуги. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. https://digital.gov.ru/news/obratitsya-v-sud-teper-mozhno-cherez-gosuslugi

Проблема сохранения гарантий права быть выслушанным при обращении в суд посредством электронных сервисов

Первая проблема связана с привязанностью закрепленных в ГПК РФ и АПК РФ гарантий права на обращение в суд к традиционным формам подачи обращения в суд, предполагающим либо личное вручение документов в канцелярию суда, либо их направление почтовой службой. Речь идет, прежде всего, о правилах определения даты обращения в суд, что может быть важно при разрешении вопроса об истечении срока исковой давности, срока обращения в некоторых делах о защите прав в публично-правовой сфере, либо при определении приоритета иска в ситуации *lis pendens*, а также в некоторых других случаях.

Так, в ст. 136 ГПК и ст. 128 АПК закреплена гарантия права на судебную защиту через процессуальное действие по оставлению заявления без движения. Обнаружив ошибки и недочеты, допущенные при оформлении искового заявления или других обращений в суд, посредством которых инициируется производство по делу в первой инстанции, суд выносит определение об оставлении заявления без движения и предоставляет срок для их исправления. Тот факт, что суд обязан совершить данное процессуальное действие по прямому указанию закона, позволяет истцу устранить некоторые формальные недочеты (например, доплатить государственную пошлину или представить документы, подтверждающие отправление копии искового заявления ответчику), а также добиться возбуждения производства по делу, сохранив дату первоначального «неудачного» обращения с исковым заявлением как дату обращения в суд[15].

В случае обращения в суд посредством электронных каналов связи такие гарантии не действуют до тех пор, пока обращение не дойдет до судьи. Между судьей и обращением, поступившим в суд в электронном виде, возникает промежуточное звено в лице сотрудника суда, который проверяет соответствие поступивших документов, во-первых, техническим требованиям, предъявляемым соответствующими сервисами, и, во-вторых, на предмет соблюдения Порядка, утвержденного Судебным департаментом Верховного Суда РФ[16]. Так, согласно п. 4.4 Порядка просмотр документов, поданных в суд в электронном виде, осуществляется сотрудником аппарата суда, который должен убедиться в том, что документы адресованы суду, доступны для прочтения, оформлены в соответствии с требованиями, изложенными в вышеупомянутом Порядке. Если данные условия соблюдены, пользователю в личный кабинет направляется уведомление о получении судом поданных документов. Если же названные условия не соблюдены, пользователю направляется уведомление о том, что документы «не могут быть признаны поступившими в суд».

В п. 4.5 Порядка среди причин для признания искового заявления не поступившим в суд перечислены следующие основания:

- документ нечитаем (например, по причине того, что страницы документа перевернуты; документ содержит не все страницы; нет нумерации страниц; в файле отсутствует электронный документ или электронный образ документа (скан); отсутствует связный текст);
- файл обращения в суд и (или) файлы прилагаемых к нему документов представлены в форматах, не предусмотренных данным Порядком;

---

15 Такая же гарантия предоставляется при обращении с кассационной жалобой в кассационный суд общей юрисдикции (ст. 378.2 ГКП РФ) и кассационной жалобой в арбитражный суд округа (ст. 280 АПК РФ).

16 Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» от 27.12.2016 № 251 (ред. от 23.01.2024). Бюллетень актов по судебной системе. 2017, № 2.

- обращение в суд и прилагаемые к нему документы не представлены в виде отдельных файлов (в одном файле содержится несколько электронных документов или несколько электронных образов документов);
- наименование файлов не позволяет идентифицировать документы, в них содержащиеся.

Если подобные недостатки будут обнаружены при поступлении обращения в суд почтовой связью, оно будет передано судье, даже если к исковому заявлению прилагаются на *USB*-флеш-накопителе (флеш-карте) документы в электронном виде с указанными выше недостатками. В таком случае именно судья, а не сотрудник суда, будет решать, возбуждать ли производство по делу или оставить заявление без движения, сохранив для инициатора обращения возможность перерыва срока исковой давности или приоритет обращения в суд.

В случае выявления технических несоответствий представленного обращения (п. 4.5 Порядка), обратившемуся будет направлено уведомление о том, что документы не могут быть признаны поступившими в суд. Соответственно, сами документы не будут подлежать регистрации, предусмотренной п. 4.7. Порядка, и в дальнейшем не будут учитываться судом. Таким образом, обращение в суд в подобных ситуациях не достигает суда и право быть выслушанным на этапе обращения в суд оказывается блокированным. Если до повторного обращения истечет срок исковой давности или окажется упущенным приоритет обращения в суд, истец может лишиться судебной защиты даже если производство по делу удастся возбудить.

Представляется, что решение проблемы может опираться на подход, основанный на использованном в некоторых актах *ЮНСИТРАЛ* принципе функциональной эквивалентности[17]: чтобы сохранить право истца быть выслушанным по поводу обращения в суд, судьбу искового заявления, направленного в электронной форме, как и в случаях с бумажным обращением в суд, должен решать судья, оставляя при необходимости его без движения. Признавать исковое заявление не поступившим при обнаружении названных выше оснований следует *только в тех случаях*, когда сам текст искового заявления невозможно прочесть или он отсутствует в файле.

Действительно, если исковое заявление поступает в суд почтовой связью и в конверте обнаруживается нечитаемый документ или бумага без текста, исковое заявление не считается поступившим, т. к. невозможно установить, что полученная корреспонденция представляет собой обращение в суд. Между тем, если текст искового заявления поступил, но он не ясен, перепутаны страницы, приложения к нему нечитаемы или пропущены, оно все же будет передано судье, который решит, оставлять ли такое исковое заявление без движения.

Таким образом, в настоящее время к обращениям, поступающим в суд в электронной форме, предъявляются *дополнительные требования*, иногда без законных на то оснований ограничивающие право истца получить ответ именно судьи, а не сотрудника суда, на свое обращение, а также закрепить дату первоначального *электронного* обращения в суд в качестве *даты обращения* за судебной защитой. Невозможность получить ответ суда на свое обращение в установленном законом порядке представляет собой **нарушение права быть выслушанным**, неотъемлемой частью которого является *право быть услышанным судом* и *получить его ответ*.

---

[17] Принцип «функциональной эквивалентности» предполагает, что при соблюдении определенных условий юридическая сила электронных сообщений эквивалентна бумажным документам, поскольку они выполняют одну и ту же функцию. Данный принцип позволяет правовой системе сохранить «традиционный бумажный подход», а также избежать создания специального правового режима для электронных коммуникаций (так называемый «двухрежимный» подход). См. об этом: Lyu & Zhou (2018).

С учетом того что электронное обращение с приложенными документами после признания его поступившим обязательно распечатывается и представляется судье для решения вопроса о возбуждении производства по делу (п. 4.6 Порядка), разумные обоснования ограничения такого права истца на этапе подачи искового заявления не обнаруживаются.

Практикующие юристы для сохранения первоначальной даты поступления иска как даты первого обращения за судебной защитой, когда это важно, предпочитают представить исковое заявление в суд лично или направить почтовой либо курьерской службой, чтобы добиться возникновения обязанности у суда совершить процессуальные действия в отношении иска и при необходимости оставить его без движения. Таким образом момент обращения в суд точно будет зафиксирован.

Поскольку в Порядке подачи документов в электронном виде в *арбитражные суды* Российской Федерации[18], содержатся такие же правила, что и в рассмотренном Порядке подачи документов *в суды общей юрисдикции*, при обращении в арбитражный суд через сервис «Мой арбитр» может возникать аналогичная проблема признания документов не поступившими.

Аналогичная проблема может возникать при подаче обращения через портал «Госуслуги». Так, по сведениям Минцифры РФ, если суд примет обращение, оно будет зарегистрировано в течение нескольких часов[19]. Следовательно, риск остаться без судебной защиты существует и в самом новейшем электронном сервисе подачи иска в суд, ведь при обращении в суд таким способом, если исковое заявление не будет принято, процессуальная обязанность дать ответ на обращение у суда не возникает. Моментом обращения в суд должен быть момент завершения загрузки документов в электронный сервис так же, как момент сдачи бумажных документов почтовой службе.

Влияние технических сбоев на доверие к электронным обращениям в суд

К почтовой связи юристы-практики, как и все остальные граждане, вынуждены прибегать для доставки обращения в случае сбоя электронных сервисов[20]. В августе 2024 г. такой сбой произошел в системах ГАС «Правосудие» и КИС СОЮ[21]. В октябре 2024 г. был повторный сбой в системе ГАС «Правосудие»[22]. Также не работали сервисы «Электронное правосудие», система подачи жалоб на сайтах судов и на портале «Госуслуги», восстановившись полностью только 22 октября 2024 г.[23] В связи с этим пользователи, направившие исковые заявления в электронной форме, не получали подтверждения об их получении. В такой ситуации отправитель

---

18 Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» от 28.12.2016 № 252 (ред. от 20.02.2018), утвердивший «Порядок подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа». Бюллетень актов по судебной системе. 2018, № 4.

19 Минцифры. (2024, 4 марта). Обратиться в суд теперь можно через Госуслуги. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. https://digital.gov.ru/news/obratitsya-v-sud-teper-mozhno-cherez-gosuslugi

20 Вараксин, М. (2024, 16 октября). *Поломка ГАС «Правосудие»: что делать сейчас и как восстановить сроки потом.* https://pravo.ru/story/255626/

21 Право.ру. (2024, 2 августа). *В работе ГАС «Правосудие» произошел крупный сбой.* https://pravo.ru/news/254460/

22 Вараксин, М. (2024, 16 октября). *Поломка ГАС «Правосудие»: что делать сейчас и как восстановить сроки потом.* https://pravo.ru/story/255626/

23 Кучушев, С., Суринская, Я., & Арялина, М. (2024, 11 ноября). Как самый масштабный сбой ГАС «Правосудие» повлиял на работу судебной системы. *Ведомости*. https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/11/11/1074074-kak-samii-masshtabnii-sboi-gas-pravosudie-povliyal-na-rabotu-sudebnoi-sistemi

вынужден был выяснять, поступило ли в суд обращение, направленной через электронный сервис, и, если нет, получать подтверждение сбоя, чтобы восстановить пропущенный срок. Чтобы предупредить случаи отказа в восстановлении даты обращения в суд через электронный сервис со ссылкой на имевшиеся у истца возможности отправить почтой или доставить в суд лично исковое заявление, а также чтобы упрочить доверие к электронной коммуникации с судом, подобные ситуации требуют урегулирования.

Уровень компьютерной грамотности пользователей

Третья проблема, с которой очевидно можно связать неспешность освоения гражданами новых технологий для обращения в суд, сопряжена со сложностями технического характера при подаче искового заявления, с которыми сталкиваются люди, не обладающие навыками опытного компьютерного пользователя. К примеру, не всякий юрист сразу поймет смысл требования, изложенного в п. 2.3.4. Порядка подачи в арбитражные суды РФ документов в электронном виде: «Файлы и данные, содержащиеся в них, должны быть доступными для работы, не должны быть защищены от копирования и печати, не должны содержать интерактивные и мультимедийные элементы, внедренные сценарии на языке *JavaScript* или любых других языках программирования»[24].

Раздел часто задаваемых вопросов на сайте «Мой арбитр»[25] ярко демонстрирует те сложности, которые испытывают пользователи, притом что чаще всего основными пользователями сервиса выступают профессиональные юристы. Пользователи не всегда понимают, что следует делать, столкнувшись с выплывающим окном, в котором информация изложена языком программистов, и вынуждены обращаться в техподдержку с просьбой пояснить, что значит такая надпись и что делать. Также неизбежны технические сбои, когда пользователь все делает верно, но что-то в сервисе «пошло не так». При любом из таких сбоев истец или его представитель вынуждены тратить время на решение проблемы технического характера вместо того, чтобы получить быстрый доступ к правосудию. Возможно, введенная недавно в сервисе «Мой арбитр» функция чат-бота «Арбитр-бот» сможет оперативно оказывать помощь в подобных ситуациях[26].

Преимущества электронных сервисов доступа к правосудию и перспективы их развития

Обращает на себя внимание количество сервисов, позволяющих направить обращение в суды общей юрисдикции: ГАС «Правосудие», а в Москве также еще КИС СОЮ или через портал «Госуслуги». Тем, кто нуждается в судебной защите, и их представителям рассматриваемые в настоящей работе сервисы позволяют в большинстве случаев быстро и без дополнительных расходов обратиться в суд, определив автоматически его подсудность и размер госпошлин. Пользователь получает доступ к материалам дела, возможность представлять доказательства в электронной форме, участвовать в судебном заседании онлайн и получить судебные акты

[24] Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» от 28.12.2016 № 252 (ред. от 20.02.2018), утвердивший «Порядок подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа». Бюллетень актов по судебной системе. 2018, № 4.

[25] МойАрбитр. (n.d.). *FAQ. О системе мой арбитр.* https://my.arbitr.ru/#help/4/0 (дата обращения: 2024, 14 декабря).

[26] МойАрбитр. (n.d.). *Что такое Арбитр-бот и как с ним работать?* https://my.arbitr.ru/#help/4/1 (дата обращения: 2024, 14 декабря).

или исполнительный лист в электронной форме. Все это может способствовать значительной экономии времени юристов на выполнение формальных требований к подготовке обращения в суд, что способствует снижению затрат тех, кто обратился к ним за юридической помощью.

Опытные пользователи электронных сервисов и сами могут подать иск, существенно сэкономив время. Тем же, кто испытывает сложности в использовании средств электронной коммуникации и не обладает серьезными компьютерными навыками или не имеет устройства для выхода в Интернет, государство предоставляет необходимую инфраструктуру в виде Многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг (далее — МФЦ), где можно направить в суд заявление через ГАС «Правосудие»[27], а в Москве также через систему КИС СОЮ — в московские суды общей юрисдикции.

Кроме того, в МФЦ существуют центры цифровых компетенций или секторы пользовательского сопровождения, где человек может получить техническую помощь сотрудника МФЦ в создании личного кабинета пользователя на портале «Госуслуги», в сканировании самостоятельно подготовленных гражданином документов и загрузке файлов в систему, а также в заполнении электронной формы искового заявления[28]. Бесплатную юридическую помощь по сути искового требования сотрудники МФЦ не оказывают, они консультируют только по вопросам технического характера, связанным с использованием электронного сервиса. Однако государство уделяет внимание доступу граждан к правовой информации по наиболее часто встречающимся ситуациям. Так, Минюстом России реализуется проект информационной системы «Правовая помощь», где можно найти информацию об организациях, осуществляющих бесплатную правовую помощь, а также пошаговые инструкции для защиты своих прав в часто встречающихся жизненных ситуациях, сгруппированных в 21 тематический блок[29]. К сожалению, о возможности направить исковое заявление через электронный сервис, в том числе обратившись в МФЦ, в информационной системе «Правовая помощь» не сообщается.

В некоторых регионах были запущены новые экспериментальные сервисы. Так, в Белгородской области три мировых судьи используют электронный сервис для подготовки судебных приказов по взысканию налогов с граждан[30], а в Амурской области из искового заявления в формате *.pdf* с помощью искусственного интеллекта (далее также — ИИ) считывается информация, необходимая для внесения в автоматизированную систему делопроизводства, что призвано сократить сроки регистрации обращений в суд[31]. В 2024 г. запущен некоммерческий проект «Кассатор онлайн», в рамках которого предполагаются бесплатная подготовка кассационной жалобы по гражданскому делу и представление интересов заявителя в суде в случае, если искусственный интеллект найдет в решении нижестоящей инстанции основания

[27] Постановление Правительства РФ «О внесении изменения в Правила организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг» от 19.08.2022 № 1457. Собрание законодательства РФ. 22.08.2022, № 34, ст. 5996.

[28] Куликов, В. (2023, 13 марта). Глава Верховного Суда РФ Вячеслав Лебедев: обратиться в суд можно через МФЦ. *Российская газета*. https://rg.ru/2023/03/13/isk-v-odno-okno.html

[29] Минюст России. (n.d.). *Жизненные ситуации — понятным языком о сложном.* https://вправе.рф/categories/ (дата обращения: 14.12.2024).

[30] Корня, А., & Прытков, А. (2024, 27 мая). Белгородские суды начали использовать нейросети при подготовке судебных приказов. *Коммерсантъ*. https://www.kommersant.ru/doc/6728050

[31] РАПСИ. (2023, 12 октября). *Момотов предложил включить ИИ в конструкторы исков и учесть психику пользователей*. https://rapsinews.ru/judicial_news/20231012/309294827.html; AMUR.LIFE. (2024, 13 ноября). *Искусственный интеллект поможет судьям Амурской области в их работе*. https://www.amur.life/news/2024/11/13/iskusstvennyy-intellekt-pomozhet-sudyam-amurskoy-oblasti-v-ih-rabote

для отмены. Цель проекта — тренировка нейросети, которую собираются обучить самостоятельной подготовке кассационных жалоб и прогнозированию решений судов[32].

Возможность применения в судах искусственного интеллекта обсуждалась на совещании-семинаре в Совете Федерации ФС РФ[33]. Советник отдела информационной безопасности управления информатизации и связи Верховного Суда РФ Александр Долженко высказал мнение о том, что в перспективе можно ставить вопрос о подключении ИИ к автоматизированному составлению проектов судебных актов, но также отметил остроту проблемы «галлюцинаций нейросетей»[34].

Данная проблема является только вершиной айсберга, по сути, результатом «механизма действия» искусственного интеллекта, который зависит от качества тех данных, предоставляемых для обучения, а также от алгоритмов, изначально заложенных в искусственный интеллект, либо тех, которые сам искусственный интеллект в процессе самообучения вырабатывает и которые не поддаются до конца контролю. Чрезвычайно важный вопрос о качестве таких данных, их источнике и об особенностях алгоритмов, которые применяются или планируются к применению в сфере правосудия, пока никак не урегулирован.

Так как использование искусственного интеллекта в сервисах, обеспечивающих функцию обращения в суд, уже становится реальностью[35], следует в самые короткие сроки разработать правила использования ИИ в судебной сфере, которые включали бы пределы использования ИИ и контроль над разработкой и применением ИИ. При этом важно учитывать опыт иных юрисдикций, уже предпринявших определенные шаги в этом направлении. Так, заслуживает внимания опыт разработки Европейской этической хартии использования искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях, выделяющей пять основных принципов использования ИИ[36]. Пристальное внимание нужно уделить выявлению возможных угроз процессуальным правам и правам человека применением ИИ. Хотя жесткое ограничение использования ИИ в сфере отправления правосудия в Европейском союзе[37] в целом и во Франции в частности критикуется как препятствующее развитию информационных технологий в Европе, следует задуматься над предостережением, уже прозвучавшем в российской правовой науке. Так, В. А. Виноградов отмечает, что приоритетом деятельности *IT*-компаний

---

32 Корня, А. (2024, 27 мая). Нейросеть заходит в суд. *Коммерсантъ*. https://www.kommersant.ru/doc/6727888

33 Там же.

34 Там же.

35 См. выше по тексту пример Амурской области.

36 European Commission for the Efficiency of Justice. (2018). *European ethical Charter on the use of Artificial Intelligence in judicial systems and their environment.* Council of Europe. https://rm.coe.int/ethical-charter-en-for-publication-4-december-2018/16808f699c. Хартия была переведена на русский язык, см.: https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4

37 В соответствии с ч. 2 ст. 6 Акта ЕС об искусственном интеллекте (*EU AI Act*) к системам ИИ самого высокого *неприемлемого* уровня (из четырех возможных и регламентированных уровней отнесены системы ИИ, предназначенные для использования судебными органами в исследовании и толковании фактов и закона, а также в применении закона к конкретному набору фактов. См.: Regulation 2024/1689, of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 Laying down Harmonised Rules on Artificial Intelligence and Amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act), 2024 OJ (L 1689) http://data.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj. См. также ст. 6 Акта, приведенную в системе с иными положениями Акта, на посвященном ему вебсайте: EU Artficial Intelligence Act. (n.d.). *Article 6: Classification rules for high-risk AI systems*. https://artificialintelligenceact.eu/article/6/ (дата обращения: 14.12.2024).

являются достижение максимальной прибыли и усиление своего политического влияния. В то время как слабое внимание *IT*-компаний к правам и свободам человека является одним из самых больших вызовов, на который публичная власть должна отвечать постоянным совершенствованием регулирования деятельности *IT*-компаний с целью защиты прав и свобод своих граждан в цифровом пространстве (Vinogradov, 2024).

В настоящее время в Российской Федерации принята Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года[38], действуют Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных"»[39] и Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»[40], однако в этих нормативных актах не разработана шкала рисков применения ИИ и не устанавливаются никакие специальные правила для использования ИИ в сфере судопроизводства.

Первый заместитель председателя комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству И. В. Рукавишникова предложила использовать сбалансированный подход к регулированию ИИ с точечным ограничением его использования и применением риск-ориентированного подхода к генерированию искусственного интеллекта[41]. Применение ИИ в судебной сфере предлагается отнести в к самому высокому из четырех уровней рисков нарушения прав человека[42]. Назрела необходимость принятия этического кодекса для использования искусственного интеллекта в сфере правосудия, включая связанные с ней сферы деятельности (например, адвокатская деятельность, проведение судебных экспертиз и др.).

В подготовленном в 2021 г. Специальным комитетом по искусственному интеллекту (*CAHAI*) Анализе проведенных консультаций с участием заинтересованных сторон (234 организации из 38 стран Европы, включая РФ, и 24 организаций из Африки, Азии, Южной и Северной Америки)

---

38 Утверждена Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Собрание законодательства РФ. 14.10.2019, № 41, ст. 5700.

39 Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных"» от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ. Собрание законодательства РФ. 12.08.2024, № 33 (часть I), ст. 4929.

40 Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ. (ред. 08.08.2024). Собрание законодательства РФ. 03.08.2020, № 31 (ч. I), ст. 5017.

41 Риск-ориентированный подход закреплен в п. 2.1 Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта от 26 октября 2021 г. (носит рекомендательный характер) и требует, чтобы уровень внимания к этическим вопросам в области ИИ и характер соответствующих действий акторов ИИ был пропорционален оценке уровня рисков, создаваемых конкретными технологиями и системами ИИ для интересов человека и общества, а также чтобы принятие значимых для общества и государства решений в области применения ИИ сопровождалось научно выверенным, междисциплинарным прогнозированием социально-экономических последствий и рисков, изучением возможных изменений в ценностно-культурной парадигме развития общества с учетом национальных приоритетов. Во исполнение такого подхода рекомендована разработка и использование методики оценки рисков систем ИИ. См. подробнее: Комиссия по реализации кодекса этики в сфере искусственного интеллекта. (n.d.). *Кодекс этики в сфере ИИ*. Альянс в сфере искусственного интеллекта. https://ethics.a-ai.ru

42 Гурьянов, С. (2024, май 24). Человек, ИИ, закон: как в России будут регулировать искусственный интеллект? *Известия*. https://iz.ru/1701186/sergei-gurianov/chelovek-ii-zakon-kak-v-rossii-budut-regulirovat-iskusstvennyi-intellekt

отмечается, что участники консультаций четко выделяют правосудие как одну из областей, в которых ИИ представляет наибольшую опасность для прав человека, демократии и верховенства закона[43]. Европейские Модельные правила гражданского процесса используют более «мягкие» формулировки и допускают использование судьями искусственного интеллекта в той мере, в какой это соответствует праву быть заслушанным при условии, что стороны знают об их использовании и имеют справедливую возможность оспорить их характер, качество, а также выводы, которые могут быть сделаны на их основе (European Law Institute & UNIDROIT, 2021, p. 23).

Правила использования ИИ в судебной сфере должны быть направлены прежде всего на сохранение и развитие в ходе применения ИИ существующего уровня гарантий права на судебную защиту, включая право быть выслушанным, доступ к суду, независимость и беспристрастность суда, равные возможности для сторон спора реализовать свои процессуальные права, недискриминацию — в том числе цифровую — лиц, желающих обратиться в суд, и участников судебного разбирательства. Е. Г. Авакян верно отмечает, что, обращаясь к ИИ-инструментам, люди должны знать и понимать, что взаимодействуют *именно с ИИ*, и иметь возможность отказаться от такого взаимодействия[44].

Думается, подобные правила были бы полезны не только для разработки программных средств с использованием ИИ, предназначенных для эксплуатации в судебной сфере, но и для программных средств, обеспечивающих два десятка лет автоматизацию процессов в той же судебной сфере без использования ИИ. Речь идет об информационных системах и платформах, обеспечивающих коммуникацию частных лиц и юристов с судебной системой. При этом искусственный интеллект, задействованный в электронных сервисах в сфере правосудия, не должен в угоду скорости судопроизводства или коммуникации с судом игнорировать процессуальные права или препятствовать их реализации. Как верно отмечают марокканские исследователи, искусственный интеллект не просто инструмент для повышения эффективности судебной сферы, он должен укреплять, а не снижать гарантии верховенства закона и качество государственной системы правосудия (Jabir et al., 2024).

Зарубежные исследователи обращают внимание на необходимость обеспечивать такое управление процессами разработки и использования электронных систем в сфере правосудия, которое обеспечивало бы справедливое судебное разбирательство посредством программных кодов с учетом норм процессуального права. Прежде всего, отмечается естественность передачи функции управления процессами разработки и использования электронными системами в сфере правосудия самой судебной власти, т. к. применение процессуального права является задачей суда (Reiling & Contini, 2022, p. 13). Хотя А. Пелевин, руководитель компании «Pravo.Tech» (разработчик сервиса «Мой арбитр»), заявлял еще в 2020 году на основе проведенной оценки действовавших на тот момент электронных судебных автоматизированных систем, что ни в одной другой стране нет более совершенных автоматизированных систем, чем те, которые используются сегодня в российском правосудии[45], представляется, что предстоит еще много работы в этом направлении. Тем не менее планы по внедрению технологий искусственного интеллекта

---

[43] Ad Hoc Committee on Artificial Intelligence. (2021). *Draft analysis of the multi-stakeholder consultation*. Council of Europe. https://rm.coe.int/cahai-cog-2021-01-draft-report-msc-2763-7501-0051-v-1/1680a2e2d5. Неофициальный перевод данного аналитического доклада доступен по адресу: https://sk.ru/media/documents/CAHAI_AI_Research.pdf

[44] Селдон Новости. (2023, 6 июля). *Ключевые вопросы правового регулирования и развития ИИ в ближайшей перспективе.* https://news.myseldon.com/ru/news/index/287669334

[45] Малаховский, С. (2020, 9 апреля). *«Ни в одной другой судебной системе мира нет более совершенных информационных систем, чем в российском правосудии»*. https://pravo.ru/story/220333/

в действующие сервисы в сфере правосудия и планируемые к разработке сервисы по подаче кассационных жалоб, включая сервисы предиктивного правосудия делают вопрос разработки нормативного акта, определяющего пределы и правила использования ИИ в сфере правосудия, крайне актуальным именно в целях сохранения и развития процессуальных гарантий закрепленного в ст. 46 Конституции РФ права на судебную защиту.

Приведенный выше пример, когда предусмотренная ГПК РФ и АПК РФ процессуальная гарантия, позволяющая закрепить дату первоначального обращения в суд, поданного с формальными ошибками, не может быть реализована в электронной коммуникации, иллюстрирует, что контроль судебной власти над разработкой средств электронной коммуникации с участниками судопроизводства может оказаться недостаточным. Объясняя недостаточно дружелюбный интерфейс ГАС «Правосудие», специалисты обращают внимание на то, что изначально задачи ее разработки были связаны с повышением эффективности работы судей, а не с улучшением взаимодействия суда со сторонами дела[46].

Следовательно, среди приоритетных задач разработки программного обеспечения, прямо или косвенно связанного с обеспечением коммуникации участников дела с судом, реализации их процессуальных прав, должны быть сохранение и развитие всего комплекса прав, гарантированных гражданским и арбитражным процессуальным правом, а также Конституцией РФ. Контролировать выполнение этих задач в ходе разработки программ в рамках конкретного проекта на всем его протяжении, начиная с этапа составления технического задания и включая внедрение готового продукта, должны те, кто представляет потенциальных участников судебных разбирательств, — адвокаты, практикующие юристы (включая юрисконсультов организаций и государственных органов) и ученые-процессуалисты, которые могли бы оценить степень потенциальной сохранности процессуальных гарантий и, при необходимости, отстоять их[47]. В аспекте создания продуктов ИИ на необходимость общественного контроля над алгоритмом обучения и массивом данных, на котором обучается ИИ, как на условие применение ИИ в судопроизводстве уже обращалось внимание[48].

Цифровизация судебной коммуникации ставит еще два вопроса, связанных с подачей обращения в суд с использованием электронных сервисов, которые уже требуют решения. Первый из них обусловлен правом на защиту персональных данных, которые неизбежно передаются при обращении в суд. Проблема защищенности персональных данных сопряжена с доверием частных лиц судебной системе. Если не будет обеспечиваться их должная сохранность под контролем судов, может наступить момент, когда при решении вопроса об обращении в суд заявитель будет вынужден взвешивать риски утечки персональных данных, а значит, задумываться о доверии суду. Опасения передать суду личную информацию могут быть серьезным препятствием для реализации права быть выслушанным в целом и права на доступ к правосудию в частности. Необходимо, не дожидаясь серьезных случаев незаконного использования переданных суду и сохраняемых под его контролем персональных данных, устанавливать правила, которые регулировали бы отношения между частным лицом и судом, возникающие

---

46 Речкин, Р. В. (2022, 2 февраля). *Об электронном правосудии. Система «Мой Арбитр», ГАС «Правосудие», суперсервис «Правосудие онлайн» и все-все-все...* https://www.intellectpro.ru/press/works/ob_elektronnom_pravosudii/

47 European Commission for the Efficiency of Justice. (2016). *Guidelines on how to drive change towards Cyberjustice* (pp. 68–69). Council of Europe. https://edoc.coe.int/en/efficiency-of-justice/7501-guidelines-on-how-to-drive-change-towards-cyberjustice-stock-taking-of-tools-deployed-and-summary-of-good-practices.html

48 Селдон Новости. (2023, 6 июля). *Ключевые вопросы правового регулирования и развития ИИ в ближайшей перспективе*. https://news.myseldon.com/ru/news/index/287669334; Lukianova (2020, p. 146).

в связи с сохранением персональных данных судом и их использованием в статистических или иных законных целях, включая вопросы ответственности за ущерб или моральный вред, причиненный их утечкой.

В Российской Федерации вопросы использования программных средств и искусственного интеллекта в сфере правосудия рассматривались в рабочих группах Центра компетенций федерального проекта «Нормативное правовое регулирование цифровой среды» Фонда «Сколково» (https://sk.ru/legal/). Результатом их деятельности стало, в том числе, внесение ряда изменений в ГПК и АПК, закрепивших ряд возможностей судебной коммуникации в электронной форме. Однако, формулировки таких изменений, как правило, по своему содержанию направлены скорее на решение технических проблем, а не на обеспечение незыблемости процессуальных прав. Исходя из рекомендации Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта[49], сопровождать принятие значимых для общества и государства решений в области применения ИИ необходимо при одновременном осуществлении научно выверенного, междисциплинарного прогнозирования социально-экономических последствий и рисков. В связи с этим в рабочие группы по внедрению ИИ в сферу судопроизводства[50] необходимо включать не только представителей разработчиков ИИ, но и судей, представителей адвокатуры, практикующих судебных юристов, ученых-процессуалистов. При этом, возможно, было бы разумно начинать работу над совершенствованием правового регулирования и создания нормативной базы с разработки *этических правил применения ИИ в сфере правосудия* и *концепции правового регулирования* в этой области.

Еще одной проблемой цифровизации судов, которая была озвучена Председателем Совета судей В. В. Момотовым на пленарном заседании Совета судей в 2019 г., является устаревание информационно-телекоммуникационного оснащения судов[51]. Думается, это имеет далеко не только техническое значение. Сохранность судебных актов и дел в электронном виде в ситуации быстрого устаревания форматов хранения электронной информации, ее носителей, обрабатывающих ее программных средств требует внимания и планирования[52], т. к. уже сейчас, как показывает опыт действующего в течение 15 лет сервисов КАД «Арбитр» и ГАС «Правосудие», возможность анализа и обобщения судебной практики приобрела значение, определяющее преемственность и развитие права, в том числе конституционного права на судебную защиту. Такое значение сохранности судебных актов и судебных дел в электронном виде имеет общественную ценность, составляет, по меткому замечанию В. М. Шерстюка, национальное достояние[53]. Сохраняемые в электронной форме судебные акты и дела позволяют проводить аналитическую работу при подготовке судебных решений судьями, а также научных исследований. Высказанное в литературе мнение о том, что в условиях цифровизации адвокат

---

49 Комиссия по реализации кодекса этики в сфере искусственного интеллекта. (n.d.). *Кодекс этики в сфере ИИ*. Альянс в сфере искусственного интеллекта. https://ethics.a-ai.ru

50 В рабочие группы как по разработке нормативно-правовых и рекомендательных документов по использованию ИИ, так и по контролю над проектами по разработке и внедрению ИИ в судебную сферу.

51 Малаховский, А., & Климачева, К. (2019, 3 декабря). *Шаблоны исков и советы о подсудности: как суды используют современные технологии*. https://pravo.ru/story/216641/

52 Авакян, Е. (2021, 9 апреля). Мы не то чтобы не приняли решение, мы даже не начали двигаться. *Адвокатская газета*. https://www.advgazeta.ru/mneniya/my-ne-to-chtoby-ne-prinyali-reshenie-my-dazhe-ne-nachali-dvigatsya/

53 Профессор В. М. Шерстюк назвал судебную практику арбитражных судов национальным достоянием в своем выступлении на V Научно-практической конференции «Кутафинские чтения» «Конституционализм и правовая система России: итоги и перспективы» (27 ноября 2013 г., Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, Юридический факультет).

должен иметь такой же доступ к судебным аналитическим ресурсам, как у судей, подтверждает значение доступа к судебной практике при разработке правовой позиции по делу и составлении обращений в суд[54]. Следовательно, доступность судебной практики и инструментов ее аналитической обработки должна рассматриваться как часть права быть выслушанным, т. к. качество разрабатываемой юристом позиции по делу обусловлено доступными для анализа материалами.

Таким образом, возможно, право адвокатов, практикующих юристов и правоведов на доступ к судебной практике должно получить законодательное закрепление, что создало бы беспрецедентные условия для развития отечественного права.

Заключение

К следующим выводам привели размышления в рамках данной статьи.

1. Невозможность получить ответ суда на свое обращение в установленном законом порядке является **нарушением права быть выслушанным**, неотъемлемой частью которого является *право быть услышанным судом* и *получить его ответ*. Чтобы сохранить гарантии права быть выслушанным и услышанным судом на этапе обращения в суд посредством электронного сервиса, к поступающим в электронном форме обращениям не должны предъявляться *дополнительные условия по сравнению с обращениями, поступающими в суд на бумажном носителе*, которые могли бы без законных на то оснований ограничить право истца получить ответ судьи. Также представляется необходимым закрепить дату первоначального *электронного* обращения в суд в качестве *даты обращения* за судебной защитой.
2. Чтобы упрочить доверие к электронной коммуникации с судом, подобные ситуации требуют урегулирования и дополнительных гарантий, позволяющих зафиксировать момент обращения в суд в случае технического сбоя судебного электронного сервиса. Пленум Верховного Суда РФ мог бы своим постановлением закрепить порядок и сроки действия истца, обращение которого не поступило в суд из-за технического сбоя.
3. Поскольку качество разрабатываемой юристом позиции по делу обусловлено в том числе доступными для анализа материалами, право представителя стороны на доступ к судебной практике и инструментам ее аналитической обработки предлагается рассматривать как часть права быть выслушанным. Законодательное закрепление права адвокатов, практикующих юристов и ученых-правоведов на доступ к судебной практике способно создать беспрецедентные условия для развития отечественного права.

Список литературы / References

1. Sherstyuk, V. M. (2004). Pravo byt' vyslushannym i byt' uslyshannym — printsip grazhdanskogo protsessual'nogo prava [The right to be listened to and to be heard — a principle of civil procedural law]. In M. K. Treushnikov (Ed.), *Zametki o sovremennom grazhdanskom i arbitrazhnom protsessual'nom prave*. Gorodets.
2. Lyu G., & Zhou, S. (2018). Functional-equivalent approach in UNCITRAL electronic commerce legislation. In X. Xiao & H. Xue (Eds.), *Proceedings of the 2018 2nd international conference on management, education and social science (ICMESS 2018): Vol. 176* (pp. 1542–1545). Atlantis Press. https://doi.org/10.2991/icmess-18.2018.338

[54] Авакян, Е. (2021, 12 марта). Равные возможности. *Адвокатская газета.* https://www.advgazeta.ru/mneniya/ravnye-vozmozhnosti/

3. Vinogradov, V. A. (2024). Prava i svobody cheloveka i grazhdanina v tsifrovuyu epokhu: gosudarstva versus IT-giganty [Human and civil rights and freedoms in the digital age: States versus IT Giants]. *Zhurnal Rossiyskogo Prava*, *28*(9),72–87. https://doi.org/10.61205/S160565900030998-1
4. European Law Institute, & UNIDROIT. (Eds.). (2021). *ELI — Unidroit Model European Rules of Civil Procedure: From transnational principles to European rules of civil procedure*. Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oso/9780198866589.001.0001
5. Jabir, H., Lagtati, K., & Pohe-Tokpa, D. (2024). Ethical and legal regulation of using artificial intelligence in Morocco. *Journal of Digital Technologies and Law*, *2*(2), 450–472. https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.23
6. Reiling, D., & Contini, F. (2022). E-justice platforms: Challenges for judicial governance. *International Journal for Court Administration*, *13*(1), Article 6. https://doi.org/10.36745/ijca.445
7. Lukianova, I. N. (2020). Mesto iskusstvennogo intellekta v sudebnoy zashchite prav (rukovodstvuyas' podkhodami Tamary Yevgen'yevny Abovoy) [The place of artificial intelligence in judicial protection of rights]. *Treteyskiy Sud*, (1/2), 134–146.

Сведения об авторе:

Лукьянова И. Н. — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой процессуального права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, Москва, Россия.
irinluk@bk.ru

Information about the author:

Irina N. Lukianova — Ph.D. in Law, Associate Professor, Head of the Department of Procedural Law, Russian Foreign Trade Academy, Moscow, Russia.
irinluk@bk.ru

https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-6

Check for updates

CC BY 4.0

ЗАМЕТКИ

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ О КОРПОРАТИВНОМ СПОРЕ

Д. Ю. Ионова

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
125993, Россия, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9-2

Аннотация

При рассмотрении многих категорий корпоративных споров могут быть затронуты права и законные интересы значительного числа лиц. Поэтому особое значение приобретают специальные процессуальные правила, которые гарантировали бы возможность своевременного вступления в процесс всем заинтересованным лицам. В статье 225.4 АПК РФ закреплено полномочие арбитражного суда обязать юридическое лицо уведомить прежде всего своих участников о корпоративном споре. Однако в законе не установлен порядок исполнения юридическим лицом такой обязанности. Целью настоящего исследования является рассмотрение вопроса о возможных путях применения цифровых технологий для уведомления юридическим лицом своих участников и иных лиц, указанных в законе, о возникшем корпоративном споре. Анализ действующего законодательства демонстрирует, что электронная форма уведомления применяется императивно только в публичных акционерных обществах. В статье сделан вывод о том, что использование непубличными хозяйственными товариществами и обществами электронных форм уведомления своих участников и иных лиц, упомянутых в законе, о корпоративном споре должно быть прямо предусмотрено учредительным документом юридического лица. Обосновывается, что такой подход обеспечит оперативное доведение информации о корпоративном споре до заинтересованных лиц и соответственно соблюдение установленных арбитражным судом сроков уведомления. Если в учредительный документ юридического лица не включены положения о порядке уведомления о корпоративном споре, то должен применяться порядок уведомления о проведении заседания или заочного голосования для принятия решений общим собранием участников общества.

Ключевые слова

цифровые технологии, уведомление о корпоративном споре, арбитражный суд, юридическое лицо, участники юридического лица

Конфликт интересов	Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.
Финансирование	Исследование не имеет спонсорской поддержки.

Для цитирования Ионова, Д. Ю. (2024). Цифровые технологии и обеспечение доступа к информации о корпоративном споре. *Цифровое право, 5*(4), 114–123. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-6

Поступила: 14.10.2024, принята в печать: 19.11.2024, опубликована: 30.12.2024

NOTES

DIGITAL TECHNOLOGIES AND ACCESS TO INFORMATION ABOUT A CORPORATE DISPUTE

Dina Yu. Ionova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9-2, Sadovaya-Kudrunskaya St., Moscow, Russia, 125993

Abstract

In resolving corporate disputes of many kinds, the rights and legitimate interests of a considerable number of individuals may be impacted. Consequently, the establishment of specific procedural guidelines that would ensure the timely inclusion of all interested parties in the process is of paramount importance. According to Article 225.4 of the Russian Arbitrazh Procedure Code, the arbitrazh court has the authority to require a legal entity to notify its members of a corporate dispute. However, the law does not specify the procedure for the fulfillment of such an obligation by a corporation. In this note, the author considers approaches to employing digital technologies by a legal entity to inform its members and other individuals stipulated by the law regarding the emergence of a corporate dispute. An analysis of the current legislation reveals that the electronic form of notification is required exclusively for public joint-stock corporations. The author concludes that non-public business partnerships as well as non-public corporations must expressly provide for the use of electronic forms of notification to their participants and other persons specified in the law about a corporate dispute in the legal entity's charter. This approach ensures the prompt dissemination of information about corporate disputes among the interested parties, thereby notification periods established by the arbitrazh court's established notification periods. In cases where a legal entity's charter lacks provisions for notifying about the emergence of a corporate dispute, the procedure of notifying about a meeting on rendering corporate decision or absentee voting should be applied.

Keywords

digital technologies, corporate dispute notification, arbitrazh court, legal entity, legal entitity members

Conflict of interest The author declares no conflict of interest.

Financial disclosure The study has no sponsorship.

For citation Ionova, D. Yu. (2024). Digital technologies and access to information about a corporate dispute. *Digital Law Journal, 5*(4), 114–123. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-6

Submitted: 14 Oct. 2024, accepted: 19 Nov. 2024, published: 30 Dec. 2024

Введение

Проблемам цифровизации правосудия, а также применению искусственного интеллекта в последние годы посвящено значительное количество исследований, в которых нередко делается вывод о том, что цифровые технологии должны обеспечивать доступность правосудия по гражданским делам (Valeev & Nuriev, 2020, pp. 60–64; Yakusheva, 2021, pp. 8–12). Поиск баланса, при котором, с одной стороны, применение цифровых технологий и искусственного интеллекта будет повышать доступность и эффективность судопроизводства (в том числе облегчать и ускорять рассмотрение судом дела по существу), но, с другой стороны, ни в коем случае не снижать гарантии гражданской процессуальной формы — важная задача науки гражданского процессуального права на современном этапе.

Вопросы применения электронных инструментов участниками арбитражного процесса уже неоднократно становились объектами подробного анализа (Laptev, 2023, pp. 168–187; Mingaleev, 2023, pp. 86–128). С точки зрения не только теории, но и практики актуально исследование отдельных аспектов применения цифровых технологий, которые могли бы в большей мере обеспечить доступность правосудия при рассмотрении отдельных категорий дел. Так, например, при рассмотрении некоторых категорий корпоративных споров могут быть затронуты права и законные интересы значительного числа лиц (участников корпоративного юридического лица, лиц, входящих в состав органов такой корпорации, и пр.). Поэтому в науке отмечается важность специальных процессуальных норм, которые гарантировали бы возможность своевременного вступления в процесс всем заинтересованным лицам, однако их эффективное применение недостижимо без электронных инструментов.

Дискуссия

Глава 28.1 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее — АПК РФ), которая содержит специальные правила рассмотрения корпоративных споров, применяется на практике уже более 15 лет[1]. При этом следует отметить, что с момента ее введения в действие именно цифровым технологиям отводилось центральное место в обеспечении доступа к информации о корпоративном споре. В соответствии с ч. 1 ст. 225.4 АПК РФ арбитражный суд, рассматривающий дело по корпоративному спору, размещает в установленном порядке в информационно-коммуникационной сети Интернет информацию о принятии искового заявления к производству, а также о движении дела по спору и соответствующие судебные акты[2]. Как отмечено в Концепции единого Гражданского процессуального кодекса, данная новелла, введенная в 2009 году для рассмотрения корпоративных споров, была впоследствии распространена на весь арбитражный процесс[3].

---

1 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Собрание законодательства РФ, 29.07.2002, № 30, ст. 3012.

2 В том числе о вступлении в дело новых лиц, об изменении основания или предмета ранее заявленного иска, о принятии обеспечительных мер, об отказе от иска, о признании иска, о заключении мирового соглашения или о принятии судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела в арбитражном суде.

3 «Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124(1)) (доступно для ознакомления в СПС «КонсультантПлюс»).

В главе 28.1 АПК РФ обращают на себя внимание положения, предусматривающие полномочия арбитражного суда обязать юридическое лицо уведомить о возбуждении производства по делу, предмете и об основании заявленного в арбитражный суд требования, об иных обстоятельствах корпоративного спора *участников этого юридического лица*, *лиц, входящих в его органы управления и контроля*, а также *держателя реестра владельцев ценных бумаг* и (или) *депозитария*, осуществляющих учет прав на эмиссионные ценные бумаги хозяйственного общества (ч. 3 ст. 225.4 АПК РФ). Однако в законе не установлены *порядок* и *сроки исполнения* юридическим лицом возложенной арбитражным судом обязанности по уведомлению о корпоративном споре.

Рассматриваемые положения АПК РФ получили неоднозначную оценку в науке гражданского процессуального права. В свое время данные законодательные новеллы были подвергнуты критике, среди прочего потому, что, следуя Конституции РФ, арбитражный суд обязан осуществлять правосудие по экономическим спорам. Соответственно, вынесение и реализация судебных актов, в том числе и судебных актов *об извещениях и о вызовах*, составляют содержание функции суда по осуществлению правосудия, и уже хотя бы на этом основании суд не вправе перепоручить ее выполнение другим лицам (Sherstyuk, 2012, pp. 50–55). Однако следует обратить внимание на то, что в соответствии с ч. 2 ст. 225.4 АПК РФ лица, участвующие в деле, извещаются арбитражным судом, рассматривающим дело, по правилам, установленным ст. 121 АПК РФ. Также арбитражный суд обязан известить юридическое лицо о принятии искового заявления по корпоративному спору к производству, об изменении основания или предмета иска путем направления этому юридическому лицу копий соответствующих судебных актов по адресу, содержащемуся в едином государственном реестре юридических лиц, не позднее следующего дня после дня вынесения соответствующих судебных актов. Поэтому ч. 3 ст. 225.4 АПК РФ, которая предоставляют арбитражному суду полномочие возложить обязанность уведомления перечисленных в законе лиц на корпорацию, не снимают с арбитражного суда обязанности по извещению лиц, участвующих в деле. Скорее, они направлены *на выявление иных потенциально заинтересованных в исходе дела лиц* с целью обеспечить их возможность вступления в процесс. Представляется верным мнение В. А. Лаптева, что рассматриваемый нами инструмент был включен в процессуальное законодательство (в числе прочих новелл) ввиду процедурной сложности извещения отдельных категорий лиц, в частности иностранных физических лиц или организаций. В свою очередь применение цифровых технологий может детализировать и расширить его применение (Laptev, 2023, pp. 168–187).

Таким образом, рассматриваемое решение законодателя заслуживает поддержки, поскольку только сама корпорация (особенно если речь идет о корпорации, насчитывающей значительное количество участников) обладает всей полнотой информации о своих участниках, лицах, входящих в органы управления и контроля, и иных, перечисленных в законе лицах, потенциально заинтересованных в результатах судебного разбирательства. Также следует согласиться, что обязанность довести информацию возлагается на юридическое лицо по усмотрению суда и может не применяться с учетом конкретных обстоятельств дела, например, когда все иные участники корпоративного спора имеют процессуальный статус лиц, участвующих в деле, а значит, извещаются судом в общем порядке по правилам ст. 121 АПК РФ (Razdyakonov, 2020, pp. 29–33).

В то же время в литературе высказывается мнение о том, что рассматриваемое законодательное регулирование не в полной мере позволяет пресечь сокрытие информации о корпоративном споре, а применительно к акционерным обществам утверждается, что более эффективным могло бы быть официальное опубликование арбитражным судом сведений о возбуждении

производства по делу *в печатном издании*, *определенном уставом общества для оповещения акционеров о проведении общего собрания*, а также в общефедеральном специализированном печатном издании по аналогии с размещением информации о введении процедур банкротства, т. е. в *общедоступной федеральной деловой газете* (Zhurbin, 2012, pp. 18–19). Возложение на арбитражный суд такой обязанности представляется излишним, так как, во-первых, как уже говорилось, в соответствии с ч. 1 ст. 225.4 АПК РФ суд размещает в установленном порядке информацию о движении дела по корпоративному спору в сети Интернет. Во-вторых, закон предусматривает обязанность раскрытия информации о корпоративном споре эмитентами эмиссионных ценных бумаг[4], и за несоблюдение указанной обязанности установлено административное наказание в виде штрафа[5]. К тому же даже если такой порядок будет применяться и покажет свою эффективность по отношению к акционерным обществам, то все же остаются определенные сомнения в его универсальности. В целях пресечения сокрытия юридическим лицом информации о корпоративном споре в ч. 4 ст. 225.4 АПК РФ установлено полномочие арбитражного суда наложить судебный штраф в размере 30 тыс. руб. за неисполнение обязанности по уведомлению на лицо, осуществляющее функции единоличного исполнительного органа или возглавляющее коллегиальный исполнительный орган юридического лица. Сто́ит признать, что в большинстве случаев такой размер штрафа является недостаточным для обеспечения надлежащего поведения со стороны обязанных лиц, поскольку зачастую корпоративный спор может иметь гораздо большее стоимостное выражение (Razdyakonov, 2020, pp. 29–33). Поэтому целесообразно существенно увеличить размер данного штрафа, чтобы в большей мере обеспечивать исполнение юридическим лицом, возложенной на него обязанности.

Как уже было отмечено, в законе не установлены порядок и сроки исполнения юридическим лицом данной обязанности, тем не менее отдельные разъяснения о порядке применения ч. 3 ст. 225.4 АПК РФ существуют. Так, например, затрагивает данную проблему в своих рекомендациях Научно-консультативный совет при федеральном арбитражном суде Поволжского округа[6]. В упомянутых рекомендациях отмечается, что поскольку законом не установлены порядок и сроки уведомления юридическим лицом о возбуждении производства по делу, о предмете и основании заявленного в арбитражный суд требования и об иных обстоятельствах спора лиц, перечисленных в ч. 3 ст. 225.4 АПК РФ, то порядок и сроки извещения должны определяться либо *арбитражным судом*, либо *самостоятельно юридическим лицом*. Согласно этому документу сроки извещения должны устанавливаться в пределах срока рассмотрения дела, чтобы подлежащие извещению лица имели возможность вступить в дело в предусмотренном законом порядке. Поскольку обязанность довести информацию до вышеупомянутых лиц возлагается на юридическое лицо определением арбитражного суда, оно также должно содержать и срок исполнения этой обязанности, который должен быть разумным с учетом обстоятельств дела, срока его рассмотрения и достаточным для фактического доведения информации до адресатов

[4] Глава 18 Положения Банка России «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг» от 27.03.2020 № 714-П (ред. от 30.09.2022) (Зарегистрировано в Минюсте России 24.04.2020 № 58203). Вестник Банка России, № 39-40, 27.05.2020.

[5] Ч. 2 ст. 15.19 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 14.10.2024). Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.

[6] Рекомендации Научно-консультативного совета по вопросам применения норм корпоративного законодательства и норм законодательства о несостоятельности (банкротстве). Утверждены Президиумом Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 26.04.2010. (далее по тексту — «Рекомендации»). Стоит отметить, что Рекомендации до сих пор применяются на практике. См., к примеру: Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.03.2022 № 11АП-33/2022 по делу № А65-4841/2021.

(Razdyakonov, 2020, pp. 29–33). Более того, в определении обычно указывается на обязанность юридического лица представить в суд доказательства предпринятого уведомления[7].

Однако при анализе рекомендаций неизбежно возникают два вопроса: во-первых, что подразумевается под самостоятельным определением юридическим лицом порядка уведомления, а во-вторых, какими положениями закона руководствоваться арбитражному суду при определении такого порядка и, соответственно, сроков уведомления. Более того, именно от порядка уведомления будет зависеть, какие доказательства выполнения данной обязанности представит в арбитражный суд юридическое лицо.

В связи с поставленными вопросами представляется интересным обратить внимание на подготовленный Управлением частного права Высшего арбитражного суда РФ еще в 2012 году Проект постановления Пленума «О внесении дополнений в постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18.11.2003 № 19 “О некоторых вопросах применения Федерального закона ‘Об акционерных обществах’ (в части выкупа акций и применения главы XI.1)”», в котором содержалось разъяснение о том, что соответствующее уведомление акционерным обществом может осуществляться *в той же форме, в которой оно извещает акционеров о проведении общего собрания*[8].

В 2015 г. по трем категориям корпоративных споров, а именно: при оспаривании участниками сделок, совершенных обществом, по делам о признании недействительными решений общих собраний и делам о взыскании причиненных корпорации убытков по требованиям её участников, Гражданским кодексом нему, участник корпорации должен «принять разумные меры по заблаговременному уведомлению других участников корпорации и в соответствующих случаях корпорации о намерении обратиться с такими требованиями в суд, а также предоставить им иную информацию, имеющую отношение к делу»[9]. При этом, согласно позиции Верховного Суда РФ, порядок уведомления может быть предусмотрен законом и учредительным документом корпорации[10]. Однако на уровне учредительных документов не может быть закреплен порядок уведомления, который создавал бы существенные препятствия для обращения истца в суд, и, в частности, возлагал бы на участника чрезмерные расходы[11].

Из всех специальных федеральных законов о корпорациях порядок уведомления предусмотрен только п. 1 ст. 93.1 Федерального закона «Об акционерных обществах»[12]. Так, согласно данному положению, акционер или член совета директоров (наблюдательного совета), который

---

7 Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 16.01.2017 № 05АП-9653/2016 по делу № А24-4176/2016.

8 Доступен в СПС «КонсультантПлюс» по состоянию на 06.12.2012: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PNPA&n=565#r7oHvrUoTaVZ5aC9

9 П. 2 ст. 65.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301 (далее по тексту — ГК РФ).

10 Абз. 2, п. 33 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 23 июня 2015 г. № 25. Бюллетень Верховного Суда РФ, № 8, август, 2015.

11 Абз. 3, п. 33 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 23 июня 2015 г. № 25.

Несомненно, здесь напрашивается вывод о том, что именно указание в уставе юридического лица на возможность направления такого уведомления в электронной форме либо через юридическое лицо, либо непосредственно другим участникам юридического лица позволит избежать каких-либо сложностей в исполнении участником обязанности предварительно уведомить о намерении обратиться в суд.

12 Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 года № 208-ФЗ (ред. 08.08.2024). Собрание законодательства РФ, 01.01.1996, № 1, ст. 1 (далее по тексту — Закон об акционерных обществах).

намеревается подать иск в суд, направляет в общество уведомление в письменной форме, которое должно поступить в организацию не менее чем за пять дней до дня обращения в суд. Однако в контексте рассматриваемого вопроса особенный интерес представляют положения о том, что само общество уведомляет своих акционеров уже после получения подтверждения о принятии судом к производству иска (п. 2 и 3 ст. 93.1 Закона об акционерных обществах). Для публичных обществ установлена исключительно электронная форма доведения информации об уведомлении о намерении обратиться в суд. Публичное общество не позднее трех дней со дня получения подтверждения о принятии судом к производству иска, если более короткий срок не предусмотрен уставом общества, обязано разместить уведомление о намерении обратиться в суд и все прилагаемые к нему документы на сайте, используемом обществом для раскрытия информации, а также раскрыть информацию о принятии судом указанного иска к производству в порядке, установленном законодательством о ценных бумагах для раскрытия сообщений о существенных фактах (п. 3 ст. 93.1 Закона об акционерных обществах)[13].

В соответствии с п. 2 ст. 93.1 Закона об акционерных обществах непубличное общество не позднее трех дней со дня получения подтверждения о принятии судом к производству иска обязано довести до сведения акционеров общества, зарегистрированных в реестре акционеров общества, полученное уведомление *о намерении обратиться в суд* и прилагаемые к нему документы в порядке, предусмотренном для сообщения о проведении заседания или заочного голосования для принятия решений общим собранием акционеров, если иной порядок не предусмотрен уставом непубличного общества.

Если вернуться к вопросу об определении порядка исполнения юридическим лицом обязанности по уведомлению, возложенной арбитражным судом, то представляется, что сто́ит по аналогии руководствоваться рассмотренными правилами (п. 2 ст. 65 ГК РФ, ст. 93.1 Закона об акционерных обществах), т. к. предусмотренная ими процедура вполне подходит и для исполнения акционерным обществом обязанности уведомить о корпоративном споре своих участников и иных лиц, указанных в ч. 3 ст. 225.4 АПК РФ[14]. Из вышеизложенного, следует сделать вывод о том, что необходимо внесение соответствующего дополнения в Закон об акционерных обществах.

При этом для иных непубличных обществ и хозяйственных товариществ логика правил должна быть такой же, как это предусмотрено законом для непубличных акционерных обществ: если иной порядок не закреплен учредительным документом юридического лица[15], то должен применяться порядок уведомления о проведении заседания или заочного голосования для принятия решений общим собранием участников общества. При этом в целях обеспечения

[13] При этом следует обратить внимание, что на основании на п. 1 ст. 92.2 Закона об акционерных обществах Правительством РФ установлены случаи, в которых общество вправе не раскрывать и (или) предоставлять информацию, в том числе и о корпоративном споре (см.: п. 14 Приложения к постановлению Правительства РФ «Об особенностях раскрытия и (или) предоставления информации, подлежащей раскрытию и (или) предоставлению в соответствии с требованиями Федерального закона "Об акционерных обществах" и Федерального закона "О рынке ценных бумаг"» от 04.07.2023 № 1102. Собрание законодательства РФ, 10.07.2023, № 28, ст. 5221).

[14] Так, в силу п. 41.1 Положения Банка России «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг» сведения о возбуждении производства по делу в суде по корпоративному или существенному спору, а также о принятии судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу по корпоративному или существенному спору раскрываются в форме сообщения о существенном факте (см.: Положение Банка России «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг» от 27.03.2020 № 714-П (ред. от 30.09.2022). Вестник Банка России, № 39-40, 27.05.2020).

[15] Пункт 1 ст. 52 ГК РФ.

единообразного подхода, по нашему мнению, целесообразно включение этого правила в общие положения о хозяйственных товариществах и обществах (§ 2 гл. 4 ГК РФ).

В соответствии с положениями п. 2 ст. 52 Закона об акционерных обществах сообщение о проведении заседания или заочного голосования доводится до сведения лиц, имеющих право голоса при принятии решений общим собранием акционеров и зарегистрированных в реестре акционеров общества, путем направления регистрируемых почтовых отправлений или вручения под роспись, если иные способы направления (опубликования) такого сообщения не предусмотрены уставом общества. При этом устав общества может предусматривать один или несколько из следующих способов доведения сообщения о проведении заседания или заочного голосования до сведения лиц, имеющих право голоса при принятии решений общим собранием акционеров и зарегистрированных в реестре акционеров общества:

1) направление электронного сообщения о проведении заседания или заочного голосования по адресу электронной почты соответствующего лица, указанному в реестре акционеров общества;
2) направление текстового сообщения о проведении заседания или заочного голосования, содержащего порядок ознакомления с таким сообщением, на номер контактного телефона или по адресу электронной почты, которые отражены в реестре акционеров общества;
3) опубликование в определенном уставом общества печатном издании и размещение на определенном уставом общества сайте общества либо размещение *только* на его сайте.

В Федеральном законе «Об обществах с ограниченной ответственностью» прослеживается та же логика[16]. Уведомление участников по общему правилу осуществляется регистрируемым почтовым отправлением по адресу, указанному в списке участников общества, иной способ должен быть предусмотрен уставом корпорации (п. 1 ст. 36 Закона об ООО). Однако в отличие от положений Закона об акционерных обществах, способы, которые могут быть конкретизированы в уставе общества, законодателем в Законе об ООО прямо не указаны.

Анализ приведенных норм специальных федеральных законов свидетельствует о том, что для установления порядка уведомления обществом своих участников в электронной форме необходимо внесение соответствующих положений в устав общества, т. е. выбор порядка уведомления зависит от воли участников юридического лица. Возможно также предусмотреть, что электронная форма извещения — по электронной почте, на номер контактного телефона или посредством размещения информации на сайте общества в сети Интернет — будет использоваться как дополнительный способ доведения информации о корпоративном споре до заинтересованных лиц наряду с традиционным (регистрируемым почтовым отправлением). При этом с учетом развития электронных способов коммуникации[17] в науке уже неоднократно высказывались рекомендации закреплять в уставе общества иные способы уведомления, в том числе направление уведомления о созыве собрания по электронной почте или через размещение информации на сайте общества в сети Интернет (Kharitonova & Shitkina, 2021, pp. 78–82).

Следует отметить, что наиболее целесообразным является включение в учредительный документ юридического лица *специального* порядка доведения организацией информации

[16] Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Собрание законодательства РФ, 16.02.1998, № 7, ст. 785 (далее по тексту — Закон об ООО).

[17] Следует отметить, что пандемия дала мощный толчок к развитию цифровых технологий в корпоративном праве. При этом исследователями отмечается особая актуальность цифровизации корпоративного законодательства, направленной на создание условий для эффективного взаимодействия субъектов корпоративных отношений в цифровой среде (Gabov, 2021, pp. 24–64; Gutnikov, 2020, pp. 59–73).

о корпоративном споре — будь то по электронной почте, указанной участником или иным лицом, указанным в ч. 3 ст. 225.4 АПК РФ, на номер контактного телефона или посредством размещения информации на сайте общества в сети Интернет, который в таком случае будет применяться вне привязки к принятой обществом формы уведомления для ординарных корпоративных процедур (к примеру, о предстоящем заседании или заочном голосовании для принятия решения общим собранием общества). Среди преимуществ электронных способов уведомления следует отметить, прежде всего, оперативность, которую невозможно обеспечить при том же уведомлении регистрируемым почтовым отправлением иностранных участников. Также электронная форма уведомления может значительно сократить расходы юридического лица (а впоследствии и судебные издержки по корпоративному спору)[18], которые при значительном количестве участников юридического лица могут составлять значительную сумму.

Заключение

На современном этапе можно констатировать, что только цифровые технологии позволяют в полной мере оперативно обеспечить информирование о корпоративном споре и, соответственно, гарантировать эффективное привлечение в процесс всех заинтересованных лиц, а также существенно снизить расходы данной процедуры.

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что электронная форма уведомления применяется императивно только в публичных акционерных обществах. При этом использование непубличными хозяйственными товариществами и обществами электронных форм уведомления о корпоративном споре своих участников и иных лиц, упомянутых в ч. 3 ст. 225.4 АПК РФ, должно быть прямо предусмотрено уставом юридического лица. Таким образом, выбор конкретного порядка уведомления — по электронной почте, указанной участником, на номер контактного телефона, посредством размещения информации на сайте общества в сети Интернет или иным образом — зависит от воли участников организации. Если порядок доведения информации о корпоративном споре учредительным документом не закреплен, то должен применяться порядок уведомления о проведении заседания или заочного голосования для принятия решений общим собранием участников общества (при этом иные способы уведомления могут быть также установлены учредительным документом).

Предложенный в настоящей работе подход к определению порядка уведомления о корпоративном споре позволит избежать практических сложностей установления арбитражным судом сроков уведомления, а также трудностей с предоставлением в арбитражный суд доказательств выполнения возложенной на корпорацию информационной обязанности.

Список литературы / References

1. Gabov, A. V. (2021). Elektronnoe vzaimodeystvie i tsifrovye tekhnologii v korporativnom upravlenii aktsionernym obshchestvom v Rossii [Electronic interaction and digital technologies in corporate governance of a joint-stock company in Russia]. *Law Journal of the Higher School of Economics*, (2), 24–64. https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.2.24.64

[18] В соответствии со ст. 106 АПК РФ расходы юридического лица на уведомление о корпоративном споре включаются в состав судебных издержек.

2. Gutnikov, O. V. (2020). Tendentsii razvitiya korporativnogo prava v sovremennykh usloviyakh [Corporate law development trends at the present time]. *Zhurnal Rossijskogo Prava*, (8), 59–73. https://doi.org/10.12737/jrl.2020.094
3. Kharitonova, Y., & Shitkina, I. (2021). Stat'ya 36. Poryadok sozyva obshchego sobraniya uchastnikov obshchestva [Article 36. The procedure for convening the general meeting of the company's members]. In I. S. Shitkina (Ed.), *Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Federal'nomu zakonu "Ob obshchestvakh s ogranichennoy otvetstvennost'yu"* [Scientific and practical commentary on the Federal Law "On Limited Liability Companies"] (Vol 2, pp. 78–82). Statut.
4. Laptev, V. A. (2023). Puti razvitiya tsifrovogo pravosudiya v Rossii v sfere arbitrazhnogo sudoproizvodstva [Ways of developing digital justice in Russia in the field of arbitrazh proceedings]. *Vestnik Ekonomicheskogo Pravosudiya Rossiyskoy Federatsii,* (5), 168–187. https://doi.org/10.37239/2500-2643-2022-18-5-168-187
5. Mingaleev, P. R. (2023). Application of electronic tools by participants in commercial proceedings. *Digital Law Journal,* 4(1), 86–128. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2023-4-1-86-128
6. Razdyakonov, E. (2020). Pravo na poluchenie informatsii o sudebnom korporativnom spore [The right to receive information about a judicial corporate dispute]. *Arbitrazhnyj i Grazhdanskiy Protsess,* (6), 29–33.
7. Sherstyuk, V. M. (2012). Deystvuyushchiy APK RF — etap v razvitii arbitrazhnogo processual'nogo zakonodatel'stva [Current Commercial Procedural Code of the Russian Federation — a stage in legal development of commercial procedure]. *Zakonodatel'stvo*, (6), 46–59.
8. Valeev, D. Kh., & Nuriev, A. G. (2020). Protsessual'nyye posledstviya dinamiki uluchsheniya urovnya sudebnoy zashchity v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki [Procedural consequences of the dynamics of the improvement of the judicial protection level in conditions of digital economy]. *Rossiyskiy Sud'ya*, (7), 60–64. https://doi.org/10.18572/1812-3791-2020-7-60-64
9. Yakusheva, E. E. (2021). Tsifrovye tekhnologii i obespechenie dostupnosti pravosudiya [Digital technologies and accessibility of justice]. *Arbitrazhnyj i Grazhdanskiy Protsess*, (7), 8–12. https://doi.org/10.18572/1812-383X-2021-7-8-12
10. Zhurbin, B. (2012). Voprosy podgotovki i rassmotreniya sudami po sushchestvu del po proizvodnym iskam [Issues of preparation and consideration by the courts on the merits of cases on derivative claims]. *Arbitrazhnyi i Grazhdanskiy Protsess*, (1), 18–22.

Сведения об авторе:

Ионова Д. Ю. — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства имени М. С. Шакарян, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия.
dyuionova@msal.ru

Information about the author:

Dina Yu. Ionova — Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Civil and Administrative Procedure named after M. S. Shakaryan, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia.
dyuionova@msal.ru